

ПРОСТРАНСТВО

психоанализа и психотерапии

№1 · 2021

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУЦИИ: зачем нужны и как пользоваться

О вирусе:
мыслить под обстрелом,
принимать онлайн

XIII Зимняя школа
индивидуация и социализация:
желаемое и дозволенное

Киноклуб:
психоанализ культуры
в пространстве кадра

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА

14

«ЕЕСРР — сообщество, в котором правит дух коллегиальности»

Интервью Барбары Фитцджеральд

20

«Утешать тех, кто страдает, и вызывать страдание у тех, кому комфортно»

Интервью Эдриана Роудза

22

«Благо и проклятие психоаналитических институций»

Интервью Маркуса Фая

25

Обзорная экскурсия по ЕАРПП

Гридаева Г. В.

39

Клинические субботы — мероприятия РО-Москва и не только мероприятия

Савичева Е. П.

СОБЫТИЯ

46

XIII Зимняя Школа 2021.
Индивидуация и социализация:
желаемое и дозволенное

Введение

48

Три доклада и один терапевтический процесс

Васильева Е. И.

50

Социализация и индивидуация глазами французского психоаналитика

Ларина Е.-К. Н.

54

Травма Я и индивидуация: лебединая верность себе

Мазалова Н. А.

62

Синопис к докладу Рональда Доктора «Индивидуация и социализация: путешествие героя»

Маслов М. Н.

66

Идентичность спасателя как форма ранней социализации ребенка

Преображенская Е. И.

77

При живом отце — безотцовщина. Как это бывает

Гунар Т. Ю.

85

Психоаналитик в поисках себя, команды, сообщества

Федоров Я. О.

94

Голова займы. Заметка после доклада Я. О. Федорова

Гридаева Г. В.

ИЗ МИРА НАУКИ / ОБ ИНСТИТУЦИЯХ

98

Идентичность и принадлежность в психоаналитических институтах в свете диадических отношений

Марион Верт

107

Институции — неотъемлемая «третья сторона», определяющая парадигму функционирования профессионального сообщества

Янина Мику

122

Наблюдающий участник в психотерапевтической клинике

Вильгельм Скогстад

О ВИРУСЕ

128

Пандемия: мыслить под обстрелом, принимать онлайн

Савичева Е. П.

134

Пандемия. Попытка осмысления

Холобесова А. В.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЮДЯМ ПРО ЛЮДЕЙ

140

«Психоанализ — это интересно!
Вам я очень советую, деточка»

Интервью с Председателем
РО-Пенза Умной Е. Л.

ПСИХОАНАЛИЗ КУЛЬТУРЫ

150

Киноклуб: психоанализ культуры
в пространстве кадра

Князькова О. Н.

156

О проекте «Свободной Ассоциации»
«Фильм-Анализ»

Кн язева А. В., Левина В. А.,
Черникова А.Ю.

159

Свободный киноклуб

Фогт А. А.

162

«Все не то, чем кажется»

Интервью Зоткиной Е. А.

169

«Киноклуб — уже не проект, мы этим
уже живём...»

Владимирова Е. Ю.

172

«Фильмы перестают быть развлечением»

Интервью Николаевой И. И.

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

180

Рецензия на анимационный
фильм Хаяо Миядзаки «Унесенные
призраками»

Черникова А. Ю.

183

Рецензия на фильм А. В. Хансена
«Я убиваю великанов»

Лёвина В. А.

184

Анализ фильма «Эскорт»: «Секс —
не тайна, тайна — отношения»

Метельская Ю. С.

190

Супергерои в поисках депрес-
сивной позиции

Гридаева Г. Г.

200

Обзор книги Каролы Ленэке «Сексу-
альные преступления и симбиоти-
ческие отношения: научное психоа-
налитическое исследование»

Лемешко К. А.

АНОНСЫ

208

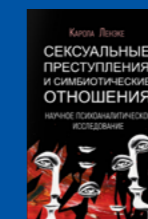
Навигатор событий

С 15 марта по 31 августа 2021

212

«Сексуальные преступления
и симбиотические отношения:
научное психоаналитическое
исследование»

Ленэке К.

213

«На грани современного анализа»

Федоров Я. О.

214

ОБ АВТОРАХ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Стулова Юлия Евгеньевна

Психолог-психоаналитик, сертифицированный специалист ЕАРПП (Россия, РО-Москва) и ЕСРР (Vienna, Austria), член Правления ЕАРПП, член Комитета по науке РО-Москва (ЕАРПП).

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гридаева Галина Витальевна

Врач-психотерапевт, психоаналитик, сертифицированный специалист и тренинг-аналитик ЕАРПП (Россия, РО-Самара) и ЕСРР (Vienna, Austria), член Правления ЕАРПП, заместитель председателя РО-Самара (ЕАРПП), руководитель Центра Современного Психоанализа (г. Самара), заместитель председателя Самарского Психоаналитического Общества.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Коряков Ярослав Игоревич

Клинический психолог, психотерапевт, психоаналитик, тренинг-аналитик и супервизор ЕАРПП (Россия, РО-Екатеринбург) и ЕСРР (Vienna, Austria), член Правления ЕАРПП, член Российского Психологического Общества (РПО), старший преподаватель кафедры клинической психологии и психофизиологии Уральского Федерального Университета, член Международного института психотерапии (ИПИ).

РЕДАКТОР-КОРРЕКТОР

Тишкова Татьяна Олеговна

Сертифицированный специалист и тренинг-аналитик ЕАРПП (Россия, РО-Москва) и ЕСРР (Vienna, Austria), член Правления ЕАРПП, руководитель Секции детского психоанализа РО-Москва (ЕАРПП), вице-президент Русского балинтовского общества.

Тимошкина Алина Алексеевна

Психоаналитик, групп-аналитик, психотерапевт, клинический психолог (МГУ), тренинг-аналитик и супервизор ЕАРПП (Россия, РО-Москва) и ЕСРР (Vienna, Austria), президент ЕАРПП и член правления ЕСРР, член Комитета по сертификации и аккредитации ЕАРПП, кандидат психологических наук, доцент кафедры клинического психоанализа (Московский Институт Психоанализа), руководитель секции групп-анализа (ЕАРПП-Москва, ОППЛ), руководитель Международной Школы Группового Психоанализа (COIRAG, EGATIN, ЕСРР) и Центра Психотерапии и Психоанализа.

Мизинова Татьяна Владимировна

Психоаналитик, тренинг-аналитик и супервизор ЕАРПП (Россия, РО-Москва) и ЕСРР (Vienna, Austria), паст-президент и почетный член ЕАРПП и Вице-президент ЕСРР, кандидат социологических наук, преподаватель Открытого Медико-Психологического Университета (ОМПУ) и Московского Института Психоанализа (МИП), член наблюдательного совета и этической комиссии СРО «Союз психотерапевтов и психологов», директор центра психологической поддержки и современного психоанализа «Персона».

Фостиропуло Христина Григорьевна

Психоаналитик, сертифицированный специалист ЕАРПП (Россия, РО-Республика Башкортостан) и ЕСРР (Vienna, Austria), член Правления ЕАРПП, председатель РО-Республика Башкортостан (ЕАРПП).

Князькова Олеся Николаевна

Психоаналитически ориентированный психолог, кандидат педагогических наук, член ЕАРПП (Россия, РО-Самара) и ЕСРР (Vienna, Austria), член правления РО-Самара (ЕАРПП).

Маслов Михаил Николаевич

Магистр психологии, сертифицированный специалист и тренинг-аналитик ЕАРПП (Россия, РО-Ростов-на-Дону) и ЕСРР (Vienna, Austria), член Правления ЕАРПП, председатель РО-Ростов-на-Дону (ЕАРПП), аккредитованный супервизор ОППЛ.

ДИЗАЙН И ВЕРСТКА

Симонов Алексей Борисович

Психоаналитически-ориентированный психотерапевт, член ЕАРПП (Россия, РО-Москва) и ЕСРР (Vienna, Austria), кандидат искусствоведения.

В ПОДГОТОВКЕ НОМЕРА ПРИНИМАЛИ УЧАСТИЕ:

Фарафонова Елена Геннадьевна

Психолог-психоаналитик, сертифицированный специалист и тренинг-аналитик ЕАРПП (Россия, РО-Екатеринбург) и ЕСРР (Vienna, Austria), председатель Правления РО-Екатеринбург и член Правления (ЕАРПП).

Холобесова Анастасия Вячеславовна

Психоаналитик, член ЕАРПП (Россия, РО-Москва) и ЕСРР (Vienna, Austria).

Тармогина Татьяна Анатольевна

Психоаналитик, член ЕАРПП (Россия, РО-Москва) и ЕСРР (Vienna, Austria).

ЕАРПП

Национальное отделение
ECPA (Vienna, Austria)

Электронный периодический
(ежеквартальный) научно-
информационный журнал
«Пространство психоанализа
и психотерапии» ©

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати
и Роспотребнадзоре.
Учредитель и издатель:
МОО «Европейская ассоциация
развития психоанализа
и психотерапии».
Свидетельство ОГРН
1186658093764 от 21.04.2020 г.

Все права защищены. Перепечатка
текстов и иллюстраций только
с разрешения редакции.
При цитировании ссылка на жур-
нал «Пространство психоанализа
и психотерапии» обязательна.
Редакция не всегда разде-
ляет точку зрения авторов.
Редакция не несет ответ-
ственности за содержание
рекламных материалов.

Подписка: бесплатно.
Для ознакомления с номером
достаточно зайти на сайт:
<https://earpp.ru/>.

Для получения уведомлений
о выходе нового номера под-
пишитесь на общую рассылку
сайта.

Адрес размещения номеров:
https://earpp.ru/journal_earpp/

Для контактов с редакцией:
E-mail: earpp.journal@gmail.com
№1, 2021: дата выхода: 15 марта
2021 г.

ISBN 978-5-6040138-4-7

ISBN 978-5-6040138-4-7

9 785604 013847

ОТ РЕДАКЦИИ

Новый научно-информационный жур-
нал «Пространство психоанализа и пси-
хотерапии» — это официальное изда-
ние Европейской Ассоциации Развития
Психоанализа и Психотерапии (ЕАРПП).

Цели издания определяются целями
ЕАРПП:

- внести свой вклад в развитие психо-
анализа и психоаналитической психоте-
рапии, в том числе через распростране-
ние научных и прикладных знаний;

- способствовать повышению ква-
лификации, профессиональному разви-
тию и самопродвижению специалистов,
работающих в области психического
здоровья;

- принимать активное участие в дея-
тельности сообщества, в том числе в на-
лаживании и расширении коммуника-
тивного пространства.

Электронная версия находится в от-
крытом доступе и бесплатна для всех,
но целевая аудитория журнала — это
профессионалы: психологи, психо-
аналитики, психотерапевты и психи-
атры. Журнал ЕАРПП на сегодняшний
день — уникальный проект, у которо-
го нет русскоязычных аналогов. «Про-
странство психоанализа и психотера-
пии» — не сборник статей, не альманах,
а новая институция, диалоговое про-
странство, платформа для научных дис-
куссий и обмена опытом.

В своем стремлении к познанию исти-
ны мы движемся «per aspera, ad astra» —
«сквозь тернии к звездам», преодоле-
вая мощное сопротивление пациентов

и собственного Я. Культура и, как част-
ное ее проявление, институция всегда
будут носить репрессивный характер,
так как их задачей является подавле-
ние и трансформация наиболее мощных
эмоциональных влечений, претендую-
щих на немедленное и полное удовлет-
ворение. Но смысл культуры не в наси-
лии, а в создании общего пространства,
в рамках которого возможна встреча
с Другим.

Поиск баланса между стремлени-
ем знать и не знать, быть свободным
и потребностью в Другом, всегда бу-
дет сложным и незавершенным процес-
сом. Как психоаналитики, мы знаем, не-
возможно найти абсолютное знание,
но здесь, как в известном фильме, «знать
путь и пройти его — не одно и то же», —
само прохождение пути меняет идущего.

Мы создали новое пространство, про-
ложите свои пути.

Главный редактор Стулова Ю. Е.

Зарезервируйте даты

календарь событий журнала
с 15 марта по 31 августа 2021

11 апреля
12:00–14:00 (мск)

Дискуссионный форум
по материалам первого номера

Участие: только онлайн, на платформе Zoom, бесплатно для всех желающих
Предварительная регистрация обязательна и заканчивается 10 апреля.
Зарегистрироваться вы можете на странице журнала на сайте
https://earpp.ru/journal_earpp/

17–18 апреля

Онлайн-конференция по психоанализу
«Границы родительской любви:
дозволенное, недозволенное»
Секция журнала ЕАРПП в рамках
конференции РО-Самара

Для участия зарегистрируйтесь
на конференцию
<https://earpp.ru/ro-samara-onlajn-konferenciya-po-psihoanalizu-granicy-roditelskoj-ljubvi-dozvolennoe-nedozvolennoe-17-18-aprelya/>
Участие платное

5–6 июня

IX Межрегиональная
психоаналитическая конференция
«Аналитическая ситуация: прошлое
и будущее в настоящем»
Секция журнала ЕАРПП в рамках
конференции РО-Москва

Для участия зарегистрируйтесь
на конференцию
Следите за новостями на
<http://web.facebook.com/moscow.earpp.ecpp/>
Участие платное

15 июня

Выход второго номера

Бесплатно на
https://earpp.ru/journal_earpp/

27 июня
12:00–14:00 (мск)

Дискуссионный форум
по материалам второго номера

Участие: только онлайн, на платформе Zoom, бесплатно для всех желающих
Предварительная регистрация обязательна и заканчивается 26 июня.
Зарегистрироваться вы можете на странице журнала на сайте
https://earpp.ru/journal_earpp/

Дорогие читатели и коллеги!

В нашей организации состоялось историческое событие — вышел первый номер журнала ЕАРПП «Пространство психоанализа и психотерапии».

С гордостью представляю вам научно-информационное издание в электронном и печатном формате, которое освещает значимые мероприятия психоаналитического сообщества, актуальные теоретические статьи и материалы из практики по психоанализу.

Целью журнала ЕАРПП является создание научно-образовательного пространства, ориентированного на формирование и развитие идентичности психоаналитиков и групп-аналитиков в России.

Приглашаю членов нашей ассоциации к активному участию в его наполнении статьями и интервью. Предлагайте идеи и делитесь отзывами на круглых столах, которые будут организованы редакционной коллегией журнала в рамках наших конференций.

Первый номер посвящен теме: «Психоаналитические институции: зачем нужны и как пользоваться?».

На протяжении двадцати лет я руковожу Международной Школой Группового Психоанализа и являюсь доцентом и преподавателем Московского Института Психоанализа, где на личном опыте убедилась, что институция является крайне значимой средой для формирования психоаналитического мышления. В этом пространстве знания, этика и коллегиальность экологично интегрируются, создавая профессиональный фундамент.

Важные вопросы об идентичности и принадлежности, раскрываются в статьях первого номера нашего журнала. Установление совокупности норм и правил, которые регулируют профессиональную жизнь и деятельность российского психоаналитического сообщества отражает стратегию и направленность публикаций. Исследования институционального взгляда в поле бессознательного раскрывают новые грани психоанализа.

Идея собственного издания родилась в нашей организации как отражение процесса развития научного направления и самопрезентации в общем поле профессиональных сообществ. Издание первого номера «Пространство психоанализа и психотерапии» открывает большие перспективы для Европейской Ассоциации Развития Психоанализа и Психотерапии Национального отделения ЕСРР (Vienna, Austria) и дает простор для мыслей и исследований, сомнений и открытий.

Анонсы, рецензии, обзоры и события предлагают увлекательное путешествие в научный и культурный мир психоанализа.

Искренне желаю журналу найти своих читателей и авторов, стать по-настоящему популярным и востребованным, быть пространством живого и интересного общения, платформой научных дискуссий и обмена опытом!

*С уважением, Президент ЕАРПП
кандидат психологических наук
Алина Алексеевна Тимошкина*

ТЕМА НОМЕРА

Тема номера — особенно важная часть журнала, ей посвящен весь номер, к ней сходятся смыслы всех материалов, раскрывая ее многочисленные грани, создавая, пускай не полную картину, но некоторый срез, проработку заложенной в теме идеи и основной проблемы.

Тема первого номера — «Психоаналитические институции: зачем нужны и как пользоваться». Журнал — это тоже психоаналитическая институция, диалоговое пространство. Размышляя о психоаналитических сообществах, институтах, мы будем рассуждать и о журнале, и о прошлом, настоящем и будущем

того, что делает нас ближе и отдаляет, что помогает и одновременно препятствует нашему пути в профессии.

Тема номера настолько важна, что мы придумали специальное мероприятие, Дискуссионный форум, для того, чтобы иметь возможность по прочтении материалов обсудить с вами возникшие отклики и мысли, продолжить ее жизнь и развитие, «заразить» ею наших читателей, помочь им переработать аффекты в смыслы.

Итак, давайте попробуем разобраться, что такое «психоаналитическая институция», и какое влияние она оказывает на нашу профессиональную жизнь.

Психоаналитические институты: зачем нужны и как пользоваться

В начале нашего путешествия, направленного на исследование вопроса о психоаналитических институтах, мы предлагаем вам обратиться к «отцам-основателям» — Президенту и Паст-президентам Европейской Конфедерации Психоаналитических Психотерапий (ЕСРР, Austria, Vienna), чтобы на примере ЕСРР увидеть, как зарождается одна из них.

Затем мы предлагаем вам Обзорную экскурсию по Европейской Ассоциации развития психоанализа и психотерапии (ЕАРПП, Россия) для того, чтобы познакомиться с тем, чем может стать институция для ее членов.

И продолжим свой рассказ материалом о Клинических субботах — периодическом мероприятии РО-Москва (ЕАРПП) — как примере реализации функций институции.

**Беседовала Мизина Татьяна
Владимировна**

Перевела с английского
Фостиропуло Х. Г.

Барбара Фитцджеральд:

**«ЕЕСРР — сообщество,
в котором правит дух
коллегиальности»**

[об авторе](#)

— В чем заключалась первоначальная идея ЕСРР?

— Идея о создании нашей организации родилась в продолжительных беседах групп заинтересованных коллег, в результате чего в 2003 году во Львове, Украина, была учреждена ЕСРР.

Первыми объединились представители Германии, Австрии и Швейцарии. Далее объединение расширилось и включило Ирландию, Великобританию, Венгрию, Бельгию, Украину и Россию в единое профессиональное поле. Сначала мы сидели и разговаривали об истории и проблемах развития психоанализа в наших странах.

Этот дух коллегиальности был характерной чертой того времени, основой наших начинаний стали открытость и широта мнений, что было прописано и в нашем Уставе. ЕСРР — это форум, цель которого

объединение всех психоаналитических терапевтов и психотерапевтических организаций, практика которых основана на концепциях переноса и сопротивления. Это описание появилось благодаря Хорсту Кехеле¹, который был одним из наших основателей. Цитирую: «Каждый, кто прошел обучение в соответствии с европейскими стандартами и работает с переносом и сопротивлением, является нашим коллегой».

ЕСРР развивалась в несколько этапов. В результате первого этапа мы были юридически оформлены в Вене как официальная организация со своим Уставом, меморандумом и нормами практики. После того, как мы зарегистрировались как юридическое лицо, мы подали заявку в Европейскую Ассоциацию Психотерапии (ЕАП) с просьбой принять нас в качестве Европейской организации по модальности психоанализ.

Мы были приняты и стали аккредитованной европейской организацией (EWAO) по модальности психоаналитическая психотерапия в ЕАП. Процесс включал согласование по тренинговым стандартам ЕАП у шести организаций и интервью из 15 вопросов по философии, методологии, исследованиям и профессиональным аспектам нашего метода. В течение следующих двадцати лет членство и представительство на всех уровнях ЕАП позволило нам влиять на формирование ключевых аспектов политики и подходов к психотерапии.

Все психоаналитические обучающие организации, аккредитованные ЕАР, проходят через нас, также как индивидуальные члены, получающие Европейский сертификат психотерапевта ЕСРР.

¹ Хорст Кехеле (Horst Kächele, 1944–2020) — известный учёный в области исследований психоаналитического процесса, профессор, доктор медицины, декан отделения психотерапии Ульмского университета, директор Штутгартского центра психотерапевтических исследований, приглашённый профессор психоанализа Лондонского университета, член комитета по психоаналитическим исследованиям Международной психоаналитической ассоциации (IPA).

На втором этапе создавалась документация, все наши внутренние рабочие кодексы, кодексы для сертификации и аккредитации. Третий этап был посвящен установлению нашей идентичности. Мы продолжили сертификацию и активно развивали научную деятельность, проводя конференции и семинары. На протяжении этих лет они были посвящены различным темам, в том числе: образование и обучение в области психоанализа, современные тенденции, творчество и запреты в психоанализе, культура, история и память, женский образ и идентичность, аналитическое пространство, технокультура и бессознательное.

Почему мы и сейчас продолжаем работать? Мы тесно связаны с Европейской ассоциацией психотерапии (ЕАР), которая продолжает развиваться и расти, мы живем непрерывной научной жизнью, сложились прочные коллегиальные и профессиональные отношения по всей Европе, мы открыты для развивающихся территорий, у нас выработаны стандарты тренинга, которые соответствуют европейским стандартам обучения. Мы идем в ногу со временем.

— Расскажите об истории вашего профессионального развития и приобретения психоаналитического сообщества на этот процесс?

— Я окончила Тринити колледж в Дублине по специальности «Экономические и социальные науки». Середина 70-х была потрясающим временем для учебы в университете, феминистское движение стало той атмосферой, в которой зарождалась жизнь молодой ирландской женщины того времени. В этот период в Ирландии начала развиваться и психотерапия. Моим первым обучением после окончания университета стал курс системной семейной терапии.

Я работала в прогрессивном и новаторском больничном отделении детской и подростковой психиатрии. Это был активный период работы с женщинами, детьми и семьями. Из-за рубежа к нам приезжало много опытных и влиятельных семейных терапевтов, они супервизировали и обучали нас. Это было особенно плодотворное время в моей профессиональной жизни.

В дальнейшем эта способность к системному мышлению оставалась моим главным принципом в поиске различных точек зрения на любую ситуацию. Затем эта способность была усовершенствована и культивирована при обучении психоанализу и глубоком изучении различных взглядов на личность человека. Важной частью моего становления в области психоанализа, наряду с теоретической и клинической подготовкой, стали два долгосрочных личных анализа, которые я прошла в разные периоды моей жизни.

Еще один этап моего профессионального становления связан с обучением в Eckhart House. В начале 80-х годов доминиканский психолог и священник, прошедший обучение у Джоан и Роджера Эванс в Институте психосинтеза в Лондоне, вернулся в Ирландию и основал институт под названием Eckhart House, названный в честь Мейстера Экхарта. Ключевым вопросом для доминиканца Микаля О’Регана был смысл жизни. Он ставил этот вопрос так: «Как мы можем толковать реальность?».

Как организовать различные элементы нашего существования? Как найти путь между бессознательными инстинктами и самым глубоким зовом духа? Как реагировать на опыт творчески, а не с завистью или отчаянием? Институт за тридцать пять лет своего существования стал авторитетной площадкой объединения психотерапевтов, психоаналитиков и психологов Ирландии.

Микаль пригласил группу специалистов-практиков разработать программы, позволяющие исследовать «золотую середину между идеями современной психологии и идеями великих духовных традиций». Большую часть моей профессиональной жизни я была членом главного факультета и команды. Eckhart House стал пробным камнем ирландского общества.

Тренеры, психоаналитики, психотерапевты принимали участие в различных семинарах. Это были 80-е годы, и я, побуждаемая личным интересом и желанием разобраться с возбуждением бессознательного, продолжила изучение психоанализа вместе с группой психоаналитиков, которые сформировали первую

«На меня всегда глубоко влияли точки зрения, включающие рассмотрение всех уровней личности: бессознательного, системного влияния, богатства философских и глубинных подходов к жизни»

психоаналитическую группу в Ирландии, до сих пор активную, хоть и не так как прежде.

На протяжении всей моей профессиональной жизни я была вовлечена в клиническую работу в больницах, учреждениях, организациях. Я много лет читала лекции по различным предметам в университетах и в учебных заведениях, и до сих пор преподавание занимает основную часть моей трудовой жизни. Я занимала руководящие должности в профессиональных организациях как в Ирландии, Великобритании, так и в Европе, и поддерживала инициативы по развитию психоанализа и психотерапии.

На меня всегда глубоко влияли точки зрения, включающие рассмотрение всех уровней личности: бессознательного, системного влияния, богатства философских и глубинных подходов к жизни, а также мои многочисленные учителя и коллеги, которые обогатили мой опыт и которые были рядом со мной на крутых поворотах дороги жизни.

— Какие есть «узкие места», «подводные камни» в профессиональных сообществах?

— Подводным камнем любой профессиональной организации может стать момент, когда она оказывается настолько заиклена сама на себе, что эта позиция начинает главенствовать в учебном процессе, политике и регулирующем пространстве.

С другой стороны, границы могут стать настолько расплывчатыми, что неясно, где они находятся, и такая потеря фокуса может ограничивать. Когда организация достигает первоначально поставленной цели и все задачи выполнены, но она еще продолжает существовать — также является «узким местом» функционирования.

Всегда полезно посмотреть на актуальность основных целей и соотнести их с новыми психосоциальными, психологическими и культурными условиями. Какие проблемы стоят перед психоанализом как терапевтической практикой и профессией сегодня? Это, конечно, отсылает нас к вопросу об идентичности психоанализа, особенно в контексте постмодернистской глобализации.

Как вы знаете, ЕСРР отвечает на потребность современного психоанализа быть разработанным заново как в профессиональной, так и в учебной областях, особенно в профессиональном и социальном контекстах, частью которых мы являемся. Это очень важно, и благодаря нашим обсуждениям и взаимному обогащению идеями мы как организация становимся контейнером, отражающим серьезные сложности в экономике, политике и социуме.

— В чем, на ваш взгляд, отличие российских коллег от западных? В чем особенность русского психоанализа?

— Взаимодействие и работа с коллегами из Восточной Европы стали плодотворным опытом в моей профессиональной жизни как психоаналитика. У меня большой опыт чтения лекций и проведения дискуссий на самые разные темы. Приведу один забавный случай из моего опыта, который отражает непростой процесс принятия различий. В Ирландии перед началом семинаров участники вовлекаются в атмосферу неформального общения.

Всегда есть время для того, чтобы поговорить, например, об актуальной политической сплетне или крупном общественном событии, мы очень разговорчивая нация. В таких беседах для нас есть ценность. Когда я начинала вести супервизии и лекции для коллег из Восточной Европы, меня порой удивляла выжидательная

тишина. Конечно, речь идет о пространстве переноса, но также и о способе социального взаимодействия, вежливом, и одновременно связанным с ожиданием того, что что-то произойдет.

В Ирландии эти предварительные разговоры как бы несут жизненную силу, и без них мы будем страдать во время лекции. В странах Восточной Европы все внимание сосредоточено на спикере и его авторитете. Хорошо это или плохо, но всегда присутствует ожидание того, как все повернется. Конечно, это стереотипные примеры, но эта разница меня поразила. Еще одно мое наблюдение: коллеги в Восточной Европе, безусловно, умеют веселиться, и я много раз давала волю своей любви к танцам в очень приятной обстановке.

— **Какова социальная роль (влияние) психотерапевтического / психоаналитического сообщества на общество в целом?**

— Это отсылает нас к вопросу об идентичности психоанализа, особенно в контексте постмодернистской глобализации. Я хотела бы остановиться на двух аспектах:

а. Политический и культурный контекст

Очень важно ценить наш опыт в различных культурных контекстах, а также укреплять и делиться нашим пониманием отношений между человеком и его/ее культурной и социальной средой. В частности, важно смотреть в глаза реальности и тем ее вызовам, с которыми мы сталкиваемся в рамках формирующей нашу жизнь бессознательной социальной динамики.

Сегодня в Ирландии и в других странах необходимо замечать силы вырождения и регресса, влияющие на трудовую жизнь людей. Важно, чтобы мы развивали социальную и политическую значимость психоаналитических идей. Так мы сможем противостоять слепоте неолиберальных монополий, которые подчиняют желания человека экономике и производству. Существует фантазия, что рыночные силы экономики регулируют всю деятельность человека и что они вовлечены в процесс преобразования идентичности и субъективности в индивидууме. Психоаналитические

идеи предоставляют аргументы для оспаривания этой концепции природы человека. В конечном счете, психоанализ — это создание смыслов, осмысление субъективной реальности человека, живущего своей собственной жизнью.

б. Общественное и личное

В нашей современной культуре психоанализ как практика и как профессия может стать переводчиком в конкурирующих отношениях между общественным и личным опытом субъекта. Однако мы можем не только это. Наша задача озвучить те искажения, которые возникают из-за деформации субъективности, чтобы фундаментальные анархические отличия бессознательного могли выразить себя и быть понятыми в судьбе наших пациентов, в нашей жизни, а также в жизни того общества и культуры, которым мы принадлежим.

В основе своей психоанализ — это соприкосновение с тем, что движет людьми и что составляет истину их желаний. Это также интерпретативный дискурс. Бессознательное, как его ключевое понятие, дестабилизирует любую идеологическую позицию.

Если мы рассматриваем психоанализ как герменевтическую науку, тогда нам необходимо восстановить искусство интерпретации — интерпретировать запрос на интуитивную чувствительность в мире, где все должно быть четко определено.

— **Чем станет психоанализ после 2020 года? Будут ли в нем серьезные изменения?**

— Мы живем в быстро меняющемся мире, и нам необходимо учитывать социальную и политическую значимость психоанализа.

Безусловно, одна из самых сложных задач, с которыми сталкивается ЕСРР — это поддерживать коллегиальные и профессиональные отношения с множеством организаций и согласовывать актуальность наших целей. Особенно в области психического здоровья, как на государственном уровне, так и на непосредственном гражданском уровне. Важно тесное сотрудничество с ЕАР и другими организациями, с тем чтобы модальность «психоаналитическая психотерапия» получила

официальное признание в различных европейских странах.

Чем больше у нас будет высококвалифицированных практиков, супервизоров и тренинговых аналитиков, тем больше у людей будет возможностей получить доступ к нашим услугам. Нам необходимо тесно сотрудничать со службами здравоохранения, чтобы услуги предоставлялись в рамках системы действительно охраняющей здоровье.

Какую бы форму ни принял психоанализ, в нем всегда есть место изменениям.

Я бы хотела, чтобы ЕСРР обратила внимание на развитие в следующих областях:

Молодежь: необходимо больше знать, понимать и размышлять об увеличивающихся проблемах зависимости, с которыми сталкиваются молодые люди, а также о разнообразии сексуальной, этнической и религиозной идентичности.

Научные исследования: альянсы с научно-исследовательскими сообществами в таких развивающихся областях как аффективная нейронаука, нейробиология и искусственный интеллект.

Литература: вдохнуть жизнь в диалог между миром литературы и психоанализа, между писателями различных культур. Изучить новые тенденции между повествованием, воображением, культурой и памятью, чтобы исследовать области консолидации памяти и сознания/мозга.

Тренинг и обучение: Студенты, проходящие личный анализ, чтобы стать психоаналитиками или психотерапевтами, сталкиваются с тем, что им нужно создать пространство для этой новой идентичности. Им необходимо приобрести достаточный жизненный опыт, чтобы с его помощью лучше понимать развитие личности через призму интернализованных паттернов отношений. Как в современном мире мы можем увидеть самих себя непредвзято? Как гарантировать, что следующее поколение психоаналитиков сможет задействовать эту способность и силу в постоянно изменяющейся культуре современного общества, в котором все сразу становится доступным? Как мы развиваем

способность обладать свободным сознанием в наших студентах и кандидатах?

Технокультура: Где пролегают границы между технологическим прогрессом (социальными сетями) и конфиденциальностью внутреннего мира человека? Можем ли мы использовать онлайн платформы для обсуждения социальных сетей, как общественного эксперимента, и того, как они способствуют или препятствуют контакту?

Журнал ЕСРР: Нам нужно постоянно способствовать распространению и обмену новейшими научными и прикладными аспектами практики психоанализа через журнал ЕСРР, в котором может быть собрана вся наша коллективная мудрость, рожденная в дискуссиях на научных конференциях, а также в неформальных беседах.

Развитие в новых областях: Необходимо быть открытыми к вызовам и диалогу, которые предлагают новые области психоанализа, включая аффективный нейропсихоанализ, феминистские и гендерные подходы, изучение кинематографа и много других.

Мы, вероятно, могли бы сказать, что текущее состояние психоанализа является неопределенным. Но когда мы вновь и вновь рассматриваем психоанализ как качественное исследование природы субъективности и бессознательного, а также возникающих сегодня областей прикладной практики, ничто не может сравниться с ним.

Спасибо!

Эдриан Роудз:

«Утешать тех, кто страдает, и вызывать страдание у тех, кому комфортно»

[об авторе](#)

— В чем глубинная причина того, что нам нужна организация (члены организации / общества)?

— Вы в равной степени можете спросить: «Зачем нам необходимо Супер-Эго?» или «Зачем нам нужны супервизии?»

Супер-Эго начинается с родительских фигур, но по мере взросления, оно работает как «петля обратной связи» и напоминает о том, что наиболее важно для сообщества в целом и о том, как общество нас воспринимает. Без этого мы не сможем узнать находимся ли мы на правильном пути.

И конечно, так как мы работаем с бессознательным материалом, психоаналитическое сообщество является тем внешним кругом, где мы можем учиться, с которым сверяем себя и от которого получаем подтверждение.

— Почему психоанализ? Как был сделан ваш выбор психоанализа как ведущего направления вашей деятельности?

— У меня есть три ответа. Во-первых, в 80-х я работал пастором в главной больнице и консультировал персонал.

Хотя я был опытным консультантом, я чувствовал, что мне нужно дополнительное обучение, а в больнице было отделение психоаналитической психотерапии...

Во-вторых, мне кажется, что другие терапевтические подходы, несмотря на то, что у них есть свои идеи и ценность, не исследуют самые глубокие части сознания и «психики» человека. Я не хотел соглашаться на меньшее. Я хотел исследовать глубины.

В-третьих (и может это и есть настоящая причина?), я проходил свой собственный интенсивный тренинговый анализ, и это казалось правильным и аутентичным. Таким образом, я уверен в нем и могу работать с настоящей верой в психоанализ и психоаналитический процесс.

— Расскажите об истории вашего профессионального развития и приобретения психоаналитической идентичности. Повлияло ли психоаналитическое сообщество на этот процесс?

— По завершении психоаналитической подготовки я все еще был пастором больницы. Но в ближайшем отделении психического здоровья требовался квалифицированный психоаналитический психотерапевт, и они попросили меня. Некоторое время я работал на двух работах, а затем полностью перешел в психотерапевтическую практику.

Помимо проведения индивидуальной терапии, мы также создали службу «демократического терапевтического сообщества» для людей с психическими расстройствами личности.

Она работала ежедневно дважды в день и 3 сотрудника, 3 бывших пациента и 12 пациентов вели работу в совершенно демократичном ключе. Интересно и страшно! В 2015 году я ушел из службы здравоохранения и с тех пор работал в частном порядке.

В то же время меня всегда интересовало развитие профессии. Я был в течение

15 лет вовлечён в работу нашей Национальной психотерапевтической организации (United Kingdom Council for Psychotherapy, UKCP) и стал в ней заместителем председателя. Благодаря этому я был представителем в Европейской ассоциации психотерапии (European Association for Psychotherapy, EAP) и стал там президентом. После этого в 2018 году меня пригласили стать президентом ЕСРР (European Confederation of the Psychoanalytic Psychotherapies).

— Чем ЕСРР отличается от других профессиональных сообществ? Почему она стоит того, чтобы бороться за нее?

— За это стоит бороться! Думаю, отличительная черта ЕСРР в поле психоанализа заключается в том, что мы фокусируемся на теории и практике психоанализа как школы мышления. Мы не концентрируемся на иерархии различных практик, в которой одно направление важнее других.

Психоанализ слишком богат, слишком глубок, слишком широк, слишком увлекателен и всеобъемлющ, чтобы «принадлежать» одному конкретному направлению и способу работы. ЕСРР также уважает наше наследие, но не превозносит его, и мы поощряем инновации и развитие.

— Какие есть «подводные камни» в профессиональных сообществах?

— Во-первых, организации могут слишком вовлекаться в свои собственные внутренние процессы и процедуры и забывают о своих первичных задачах. Меня это ужасно расстраивает! Я был глубоко вовлечен примерно в 6 психотерапевтических организаций и иногда это было опасно.

Это большая ошибка! У нас есть мощный посыл, которым мы можем поделиться — наша мудрость, понимание и идеи, исцеляющая сила психотерапии, в особенности психоанализа. Давайте громко заявлять об этом и меньше беспокоиться об административных делах! Вторая проблема заключается в том, что многие из наших организаций держатся на добровольных усилиях нескольких человек, которые могут быть перегружены или выгореть.

— В чем, на ваш взгляд, отличие

российских коллег от западных? В чем особенность русского психоанализа?

Боже, что за вопрос! Честно говоря, главное отличие — энергия и жизнеспособность психоанализа в России по сравнению с западом. Если честно, это греет мне сердце, когда я общаюсь с российскими коллегами.

Я уверен, что это связано с историей психоанализа в вашей стране. Но видеть так много молодых людей, вступающих в эту профессию, полных энтузиазма, открывающих новое, открывающих истины психоанализа, действительно здорово.

Я думаю, что не до конца понимаю глубину вашего тренинга — к своему смущению и стыду. (Простите меня!) С другой стороны, я опасаясь, что российский психоанализ менее критичен к социуму и менее радикален, чем западный. Можно сказать, что он социально «консервативен».

Но, конечно, я прекрасно понимаю, что западный психоанализ может выглядеть консервативным для психоаналитиков России. На западе психоанализ выдохся и клинически консервативен, часто скучен и жёстко иерархичен. Нам нужно проснуться; я надеюсь, что пандемия, заставившая нас работать онлайн, встряхнет нас. Россия — ты нам нужна!

— Какова социальная роль психотерапевтического / психоаналитического сообщества на общество в целом?

— В то время, когда я учился на священника, была такая фраза о цели Церкви: «Утешать тех, кто страдает, и вызывать страдание у тех, кто в комфорте». Такая же задача у психоанализа. В наших руках чрезвычайно мощный инструмент исцеления, который может служить страдающим людям. Но мы также должны действовать в обществе словно призма; призма берет луч света и разбивает его на составные части. Мы должны показывать обществу, что скрывается за «данностью».

— Каковы перспективы развития ЕСРР?

— Удивительно, но хорошие и на востоке и юге Европы. ЕСРР с ее открытостью и новаторским подходом пользуется все большим спросом. Постоянный поток организаций — чаще «молодых» групп

терапевтов — приходит в ЕСРР в поисках руководства, аккредитации и валидации.

Наша роль — работать с теми психоаналитическими организациями, которые заново исследуют психотерапию. Я верю, что на Западе у психоанализа есть возможность переосмыслить себя, заново научиться тому, как исследовать внутренний мир и путешествовать в нем. ЕСРР может этим воспользоваться.

— Чем станет психоанализ после 2020 года? Будут ли в нем серьезные изменения?

— Да, безусловно! В глубине своей человеческая психика (а) неизвестна и (б) неизменна. Но люди всегда «двигаются в танце» с изменяющимся миром. Когда в обществе происходят серьезные изменения, это влияет на людей. Мы все видели это — в том числе в Великобритании — в конце 2020.

По мере того как с 60-х годов рушились жесткие социальные структуры, жизнь семьи становилась менее стабильной и менее надежной. В результате «детство» часто ставилось под угрозу, личность ребенка развивалась с «нарушениями» в нарушенном мире.

Затем, в конце века, когда эти дети стали взрослыми, мы стали свидетелями всплеска психических «расстройств личности». Какие изменения происходят с детьми и взрослыми в результате цифровой жизни? Каким будет цифровой человек?

И какими будут психические расстройства цифрового человека. А что насчет пост-ковидного мира? После пандемии «испанки» 1919 года прошел век, и люди думали, что победили болезни и, в фантазиях, смерть. Covid все изменил. Какое влияние это окажет?

Для психоанализа открываются огромные возможности внести свой вклад. Вынужденная работа онлайн, которая стала стимулом для переосмысления и изменения рамки психоанализа и психотерапии; растущий объем знаний в области неврологии, которые как поддерживают, так и оспаривают наши концепции — нас ждет захватывающее время.

О, как сильно я, в свои 72 года, завидую вам, молодые психоаналитики! ■

Маркус Фай:

«Благо и проклятие психоаналитических институций»

[об авторе](#)

В этой статье я попытаюсь ответить на вопросы об изначальной цели и идее психоаналитических институций и о том, как эта идея постепенно искажалась в ходе психоаналитической истории. Я добавлю несколько личных замечаний о роли психоаналитических институтов в будущем.

— Зачем вообще нужны психоаналитические институции? Социологический вопрос: какой цели служат институции?

— С широкой точки зрения, институции выполняют следующие задачи в обществе: они продвигают определенную цель (политическую идеологию, конкретный государственный вопрос: здравоохранение, безопасность нации), в нашем случае цели психоаналитические: распространение психоаналитических знаний внутри культуры (информационно-пропагандистская деятельность), организация и поддержание высокого уровня профессиональной подготовки для нашей профессии, задают статус профессии в обществе и в отношении к региональной и государственной власти.

IPA, основанная в 1909 году, была занята не только этими задачами наступления, но и должна была защищать психоанализ от предрассудков и нападок со стороны научного и политического сообщества того времени. Если бы психоаналитические институции только смиренно служили этому делу, не было бы никаких проблем, институции были бы на благо всех его членов.

— Почему психоаналитические институции отклоняются от начального пути?

— Мы знаем, что нам рассказывает история: психоаналитическое сообщество IPA и его национальные отделения после первоначального успеха с 70-х годов прошлого века страдают как количественным, так и качественным спадом: снижение числа кандидатов и членов организации, бюрократизация, инфантилизация кандидатов, подавление творческих способностей и инновационных исследований в профессиональном сообществе из-за доминирующих господствующих идей и подавления «отклоняющихся от нормы» новых концепций.

Причины такого развития разнообразны, они в основном проистекают из общей динамики развития институций, когда стремление к власти и признанию преобладает и подрывает деятельность, служащую делу. Возникает вопрос: как следует организовать их, чтобы максимизировать пользу (благо) и минимизировать ущерб (проклятие)?

— Какова моя личная позиция и как я ее выработал?

— Не буду долго останавливаться на моем выборе профессии и психоанализа. Я просто процитирую Оскара Уайльда: у меня самые простые вкусы. Я всегда довольствовался лучшим.

В Цюрихе, где я родился, вырос и прошел обучение, в 70-х годах произошел раскол психоаналитического движения:

IPA столкнулась с тем, что появились и стали развиваться свободные психоаналитические институции, которые вступили в конкуренцию с ней.

Я прошел тренинг в официальном отделении, но также был вовлечен в свободные сообщества. Мне никогда не нравились

инфантилизирующие и отнимающими много времени ритуалы и механизмы в бюрократизированном отделении IPA. Я предпочел свободу мысли и слова и преследовал клинические, научные и творческие интересы.

Я многим обязан двум своим обучающим аналитикам (первый член официального отделения, второй — член свободной институции), моим многочисленным супервизорам в Швейцарии, Германии и Франции, а также сравнительно либеральной, сердечной и коллегиальной атмосфере в Швейцарском национальном отделении IPA, который в конце концов принял или хотя бы терпит такое дикое и страстное «зверье» психоанализа, как я.

Моя личная позиция по отношению к психоаналитическим институциям возникла из опыта: моя позиция по отношению к ним прагматическая, я считаю их инструментами и проводниками психоаналитического дела, они слуги, а не хозяева.

Мы, аналитики, должны совершенствоваться на протяжении всей жизни, мы сами должны стать мастерами своей профессии, сохранять свежий взгляд «начинающего» на протяжении всей жизни и карьеры.

Институция должна подвергаться критической оценке: служит ли она по-прежнему общему делу или превратилась в бюрократического монстра, подавляющего свободу и развитие своих участников, пожирающего время и энергию в бесконечной внутренней агрессивной борьбе за власть?

— В чем заключалась первоначальная идея ЕСРР?

— Когда мы основали ЕСРР во Львове в 2003 году, идея заключалась в том, чтобы объединить практикующих психоаналитиков работающих с двумя основными концепциями психоаналитической практики: сопротивлением и переносом.

Конечно, это также означало и работу с концепцией динамики бессознательного, предложенной и описанной Фрейдом. С самого начала мы пытались минимизировать влияние бюрократии и распахнуть двери институции для новых участников как можно шире. Чтобы предотвратить самодисквалификацию «политики попустительства»,

мы установили минимальные стандарты, и эти стандарты тщательно соблюдались.

Во время моего президентства (2003–2008 гг.) была заложена здоровая основа для роста и дальнейшего развития. Вторым Президентом был Михаил Решетников, и в этот период ЕСРР, как новая и открытая к сотрудничеству европейская организация, вызвала большой интерес и стала активно развиваться, особенно в России и других странах Восточной Европы.

Последующим президентам (Барбара Фицджеральд, Николь Акнин, Адриан Роудс) пришлось столкнуться с проблемой руководства сообществом в трудных «погодных» условиях первых надвигающихся институциональных кризисов, и они успешно справились с этим вызовом.

Теперь задача состоит в том, чтобы сделать ЕСРР важной психоаналитической институцией в своей области.

— Психоанализ в Восточной и Западной Европе — это подразумевает разную историю, разную институциональную динамику?

— Психоанализ в Восточной и Западной Европе исторически отличается во многих отношениях. В первые 30 лет истории психоанализа, вплоть до двадцатых годов прошлого века, психоанализ прочно закрепился в крупных европейских городах, таких как Вена, Цюрих, Берлин, Лондон, Москва. Сталинские репрессии и подавление психоанализа положило конец параллельному развитию в Восточной и Западной Европе.

Знаменитый указ Б. Ельцина положил конец периоду застоя, который длился 70 лет. В 90-е годы началось возрождение психоанализа в России и других странах Восточной Европы. Но сразу же стали очевидны разные уровни организационной структуры на Востоке и Западе: сильно бюрократическая организационная машина, такая как IPA (а также EFPP как ещё одна сильная организация европейских психоаналитических практиков) встретила с плохо организованным психоаналитическим ландшафтом Восточной Европы.

Тогда любой страстно увлеченный и глубоко заинтересованный в психоанализе клиницист из России, сталкивался

с неприемлемым выбором: либо подчиниться режиму и правилам IPA (шатловый анализ, строгая иерархическая формализация тренинга и оценки), включая адаптацию к западной культуре и ее ценностям или отвергнуть этот режим и прокладывать свой собственный путь через психоаналитические джунгли.

Понятно, что в этой ситуации ЕСРР предлагала третий вариант: стать членом психоаналитической организации без принуждения к подчинению. И самое главное, играть активную новаторскую роль в развитии этой молодой организации. Тогда как в Западной Европе ЕСРР вышла на заполненный рынок психоаналитических организаций и не имела возможности зарекомендовать себя в качестве сильного игрока.

— Какова роль психоаналитических институций в будущем?

— Я глубоко убежден, что будущее психоанализа во всем мире находится в руках тех, кто практикует его хорошо и правильно и сохраняет дух психоанализа и его основы. Мой друг Хорст Кэхеле, ушедший недавно, как-то задал вопрос: Кто владеет психоанализом?

Я твердо верю, что те, кто овладевает психоаналитическими инструментами в процессе серьезного тренинга и правильно их практикует, являются законными владельцами.

Качество восприятия и контроля Бессознательного отражает степень реального владения психоанализом, а не факт членства в психоаналитической организации, какой бы она ни была.

Будущая роль психоаналитической организации — стать истинным слугой тех, кто со всей серьезностью и страстностью практикует психоанализ.

То, насколько успешно организация выполнит эти задачи и сможет эффективно справиться с культурными и социальными изменениями, будет определять ее успех или неудачу. ■

Обзорная экскурсия по ЕАРПП

**Гридаева Галина
Витальевна**

[об авторе](#)

Мне хочется рассказать вам о том, что могут дать специалисту психоаналитические сообщества на разных этапах его профессионального пути. Я расскажу об этом на примере Европейской Ассоциации Развития Психоанализа и Психотерапии (ЕАРПП).

Образно говоря, я приглашаю вас на экскурсию по нашему дому: я покажу, где у нас гостиная, где столовая и где кухня, кто где живет и чем занимается. Возможно, вам станет интересно, и вы захотите стать гостем на одном из наших официальных приемов — примите участие в работе наших конференций. А если вам понравится наша атмосфера, наши люди и наши дела — вы можете присоединиться к нам: к одному из многих наших проектов, к работе какого-то комитета или регионального отделения. Я расскажу, что для этого нужно, и почему. Итак, за мной, мой читатель, мы начинаем нашу экскурсию!

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ СООБЩЕСТВАМИ

Мы встречаемся с психотерапевтическими сообществами на разных этапах своего профессионального пути. В самом начале, когда мы выбираем свою профессию — психолог

или врач-психотерапевт, мы выбираем ВУЗ и свою альма-матер. Для кого-то из нас психологическое образование — первое, и мы поступили в университет совсем юными, не будучи до конца уверенными в правильности своего выбора. Для кого-то образование психолога — второе или даже третье, и наш возраст уже более зрелый, а выбор пути — осознанный. Однако и в этом случае сомнения в верности выбора и правильности пути неизбежны и естественны. Далеко не все студенты, закончившие университет, будут работать по специальности, для этого есть множество причин. Фантазии, которые у каждого из нас были в начале учебы о том, каким я стану психотерапевтом («когда вырасту»), практически всегда очень сильно отличаются от того, как это происходит в реальности.

Стать практикующим психологом, психотерапевтом, психоаналитиком — это долгий, многолетний путь, на котором неизбежны и разочарования, и неудачи, и огорчения, и удовольствия. На мой взгляд, важно, чтобы разочарования были переносимыми, а удовольствия — ощутимыми и разнообразными. Тогда вся затея имеет смысл!

Выбирая ВУЗ, на самом деле мы выбираем гораздо больше. Мы выбираем Учителей, мы выбираем Школу, определенные ценности и профессиональную культуру. На сегодняшний день можно смело говорить о том, что в России сформировалось несколько психоаналитических школ, и сформировались они вокруг учебного процесса, вокруг учебных заведений. В дальнейшем мы будем нести частичку этой культуры, групповой матрицы своей Альма-матер много лет, даже если не будем поддерживать связь со своими преподавателями и непосредственно ВУЗом. Наше образование, в том числе, структурирует наше мышление, и этот «долгосрочный эффект» останется с нами навсегда.

Часто именно в ВУЗе мы впервые знакомимся с различными психотерапевтическими сообществами, посещаем множество разнообразных мероприятий: открытых лекций, конференций, семинаров, заседаний секций, кружков и т. д. Студенты практически «всеядны», и это необходимый

этап развития профессиональной идентичности. Таким образом начинающий коллега может познакомиться с разными направлениями современной психотерапии и выбрать то, которое ему «по душе». Иногда выбор направления — гипноз или гештальт, КПТ или психоанализ — происходит довольно долго, но бывают и исключения. Как правило, мы встречаем фигуру Учителя, который нам нравится, вызывает восхищение и зависть, нам хочется стать, как он. И мы начинаем двигаться в определенном направлении.

Поделюсь своей историей: я училась в медицинском институте, и на 5 курсе занятия по психиатрии у нас вел психоаналитик. И я довольно эмоционально, с напором спросила его: «Как вы боретесь с контр-трансфером?». Я активно интересовалась психотерапией и к тому времени перечитала горы разнообразной психотерапевтической литературы в совершенно хаотичном порядке. И тогда я была уверена, что с контр-трансфером можно и, главное, нужно бороться. Как известно, онтогенез повторяет филогенез, и я в своем профессиональном развитии также повторила все стадии отношения к контрпереносу в развитии психоаналитической мысли. Сейчас я считаю контрперенос и контрпереносную фантазию психоаналитика одним из основных инструментов работы, но тогда, 20 лет тому назад, было иначе. Мой преподаватель усмехнулся и в ответ на мой выпад пригласил меня на заседание Самарского психоаналитического общества. Посещение этого заседания в феврале 2001 года изменило мою жизнь — именно тогда я четко поняла, кем я хочу работать, с какими людьми и на каком языке я хочу разговаривать. Мне предстоял долгий путь, но я уже видела то место, куда я хочу двигаться в своем профессиональном развитии.

Начинающему специалисту или студенту профессиональное сообщество дает очень многое: среду для развития, фигуры для идентификации и переноса, понятную этапность пути от специалиста до супервизора. Когда мы начинаем свою практическую деятельность, то перед нами встает очень серьезная задача: приспособить тонны теоретических знаний, полученных

в университете, к реальной работе и практике. Решить эту задачу в одиночку, без помощи старших коллег, без плеча своих товарищей-студентов, крайне сложно. И на сегодняшний день нет никакого смысла изобретать велосипед, намного проще встроиться в уже выстроенную систему. Во многих психотерапевтических сообществах есть организованная система поддержки начинающих специалистов — супервизионные и интервизионные группы, система тренингового (обучающего) анализа, обучающие курсы дополнительного образования для начинающих специалистов, молодежные секции и киноклубы.

СООБЩЕСТВО ЕАРПП

В ЕАРПП все это есть. Есть **супервизоры**, к которым можно обратиться за индивидуальными консультациями, есть **супервизионные группы** под руководством опытных коллег с большим стажем работы. Есть тренинговые аналитики, подтвердившие свой уровень квалификации и имеющие право, а так же определенный, очень высокий уровень подготовки, позволяющий проводить тренинговый (обучающий) анализ будущих специалистов. Есть очень интересный проект «**Бесплатные супервизии онлайн**», организованный нами специально для того, чтобы помочь начинающему специалисту в становлении частной практики и отработке практических навыков работы с пациентами (или клиентами). Есть **программы дополнительного образования**, рассчитанные и созданные специально для начинающих коллег, с учетом всех возможных

сложностей, возникающих на этом отрезке профессионального пути. Есть **Комитет по работе с молодыми специалистами**, вся деятельность которого направлена на помощь начинающим специалистам.

Для специалиста с опытом работы членство в организации открывает иные преимущества и решает несколько иные задачи. Проблемы выбора пути, объектов для идентификации, построение собственной практики уже не стоят, как правило, они уже решены. Что может предложить организация коллеге с опытом работы? В первую очередь — среду для профессионального обмена мнениями, позициями, знаниями. Среда для профессионального развития, расширения своего взгляда и углубления понимания феноменов, с которыми приходится сталкиваться, работая в своем кабинете каждый день. У нас разная теоретическая база и разный практический опыт, мы принадлежим к разным психоаналитическим школам — и это огромный ресурс для взаимного обогащения и развития. Конечно, этот ресурс может быть реализован в обстановке доверия, коллегиальности, уважения друг к другу. Обмен возможен, если мы а) разные (тогда интересно) и б) равные (равные в правах и позициях). Во-вторых, это постоянное повышение квалификации: программы дополнительного образования, **Зимние Школы, региональные и международные конференции**, постоянный супервизионный процесс. Многие из нас очень любят учиться!

У начинающих коллег часто возникает вопрос: сколько нужно супервизий, чтобы стать, наконец, профессионалом? Я обычно отвечаю на этот вопрос так: «Есть у супервизии начало, нет у супервизии конца». В этой шутке, конечно, только доля шутки, а все остальное — правда: я действительно считаю, что нам важно супервизировать свою практику в течение всей своей профессиональной жизни. Просто потому, что у нас такая работа. Супервизия — это ее часть. Приведу непсихологическую аналогию: хирург стерилизует свои инструменты, надевает специальную одежду и перчатки, соблюдает правила асептики и антисептики. Это необходимо для того, чтобы сохранить его здоровье и предупредить инфицирование

пациентов. Мы с вами работаем собой. Мы не можем, как хирург, положить свой инструментарий в автоклав и наутро достать его чистеньким. Один и тот же психический аппарат — наш собственный — мы используем, работая с разными, иногда очень нарушенными пациентами, и живем мы тоже с его помощью, у нас другого просто нет! Поэтому нам важно заботиться о своей психике, поддерживая ее в оптимальном для жизни и работы состоянии. И супервизионный процесс для достаточно зрелого специалиста выполняет уже не поддерживающие и обучающие функции (как в начале становления), а скорее психогигиенические.

Мы постоянно находимся в соприкосновении с тяжелыми, иногда невыносимыми человеческими чувствами: с болью, страхом, отчаянием, яростью, ненавистью, завистью и т. д. Наша работа заключается в том, чтобы помочь нашим пациентам (клиентам) психически переработать, переварить тяжелейшие травматические ситуации. Конечно, наш психический аппарат постоянно бомбардируется бета-элементами наших пациентов. При этом наши собственные бета-элементы никто не отменял... Поэтому наша альфа-функция нуждается в поддержке и разгрузке. Самый лучший способ сделать это — супервизия и общение с понимающими, надежными коллегами. Профилактика профессионального выгорания, профессиональный и личностный рост, поддержание интереса к нашей работе — за этим приходят в ЕАРПП коллеги с опытом работы.

Поддержка профессионального сообщества становится особенно ценней в кризисные, сложные периоды, как личные, так и всеобщие кризисы легче переживать в окружении понимающих людей. Когда началась пандемия, и был объявлен режим самоизоляции, многие специалисты были растеряны, встревожены. Мы беспокоились за свое здоровье, за здоровье и жизнь своих близких, и также было много тревог, связанных с изменениями в работе. В экстренном порядке пришлось переводить свою практику в он-лайн формат, не все коллеги были к этому готовы. Закрылись многие психологические и психотерапевтические

центры. Было непонятно, удастся ли вообще сохранить свою практику, или придется искать другую работу. В ситуации неопределенности и массовой тревоги было очень сложно сохранять терапевтическую позицию и продолжать помогать своим пациентам.

ЕАРПП среагировала очень быстро. Мы провели целый цикл бесплатных встреч в онлайн формате для того, чтобы поддержать друг друга и обменяться опытом. Проект назывался «Разговоры о важном», и записи этих семинаров были доступны на сайте для тех, кто не смог участвовать непосредственно.

Дополнительно отмечу, что профессиональное общение коллег также идет на пользу пациентам (клиентам). Если пользоваться аналогией с детско-родительскими отношениями, то это по-человечески понятно — отдохнувшая мама, у которой хорошее настроение, намного лучше позаботится о ребенке, чем мама издерганная и уставшая. Есть и более глубокое понимание: нам важно поддерживать триаду. В кабинете есть только я и мой пациент, и есть неизбежный соблазн раствориться в диадных отношениях, не справиться с переносно-контрпереносным напряжением и попасть в ситуацию разыгрывания травмы пациента (клиента). Сохранять триангуляцию, триаду, организующую пространство помогает регулярное профессиональное общение с коллегами. Само психоаналитическое сообщество становится Третьим для психоаналитической пары аналитик-пациент. Исключать этого Третьего — крайне опасно, так как может произойти схлопывание 3D-пространства до плоскостного инцестуозного разыгрывания и отреагирования.

Для зрелого, опытного коллеги активная жизнь в сообществе дает, как это не удивительно звучит на первый взгляд, даже больше, чем для начинающего коллеги. На этом этапе профессионального пути нам важно отдавать, делиться накопленным багажом: знаниями, идеями, наблюдениями, опытом. Некоторые из нас пишут книги и статьи, некоторые начинают преподавать и обучать начинающих коллег работать. Сообщество дает зрелому специалисту

слушателей, и что очень важно, заинтересованных, мотивированных слушателей. А также специально организованные площадки для выступлений: конференции, семинары, программы дополнительного образования, журнал для публикаций. Значит, не надо изобретать велосипед и самому организовывать эти площадки с нуля. Кроме того, общаться с молодыми коллегами очень интересно и полезно — можно узнать о современных тенденциях, технологиях, гаджетах, можно «держать руку на пульсе» и не отставать от темпа современной жизни.

Получается, что в сообществе могут удовлетворяться потребности коллег с разным профессиональным стажем: начинающие могут учиться у опытных, опытные могут делиться своими знаниями с начинающими, и мы можем обмениваться идеями, обогащая и наполняя друг друга.

ЭТАПЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Также сообщество предлагает четкую очередность этапов профессионального роста, понятность и предсказуемость профессиональных требований и стандартов. Это не всегда очевидный, но важный момент. Остановлюсь на нем поподробнее. Если этапы профессионального роста вам известны и вами пройдены, то вы смело можете пропустить этот раздел. Если же вам это интересно и важно, я с удовольствием расскажу об этом.

Какие уровни профессиональной компетенции есть в нашем сообществе? Их 4: член сообщества, сертифицированный специалист, тренинг-аналитик и супервизор.

Когда вы вступаете в ЕАРПП, то вы заполняете заявление и стандартную форму, где указано ваше образование и род занятий. Важно, что наша организация является организацией профессионалов, то есть людей профессионально занимающихся психоанализом, психологическим консультированием, психокоррекцией и психотерапией, и имеющих для этого необходимое образование и часы подготовки.

Психоаналитическая психотерапия (индивидуальная или групповая), психоаналитическое консультирование, психоанализ,

психоаналитическое сопровождение бизнеса, преподавание психологии, психотерапии и психоанализа — вот основная работа людей, состоящих в нашем сообществе. Вступать в ЕАРПП потому что «вы классные ребята и интересные мероприятия делаете, я хочу к вам в компанию» нецелесообразно. Посещать многие наши мероприятия можно, не будучи членом ЕАРПП. Но если вы хотите работать психоаналитически ориентированным психологом или психотерапевтом (в учреждении или в формате частной практики), если для вас психоанализ — это не только хобби, но и основной вид деятельности, тогда добро пожаловать! Также для вступления в организацию необходимо ознакомиться с Уставом ЕАРПП, разделять ценности и соблюдать **этические нормы**, принятые в нашем сообществе. У нас принята система рекомендаций: два члена нашей организации должны дать вам свою рекомендацию, «поручиться» за серьезность ваших намерений и профессионализм ваших целей.

Следующая ступень профессионального роста — это статус **«Сертифицированный специалист ЕАРПП»**. Для того, чтобы получить этот статус, нужно (помимо базового высшего образования) получить не менее 500 часов дополнительного образования непосредственно по психоаналитической психотерапии и психоанализу. Список валидных образовательных программ есть на нашем сайте. Также необходимо получить минимум **250 часов личной тренинговой терапии** у специалиста, имеющего статус «Тренинг-аналитик ЕАРПП» (или другого валидного сообщества). Личная терапия необходима нам по двум причинам. Во-первых, только побывав на месте пациента (клиента), можно действительно понять, как именно это работает! Мы приобретаем необходимый навык рефлексии и постоянного самоанализа, без которого работать психоаналитическим психотерапевтом просто невозможно, да и небезопасно (и для себя, и для клиентов «непроанализированного специалиста»). В народе говорят: «сначала надо разобраться с тараканами в своей голове, а уж потом с чужими тараканами». Пожалуй, это верно: разобраться, подружиться или договориться

Сертификат, подтверждающий регистрацию ECP в качестве профессионального сообщества

Письмо Европейской Психотерапевтической Ассоциации, подтверждающее, что ECP является EWAO с правом сертификации

со своими «тараканами» — это очень важно. И во-вторых, прохождение личной терапии повышает качество нашей жизни. Это не значит, что после завершения своего анализа мы навечно становимся бодрыми, веселыми и позитивными, и что нам выдается пожизненная гарантия, что теперь все беды минуют нас. Конечно, нет. Но преодоление собственных внутренних сложностей, конфликтов, повышение осознанности, принятие своих сильных сторон и своих ограничений помогает не только более эффективно работать, но и более интересно, качественно, вкусно жить. «Познай себя», как говорили мудрецы.

Кроме личной терапии для получения статуса специалиста нужно пройти **не менее 150 часов супервизий** у специалистов, имеющих статус «Супервизор EAPPP» (или другого валидного сообщества). Зачем? Для того, чтобы за это время научиться стабильно и эффективно работать и зарабатывать. Ведь для супервизии, кроме супервизора и вашего желания, у вас должны быть клиенты (пациенты), которые приходят к вам за помощью и оплачивают ваши услуги. Получение статуса «Сертифицированный специалист EAPPP» показывает окружающим коллегам и вашим пациентам, клиентам, ученикам, какой серьезный, длительный профессиональный путь вы прошли, как много часов своей жизни вы посвятили изучению глубин человеческой психики.

Следующая ступень профессионального роста — «**Тренинг-аналитик EAPPP**». Получить этот статус можно не ранее, чем через 2 года после получения предыдущего статуса. За эти 2 года вы продолжаете активно работать, посещать психоаналитические мероприятия и повышать свою квалификацию, продолжается супервизионный процесс вашей практики. Вы пишете квалификационную работу, вы публикуете статьи на тему психоанализа и психоаналитической психотерапии. Возможно, вы организуете психоаналитические мероприятия или преподаете в ВУЗах. В любом случае, к этому времени накопленного вами профессионального багажа становится так много, что возникает потребность делиться с коллегами своими мыслями, наработками, открытиями. Возможно, для того, чтобы выполнить условия профессионального стандарта, вам потребуется больше времени, так часто бывает.

Статус «Тренинг-аналитик EAPPP» дает вам возможность практиковать психоаналитическую психотерапию и психоанализ (как и прежде), а также практиковать тренинговый (обучающий) анализ (терапию). Это означает, что если некоторые ваши клиенты (пациенты) захотят получить профессиональное образование и статус в нашей организации, то часы прохождения терапии у вас пойдут им в зачет их профессионального тренинга. Иными словами, этот статус означает, что организация доверяет

Сертификат о присвоении статуса в EAPPP

Сертификат о присвоении статуса в ECP

вам не только заниматься психоаналитической психотерапией и психоанализом, но и готовить профессиональные кадры, новых специалистов.

Следующий профессиональный статус — «**Супервизор EAPPP**». Получить этот статус можно не ранее, чем через 2 года после получения предыдущего статуса. Хочу так же отметить, что не все коллеги могут и хотят работать супервизорами, соответственно, далеко не все ими становятся. Движение в сторону этого статуса означает, что вы преподаете психоанализ и психоаналитическую психотерапию, ведете супервизионные группы, работаете с коллегами как супервизор индивидуально, принимаете активное участие в жизни нашего сообщества. Вы не только посещаете психоаналитические мероприятия, но и выступаете на них с докладами, мастер-классами. Вы разрабатываете и проводите обучающие семинары и циклы семинаров в рамках Дополнительного Образования EAPPP. Возможно, вы организуете мероприятия, и принимаете участие в работе какого-то комитета и/или правления EAPPP. Фактически этот статус означает, что вы много лет своей жизни посвятили профессиональной активности в нашей организации, что вас знают и уважают коллеги, что вам доверяют и пациенты (клиенты) и коллеги, что вашим мнением дорожат. Получение этого столь значимого статуса дает вам право работать в качестве супервизора

EAPPP, при этом часы супервизии засчитываются вашим супервизорам в зачет профессионального тренинга.

КАК НА ПРАКТИКЕ ВЫГЛЯДИТ ПОЛУЧЕНИЕ СТАТУСОВ?

Вы понимаете, что соответствуете требуемым четким критериям. Вы понимаете, что хотите получить этот статус. Вы заполняете стандартные формы AF и CV на русском и английском языках, прикрепляете дипломы и сертификаты, подтверждающие ваше образование, получаете подтверждение часов личной терапии и супервизии от своего тренинг-аналитика и супервизора соответственно. Также вам нужна характеристика и рекомендация от Правления вашего регионального отделения (помните, я говорила про **рекомендательный принцип?**). Практически в каждом РО есть коллега, ответственный за сертификацию, он может помочь вам в заполнении форм. Заполненные формы вы отправляете в КСиА (комитет по Сертификации и Аккредитации). КСиА рассматривает ваши документы, если возникают вопросы, уточняет их, и принимает решение. Если решение положительное, то ваши документы и рекомендация от EAPPP отправляется на следующий уровень — на рассмотрение в Вену (Австрия). Именно там принимается решение о присуждении статуса, и именно поэтому наши статусы валидны не только в России, но и в Европе. EAPPP является

единственным Национальным отделением ЕСРР в России. Фактически получение статуса в ЕАРПП означает, что вас как специалиста признают и в России, и в Европе.

Вы получаете 2 сертификата: сертификат ЕСРР (Vienna, Austria) и сертификат ЕАРПП.

Есть еще один статус — «**Почетный член ЕАРПП**», он присваивается уважаемым коллегам на основании решения Правления ЕАРПП за особые заслуги и весомый вклад в развитие нашей организации. Почетными членами ЕАРПП могут стать и российские, и западные коллеги.

СТРУКТУРА ОРГАНИЗАЦИИ

Экскурсия продолжается, и сейчас мы поговорим о структуре организации. ЕАРПП организована по **региональному принципу**. На сегодняшний день у нас есть 14 региональных отделений (РО): Москва, Екатеринбург, Санкт-Петербург, Самара, Ярославль, Пенза, Хабаровск, Новосибирск, Вологда, Уфа, Апатиты, Псков, Ростов-на-Дону, Челябинск и 13 регионов развития.

Количество членов в региональных отделениях очень разное в зависимости от города и истории развития психоаналитической практики в нем. Есть крупные РО с большим количеством членов, с богатой и не всегда простой историей формирования, там проводят много мероприятий и конференций, имеются образовательные площадки. Есть совсем небольшие РО, образовавшиеся относительно недавно. Но структура у всех РО одинакова: в РО есть председатель, есть правление РО, есть казначей, есть ответственный за членство и сертификацию. В более крупных РО есть комитеты или секции по интересам. Например, у нас в Самаре есть секция детского психоанализа и секция групп-анализа, есть научно-информационный комитет.

Также у нас есть регионы развития, которые создаются, когда в городе есть один или два человека из нашей организации, которые хотят формировать, развивать психоаналитическое пространство. Они как магнит, к которому со временем притянутся другие коллеги, и тогда появится новое региональное отделение на карте ЕАРПП.

Каждое региональное отделение проводит какие-то мероприятия: конференции, семинары, круглые столы, дискуссионные форумы, интервизии, киноклубы, чтения психоаналитической литературы и т.д. Сейчас многие мероприятия «переехали» в онлайн пространство, и мы можем принять участие в тех мероприятиях, которые нам интересны, невзирая на географию. Это и есть основная, регулярная жизнь нашего сообщества — постоянные региональные мероприятия. О мероприятиях межрегиональных, которые тоже есть, и прекрасные!, я расскажу чуть позже.

Кроме содержательных мероприятий, члены РО встречаются на **Общих Собраниях**, где проходят выборы Председателя и Правления РО, где обсуждаются планы развития и иные вопросы, касающиеся организационной стороны работы РО. У членов нашей организации, кроме прав, есть и **обязанности**: участие в Общих Собраниях и выборах на региональном и всероссийском уровне, и оплата членских взносов. Коллеги, берущие на себя инициативу выполнять организационные функции, вызывают у меня огромное уважение, потому что они делают очень большую бесплатную общественную работу.

Теперь поговорим о **центральных органах ЕАРПП**.

Руководит организацией **Президент ЕАРПП**. Ему помогают 2 вице-президента и Правление. Все эти должности являются выборными, сами члены организации выбирают Президента и Правление на Общем Собрании согласно **Уставу ЕАРПП**. Также есть должность Исполнительного Директора — это человек, который непосредственно занимается всеми «хозяйственными» вопросами и поддержанием отношений ЕАРПП с государственными органами, отчетностью перед налоговыми и иными инстанциями, юридическими вопросами, бухгалтерскими отчетами и т.д.

Структура Правления ЕАРПП: в Правление ЕАРПП по должности входят Президент и Паст-Президенты, исполнительный директор, редактор журнала ЕАРПП «Пространство психоанализа и психотерапии», вице-президенты и все председатели региональных отделений. Кроме того, есть

Почетные члены ЕАРПП (слева направо): Дмитрий Медведев, Жислен Спикер, Маркус Фай

выборные члены Правления ЕАРПП — когда член организации предлагает свою кандидатуру для работы в Правлении, и за его кандидатуру голосуют на **Общем Собрании ЕАРПП**. Правление является основным руководящим органом организации.

У организации есть **Казначей**, также как и в каждом региональном отделении. Своевременная оплата членских взносов производится благодаря их незаметному, но важному труду. Как собираются членские взносы, нам понятно. Возникает вопрос, куда они расходуются, если практически вся общественная активность членов организации добровольная и бесплатная? Членские взносы тратятся на работу сайта ЕАРПП, на издание Журнала ЕАРПП «Пространство психоанализа и психотерапии», на ведение делопроизводства, на оплату вебинарной площадки ЕАРПП, на ведение бухгалтерии, на подготовку финансовых отчетов для государственных структур, на организацию мероприятий и конференций. Смета необходимых затрат обсуждается и принимается на Правлении ЕАРПП ежегодно. По результатам года независимый Ревизор проводит оценку соответствия расходов целям организации.

Из членов Правления ЕАРПП формируются профильные комитеты: Комитет по членству, Комитет по сертификации и аккредитации (КСИА), Комитет по развитию регионов, Этический комитет, Комитет по работе с молодыми специалистами.

Комитет по членству занимается приемом новых членов организации,

поддерживает контакт со всеми членами организации, вместе с Казначеем следит за своевременной оплатой членских взносов членами организации, сотрудничает с модератором сайта и следит за реестром членов ЕАРПП. Ответственные за членство в региональных отделениях беседуют с новыми кандидатами на вступление: важно понять их мотивацию, знание и соблюдение этического кодекса, личностные качества. Нам важно, какие люди рядом с нами в одной команде. Именно в комитет по членству попадает ваша анкета тогда, когда вы вступаете в организацию.

Комитет по сертификации и аккредитации трудится в двух основных направлениях — это сертификация членов и аккредитация программ дополнительного образования. Когда вы подаете документы на соискание статуса «Сертифицированный специалист», «Тренинг-налитик» или «Супервизор», с вашими документами работают члены КСиА. У них вы всегда можете получить ответы на все возникающие вопросы, связанные с оформлением форм AF и CV. Тренинг-аналитики и супервизоры могут разрабатывать и проводить программы дополнительного образования. Когда вы разработали обучающую программу, то вы подаете ее в КСиА, где ее рассматривают и одобряют. Если ваша программа соответствует всем необходимым критериям, то она получает статус аккредитованной. Иными словами, она рекомендуется членам организации, так как прошла проверку качества. Теперь

это не просто авторский курс условно-го Иванова Ивана Ивановича, а программа, за качество которой отвечает ЕАРПП. Также организация помогает информировать потенциальных слушателей о вашей программе. Программы дополнительного образования, утвержденные КСиА, поддерживаются рассылкой через сайт ЕАРПП и наши группы в соцсетях.

Комитет по развитию регионов всегда поддерживает оперативную связь со всеми РО, а также работает с регионами, где РО пока еще нет, но есть коллеги, которые хотят работать в организации и со временем сформировать в своем городе региональное отделение ЕАРПП. Этот комитет разработал и организовал проект «Бесплатные супервизии онлайн»: начинающие специалисты в течение года работают в формате супервизионной группы, а супервизорами выступают по очереди ведущие специалисты ЕАРПП. Для начинающих коллег это — прекрасная возможность познакомиться со стилем работы разных супервизоров, получить поддержку для развития своей практики, познакомиться с коллегами. И это все — бесплатно! Новый проект комитета «Психоаналитическая панорама» мы придумали для коллег из небольших РО и из регионов развития. У них огромная потребность в коллегиальном общении, а постоянных мероприятий в своем регионе пока нет. Обзор событий, актуальные темы, то, что нас волнует прямо сейчас — это мы обсуждаем на «Панораме». Если вам нравится общаться с большим количеством разных людей, придумывать и проводить различные мероприятия, мы ждем вас в Комитете по развитию регионов!

Этический комитет занимается рассмотрением жалоб и проводит «профилактические» мероприятия: организует круглые столы, дискуссии на тему этики. Сейчас, с массовым выходом нашей ежедневной практики в онлайн пространство, этические вопросы становятся еще более актуальными. На мой взгляд, этические правила — это, в первую очередь, правила безопасности. Как и правила дорожного движения, они «написаны кровью», то есть являются результатом опыта многих профессионалов, их ошибок

и сделанных в результате выводов и рекомендаций. Знание Этического кодекса является необходимым условием для вступления в ЕАРПП. Соблюдение Этического кодекса позволяет вам сохранять профессионализм, успешно работать и пользоваться заслуженным уважением коллег. И, по аналогии с правилами дорожного движения, нарушать Этический кодекс не нужно, не потому, что «в этическом комитете поругают», а потому, что нарушения опасны для вашей успешной практики, репутации, а иногда и жизни.

В конечном итоге, репутация всей организации складывается из репутации ее членов, поэтому нарушение Этического кодекса — это саморазрушительное действие и в отношении себя, но также и в отношении той организации, в которой состоит психолог или психотерапевт. Отдельно хочу отметить, что я не встречала людей, которые бы намерено вступали в профессиональное сообщество с целью нарушать этику. Многие ошибки возникают из-за незнания, а также из-за самой специфики и сложностей нашей работы. Сейчас я имею в виду сложные бессознательные коммуникации между психоаналитиком и пациентом (клиентом), которые могут приводить к неосознанным разыгрываниям и утрате терапевтом наблюдающей позиции. Тут мы с вами вновь возвращаемся к тому, что в психоаналитическом кабинете кроме психотерапевта и пациента нужен символический Третий. Работа Этического комитета ЕАРПП по самой своей сути направлена на формирование и поддержание этого Третьего.

Недавно сформировался и активно работает **Комитет по работе с молодыми специалистами**, организовано много интересных программ, где есть место энергии и задору начинающих коллег. Во многих организациях со временем формируется разрыв между поколениями, между «старенькими» и «новенькими». Часто начинающие коллеги испытывают пиетет перед опытными специалистами, стесняются высказать свое мнение, и долгое время остаются в тени «старших товарищей». Для преодоления этого разрыва в том числе и создан этот комитет. Начинающие коллеги могут

Мероприятие в РО-Ярославль

проявлять активность, организовывать мероприятия и приобрести опыт, укрепить свою самостоятельность. Также важно познакомиться, завязать личные отношения, почувствовать доверие друг к другу.

СОБЫТИЯ

В завершение нашего разговора, предложу вам самое вкусное — описание наших межрегиональных мероприятий и центральных событий.

Любите ли вы **психоаналитические конференции** так, как любим их мы? Если нет, то вы просто пока не бывали зимой в Екатеринбурге на Зимней Школе ЕАРПП и летом в Москве на конференциях РО Москва. Это легко исправить, присоединяйтесь к нам!

Во многих регионах проводятся психоаналитические конференции, у каждого региона своя специфика и свой стиль. Уже были организованы интересные конференции в Санкт-Петербурге, Самаре, Уфе, Ярославле, Новосибирске, Хабаровске. Одна из целей нашей организации — проведение в каждом РО конференций: таких

ярких событий, дающих мощный импульс к развитию психоанализа в регионе. Ведь наша организация так и называется — Европейская Ассоциация РАЗВИТИЯ Психоанализа и Психотерапии.

ЗАЧЕМ ВООБЩЕ НУЖНЫ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ?

Во-первых, это красиво. Вы можете удивиться, и сказать, что это довольно странный аргумент. Тогда я с вами поспорю: на мой взгляд, для поддержания профессионализма нам очень важно прикасаться к красоте и изяществу психоаналитической мысли. Если вдуматься, то именно эта красота когда-то привлекла нас в профессию и мотивировала изучать такую непростую область знаний в течение многих лет. Мы ищем ее в научных статьях и книгах, мы обнаруживаем ее в своих кабинетах вместе с пациентами. Это красота вновь обретенного смысла, красота познания, красота истины. Удивительно, но ее нельзя обрести раз и навсегда, мы ее теряем и вновь находим, это живой, динамический процесс.

Мероприятие в РО-Самара

Поделиться красотой идей, найденных тобою; удивиться красоте идей, найденных коллегами; прийти к совместному открытию в результате дискуссии — что может быть прекраснее этого?

Во-вторых, психоаналитические конференции очень продуктивно обогащают нашу терапевтическую практику, мы вернемся в свои кабинеты немного другими, расширив свой терапевтический арсенал за счет новых идей и идентификаций с коллегами. У нас появится новый интерес продолжать свою работу и справляться с ее неизбежными трудностями.

В-третьих, психоаналитические конференции — это прекрасный способ легитимно и культурно удовлетворить свой здоровый нарциссизм. Поясню эту мысль. Одной из особенностей нашей работы является постоянная нарциссическая фрустрация. Мы заботимся о потребностях наших пациентов, испытываем давление, связанное с переносно-контрпереносными отношениями. Мы не выставяем напоказ свои успехи, как это принято, например, во многих других помогающих профессиях. Более

того, часто мы склонны больше внимания уделять сложным случаям, внимательно анализировать свои возможные ошибки и неудачи. Супервизионный процесс служит в том числе и для этого; то есть имеется специально организованное безопасное пространство для того, чтобы осмысливать затруднения и сложности. Однако успешные случаи также нуждаются в анализе и понимании, и в специально организованном безопасном пространстве. Можно писать книги, статьи, можно выступать с докладами и презентациями клинических случаев. Можно это делать на конференциях, получая признание и интерес коллег в качестве удовлетворения.

И в-четвертых, психоаналитические конференции — это прекрасный способ отдохнуть в интеллектуальной компании. Кулуарное общение, фуршеты, культурная программа помогают снять напряжение и просто повеселиться.

Доброй традицией стали встречи коллег в Екатеринбурге на Зимних Школах. Теплая, принимающая атмосфера, душевность — это чувствуется сразу, буквально

Мероприятие в РО-Новосибирск

с порога. насыщенная программа позволяет каждому удовлетворить свои профессиональные интересы: есть пленарные и секционные доклады, открытые супервизии, дискуссионный форум, круглые столы, кино клуб. На Зимних Школах можно увидеть всю палитру современного российского психоанализа, послушать коллег, работающих за десятки тысяч километров друг от друга: выступают специалисты из Санкт-Петербурга и Хабаровска, из Ростова-на Дону и из Новосибирска.

Участие иностранных коллег с большим опытом клинической работы и преподавательской деятельности придает Зимним Школам особенную ценность. Открою небольшой секрет: иностранные коллеги очень любят приезжать в Екатеринбург, потому что атмосфера на этих конференциях поистине уникальная. Глубина и научная, четкая методология докладов, продуманное выстраивание программы конференции, когда темы докладов дополняют друг друга и раскрывают тему Зимней Школы с разных сторон — основные черты этой конференции. Высокопрофессиональная

команда организационного комитета заботится о том, чтобы нам было интересно и комфортно. Отдельно остановлюсь на месте проведения Зимних Школ, там не просто красиво, там роскошно!

Интереснейшее летнее событие — это регулярные конференции РО Москва. Их отличает глубина проникновения в заданную тему, ведь интеллектуальная работа и подготовка к конференции идет в течение всего года. Секции групп-анализа, детского психоанализа, прикладного и кляйнианского психоанализа работают и неизменно наполняют нас новыми смыслами. В каждом РО свой психоанализ, своя школа. На формирование РО Москва сильно повлияли идеи Мелани Кляйн и Уилфреда Биона, и это особенно заметно в дискурсах московских конференций. Идеи Мелани Кляйн дают смелость работать с деструктивностью и погружаться в самые глубокие слои психических процессов. А идеи Биона, витающие в атмосфере конференций, неизбежно трансформируют вашу альфа-функцию и увеличат ёмкость вашего психотерапевтического

Зимняя Школа в Екатеринбурге, 2021.

контейнера. Наряду с этими конференциями в РО Москва регулярно проходят Кляйнианские Чтения, Клинические Субботы, Пост-конгресс по результатам Венского конгресса (в институте Зигмунда Фрейда в Австрии). За счет регулярных научных мероприятий обеспечивается постоянное профессиональное развитие членов организации.

В следующих номерах нашего Журнала вы сможете познакомиться с репортажами об этих мероприятиях.

Традиционно в апреле проходит конференция по детскому психоанализу в Самаре. Она интересна не только для специалистов, работающих с детьми, но и для тех, кто работает со взрослыми. Детские психоаналитики приезжают на эту конференцию со всей страны. Вспоминаются слова Дональда Винникотта: «терапия — это когда два человека играют вместе». Пожалуй, детские психоаналитики умеют и любят играть, и знают больше игр, чем мы (те, кто работает только со взрослыми, как я, например). Поделиться опытом, поиграть (смыслами) вместе, подискутировать

можно на конференции по детскому психоанализу в Самаре.

В заключение я хочу сказать, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Приглашаем вас к участию в наших мероприятиях! Будем развивать психоанализ и психотерапию в России вместе!

Наша экскурсия по Европейской Ассоциации развития Психоанализа и Психотерапии подходит к концу. Итак, что может дать специалисту членство в ЕАРПП:

- пространство для профессионального развития;
- контейнер для сложных переживаний,
- холдинг и поддержку в сложные периоды профессионального пути;
- отзеркаливание и доброжелательный взгляд на ваше творчество;
- место для здоровой конкуренции;
- стимул продолжать нашу такую непростую, но интересную работу.

И еще помните, я говорила, ЕАРПП — это красиво! ■

Клинические субботы — мероприятия РО Москва и не только мероприятия...

**Савичева
Елена Петровна**

[об авторе](#)

«Вера — это бесстрашный поиск истины. Поэтому она не теряется, если свою религию подвергаешь сомнению»
Антонио де Мелло

Клинические субботы (далее КС) РО Москва ЕАРПП имеют интересную семилетнюю историю. Основанием для этого проекта было предложение коллег из Правления РО сделать открытые бесплатные регулярные площадки для членов организации, на которых можно вести теоретические тематические семинары специалистов ЕСРР и групповые супервизии. Так появились Клинические Субботы, на которых раз в месяц 10 раз в год мы встречаемся для поддержания и развития профессиональной компетенции. Я постоянно планирую, составляю Программы и веду это мероприятие как руководитель общей Клинической Секции РО Москва и с удовольствием поделюсь с читателями журнала своим видением этого пространства.

Теория важна. Мы ей уделяем половину времени КС. Семинары ведутся по очень разнообразным темам, которые волнуют наших коллег, как с точки зрения развивающихся современных концепций, так и модификаций техники психоанализа.

Здесь есть возможность так же развернуть дискуссию в прикладных или смежных направлениях.

Но, в первую очередь, за эти годы у москвичей на КС сформировалось пространство «мета языка» — ведь для того, чтобы понять себя в нашей профессии нам нужен не просто Другой, нам нужен Подобный. Тот, кто тебя поймет изнутри аналитического процесса. Тот, чья библиотека, какой бы она ни была — книжные полки или архив компьютера — переполнена аналитической литературой, переводами статей. Кто постоянно сомневается в том, насколько его компетенция соответствует профессии, такой неожиданной и влекущей в бессознательный мир идей и работы ПСИХИЧЕСКОГО. Кто часами готов слушать чужую историю ради находки чего-то очень важного. Кто не жалеет средств на дополнительное образование или супервизии, даже если сам уже имеет статус и передает знания и опыт. Тот, кто растет вглубь и не теряет способность удивляться.

Практикующий аналитик всегда нуждается в возможности где-то показать свою работу или порассуждать вместе с коллегами о ее превратностях, о концепциях, которые встраиваются в практику, или наоборот не подходят к его стилю мышления, особенностям личности, а также нуждается в том чтобы увидеть и услышать, как работают и с чем встречаются другие коллеги. Наша кабинетная работа иногда делает нас отшельниками, она проходит в обстановке конфиденциальности и эмоциональной нагруженности совместно с необходимостью быть в контакте с проблемами пациентов, что утомляет и часто исчерпывает личностный ресурс.

На КС, за счет теоретически-супервизионного контекста, как раз и возникает несколько взаимообусловленных процессов, дополняющих, а значит, корректирующих наш клинический опыт:

- обучение и преподавание;
- диалог и слушание;
- получение открытой групповой супервизии или участие в ней;
- возможность создания профессиональных контактов;
- расширение практики;

- получение часов для CV, учитывающихся при сертификации в ЕАРПП;
- поддержание чувств общности и отдельности, поддержки и индивидуальности.

КАК ЭТО ПРОИСХОДИТ?

1. Освоить теорию и применять ее — это начальный этап профессии. Со временем очень интересно делиться знаниями, вновь переосмысливать теорию, во время подготовки учебного курса включать виньетки из собственной практики. Наши семинары ведут сертифицированные специалисты ЕСРР, именно за счет такой площадки можно начинать осваивать пространство педагогики и, кроме того, выполняется требование для кандидатов на статус тренинг аналитика (ТА) или супервизора (СВ) о наличии часов преподавания в аналитической институции.

Прослушать семинар опытного коллеги всегда ценно с точки зрения профессиональных идентификаций, поиска ответов на вопросы начала практики или ощущения нехватки знаний. Слушатели КС как бы проникаются идеями семинаров, уносят эмоциональную атмосферу поиска профессиональных источников при работе над темой, включаются в клинические картинки и вспоминают свой личный (тренинговый) или клинический аналитический опыт. А формальной стороной участия в семинарах КС становятся часы теории, которые РО подтверждает при подаче CV на сертификацию, как это бывает на сертификатах наших профессиональных Конференций. И это немало, за 2–3 года участия это будет 20–30 часов. В общем-то незаметно, бесплатно, но последовательно, постоянно, и те, кто пользуется такой площадкой, набирают нужные формальные показатели для сертификации.

2. Умеете ли вы говорить с другим, с аудиторией? И это не про погоду или интересный фильм, а про свою работу аналитика. Не боитесь ли выразить свое мнение, показать сомнения или предпочтения в теории, услышать оппонентов или гробовое молчание в ответ на искренность и ожидание поддержки? Очень важная перспектива нашего профессионального развития — это умение говорить и умение

слушать. И не только в качестве аналитика рядом с пациентами, где такой навык, несомненно, является первостепенным для установления терапевтического альянса. Но и в качестве профессионального собеседника. Когда мы читаем аналитическую литературу, статьи, мы можем не понимать, сомневаться, критически оценивать прочитанное, но куда потом уходят эти аффекты? Как вы донесете до авторов книг Фрейда, Кляйн, Биона, Грина свои вопросы и мысли? НИКАК. И поэтому все «шероховатости» оседают в памяти ненужными нагромождениями конструктов — неперева-ренными формами, которые просто станут для аналитика его клише, а не обдуман-ными перспективами. Поэтому нужно где-то говорить на профессиональные темы, делиться сомнениями и задавать вопросы. В нашей профессии молчание может быть «золотом», если до этого было много-много непонято, обдуманно, обсуждено и выведено через других. Говорить аналитику архиважно. Именно поэтому у нас, начиная с Фрейда, все, особенно западные, аналитики много пишут, выступают с докладами и издаются в профессиональных журналах или книжной печати.

3. Супервизия стала той стороной нашей аналитической профессии, которая «про-мывает форсунки» нашего аналитического эмоционально-мыслительного аппарата. Дриминг группы вокруг кейса супервизанта, несомненно, — свободная и творческая, и одновременно — сфокусированная на запрос и имеющая рамки работа. Наши супервизии на КС всегда ведут опытные тренинг-аналитики и супервизоры ЕСРР, а в РО Москва таких 12 человек, и каждый из них за эти годы воспользовался возможностью этой открытой площадки показать суть супервизии как среду для размещения бессознательных сопротивлений и контрпереносов аналитика, свой стиль ведения и интерпретаций. И так мы помогаем нашим ТА начинать проводить супервизии. Ведение супервизии — это следующий после преподавания важный навык нашей работы вне клиники. Личность аналитика с годами зреет в компетенции за счет нескольких факторов: 1. постоянной практики, обеспечивающей ему доход, 2.

возможности публично излагать свои мысли на мероприятиях, в статьях и 3. делиться профессиональным мастерством, проводя супервизии. Почему полезно просто само участие в групповой супервизии — идет научение работать в группе, видеть разные перспективы клинической работы, примерять на себя чужой опыт, переживать групповую динамику резонансных и параллельных процессов, выводящих из тени бессознательные феномены, идентифицироваться с супервизором, удивляться непохожести переживаний и наполняться желанием понять — формировать К-связь.

4. Организация РО Москва состоит более чем из 100 членов. Где и как могут встретиться столько людей? Одновременно это, скорее, на ежегодных Конференциях, и то — не факт. А КС — это возможность постепенно познакомиться с членами своего сообщества, взять контакты. Не секрет, что сарафанное радио очень хорошо помогает для раскрутки практики — кому-то нужен аналитик в определенном районе города, кому-то определенного пола или опыта, кто-то ищет для родных, кто-то хочет избежать пересечений. Мы рады помочь друг другу, такое профессиональное поле питается не слухами или непонятными фантазиями, а буквальным опытом совместного пребывания на профессиональной сцене. И рекомендации к таким коллегам уже звучат весомо и осознанно.

5. Начинающие практику коллеги, несомненно, проходят трудный и тернистый путь становления в профессии. Москва — очень конкурентный город. Предложений психологической помощи очень много. Как раскрутиться, как зарекомендовать себя на рынке предложений, как выбрать гонорар и место для кабинета. Встречи на КС — это и, без сомнения возможность узнать, как развивается практика у других, через какой опыт проходят коллеги. Поддержка, хоть и неявная, в таких вопросах как: «страх, что пациенты не останутся на длительную терапию, потому что я — начинающий специалист», конечно, должна быть где — то буквально размещена, и клинические субботы (обеспечивают такую поддержку), как явно, когда такие темы могут быть заявлены на семинарах

или звучать в кейсах супервизий, так и опосредованно, ведь это еще и маленькие кофе паузы, где встреча идет неформально, а разговор может быть душевным.

6. Про формальную часть КС — получение часов теории и супервизии для ее участников я уже упомянула. И тем не менее хочу сделать дополнительный акцент. КС как форма работы РО Москва — это ежегодные планируемые мероприятия, которые гарантируют возможность реализовать требования сертификаций на специалиста, ТА или СВ. Их можно внести в свои расписания и в полной мере пользоваться своей профессиональной региональной организацией, как полем для развития и поддержания компетентности, как профилактикой выгорания, как платформой для получения рабочего тонуса после отпусков или жизненных коллизий.

7. И, наверное, это — очень важная характеристика особенностей наших групповых встреч на КС — чувство социальной включенности в профессиональное движение. В период пандемии с апреля 2020 года наши КС перешли на онлайн формат и групповые супервизии заменены на дискуссионную группу — ее ведет Решетникова Ольга Борисовна — Супервизор ЕСРР, групповой супервизор IGA, COIRAG. Теперь уже два или три наших коллеги становятся спикерами, выступают 10–15 минут со своими краткими сообщениями на волнующие их

практические вопросы в рамках заданной общей темы КС, и 20 минут группа обсуждает поднятую проблематику, например: «Психоанализ в эпоху коронавируса. Работа онлайн: с чем мы столкнулись на практике?», «Наблюдения, феномены и рабочие вопросы на этапе ослабления мер изоляции», «Феномены истины, обмана и лжи в обыденной жизни и практике», «Мыслить под обстрелом. Аналитическая работа в условиях эмоционального напряжения».

Мир наполнен многими проблемами, мы не успеваем печалиться о потерях, переполняемся негативной информацией, застреваем на фейсбучных эмоциональных войнах, при этом абсолютно никак не влияя на проблему, вокруг которой накапливаются гневные смайлики. Сегодняшнее время очень противоречиво, и, несомненно, КС — это МЕСТО:

- место, где больше определенности, взаимности и профессионального языка,
- место для встречи людей, думающих и небезразличных к боли и страданиям человека,
- место для встречи просто мужчин и просто женщин, замужних и одиноких, бездетных и обремененных родительством, счастливых или переживающих личные драмы, молодых и зрелых, НО, в общем, «отравленных» желанием помогать людям находить решения проблем, преодолевать симптомы, избавляться от зависимостей, налаживать отношения и, главное, несмотря ни на что, любить жизнь.

Вот и все. Наша КС на странице Журнала ЕАРПП — закончена. Я очень хотела в этой статье, чтобы вы не только прочли, но и почувствовали дух Клинических суббот РО Москва.

Послесловие: неожиданно вспомнился миф о Прометее. Имя его означает «Провидящий» — а это значит, что я, пока писала, нашла еще один важный 8-й аспект КС — ПРОСВЕЩЕНИЕ. ■

ЧИТАЙТЕ
ВО ВТОРОМ
НОМЕРЕ
ЖУРНАЛА
ЕАРПП

Тема номера: «Психоанализ в эпоху пандемии: ретравматизация, регрессия, выгорание»

Также в номере:

- отчет Дискуссионного форума 11 апреля 2021;
- материалы Круглого стола Этического комитета ЕАРПП «Психоаналитик онлайн», прошедшего на Зимней школе-2021 в Екатеринбурге;
- репортажи с конференций в Самаре, Ярославле и Уфе;
- интервью с Председателем РО-Ярославль Метельской Ю. С.;
- эссе, посвященное памяти Харольда Штерна (Harold Stern);
- специально переведенные для нашего Журнала статьи по теме номера;
- новые исследования в области психоанализа культуры и многое, многое другое.

ДАТА ВЫХОДА ВТОРОГО НОМЕРА — 15 ИЮНЯ 2021

Приглашаем авторов и активных членов сообщества к работе над журналом.

Любой психоаналитически ориентированный специалист может стать автором, прислав статью или репортаж для публикации. Мы принимаем на рассмотрение материалы как в рамках темы номера и основных событий, так и на свободную тему.

Мы также ищем волонтеров для развития и расширения проекта. Если вы являетесь Членом ЕАРПП, активны и готовы на постоянной основе работать с нами над созданием Журнала, то можете войти в состав Редакции.

Если вы не уверены в своих силах, но хотите участвовать в проекте, свяжитесь с нами, мы поможем!

«**Письмо в редакцию**» — наша новая рубрика, в которой будут публиковаться письма наших читателей — еще одна возможность принять участие в жизни журнала.

Наша почта: earpp.journal@gmail.com

СОБЫТИЯ

В этой рубрике размещены репортажи с мероприятий по психоанализу и психотерапии. Наша цель — познакомить вас с актуальными событиями, а также создать пространство для обсуждения и диалога, обмена мнениями и дискуссии.

Международные и региональные конференции, семинары, конгрессы, чтения и т. д., мероприятия, на которые мы ездим уже много лет, и бронируем даты в своем календаре на год вперед, или неожиданно привлечшие нас своей темой, — участвую, еду! — давно стали важной частью нашей жизни.

Иногда наше желание участвовать превышает наши реальные возможности. Мероприятий с каждым годом становится все больше и даже то, что многие из них стали проводиться онлайн и не требуют затрат на дорогу и размещение, не помогает. Все же наш ежедневник — не резиновый...

Подчас мы испытываем досаду: «Эх, жаль, что не попал...» и вполне понятную зависть к участникам. Наш интерес остался не удовлетворенным.

Теперь вы можете познакомиться с материалами мероприятий по психоанализу и психотерапии здесь, в нашем Журнале.

Тексты докладов и фотографии говорят сами за себя. Эссе и синопсисы, заметки наших коллег о событиях — это авторский взгляд на событие и на идеи, не просто пересказ, но скорее творческая переработка и осмысление материала через призму своего собственного опыта.

Мы приглашаем вас — читайте, обсуждайте, делитесь своими откликами друг с другом и на Дискуссионных форумах Журнала. Возможно, вам тоже захочется написать репортаж или заметку об интересном событии, конференции, докладе и в этой рубрике появится ваш материал.

XIII Зимняя Школа 2021 Индивидуация и социализация: желаемое и дозволенное

В Екатеринбурге 5–7 февраля 2021 г. состоялась XIII Зимняя Школа — Международная научно-практическая конференция по психоанализу «Индивидуация и социализация: желаемое и дозволенное».

На конференцию зарегистрировалось 150 чел., которые являются представителями 5 стран (Великобритания, Ирландия, Россия, Франция, Швейцария) и 23 городов (Вологда, Волгоград, Дублин, Екатеринбург, Лондон, Манчестер, Москва, Мурманск, Новосибирск, Нефтекамск, Новоуральск, Париж, Пенза, Пермь, Реутов, Ростов-на-Дону, Самара, Санкт-Петербург, Тюмень, Уфа, Хабаровск, Цюрих, Ярославль).

Программа Зимней школы по традиции была насыщенной и интересной. Доклады, мастер-классы, дискуссии и групповые супервизии шли в трех параллелях, работали секции детского, группового психоанализа и семейной психоаналитической терапии, психоаналитический театр.

В рамках репортажа о Зимней школе мы подготовили для вас несколько докладов, заметок и синопсисов. Доклады представлены в сокращенной форме. Полные версии опубликованных и многих других докладов вы сможете прочесть в Сборнике, который готовит Оргкомитет Зимней

школы. Следите за информацией на странице Зимней школы в Facebook (<https://www.facebook.com/w.psych.ekb>) и в рубрике Анонсы нашего журнала.

Заметка — это краткая аналитическая зарисовка на основании впечатлений от докладов.

Синопсис — это изложение основных идей доклада и прений по нему. Отражение основных положений прений по выступлению — это первое отличие синопсиса от просто грамотного краткого конспекта. Второе отличие — личное осмысление доклада автором синопсиса, размышление о докладе, его теме и основных тезисах с (по возможности) ссылками на дополнительную литературу или с цитатами из произведений. Автор синопсиса выступает как бы в роли независимого наблюдателя в отношении доклада и сопутствующего обсуждения. А после уяснения основных их положений как бы вступает в дискуссию, продолжая развитие услышанных идей, пытаясь расширить, развить, углубить, достроить точку зрения автора.

Редакция Журнала от всего сердца благодарит Оргкомитет Зимней школы и лично Фарафонову Елену Геннадьевну за сотрудничество и помощь в подготовке материалов! Приятного чтения!

Три доклада и один терапевтический процесс

Васильева Екатерина Игоревна

[об авторе](#)

В этом году меня глубоко затронул доклад Владимира Николаевича Шлыкова «Внутриутробное развитие и постнатальные уровни психической организации». Конечно же, важность внутриутробного развития для психики неоспорима, но в этом докладе Владимир Николаевич показал такое глубокое осмысление темы, что половина аудитории наглядно продемонстрировала: тема сложная и затрагивает каждого. Кто-то засыпал, кто-то просто отвлекался. Было легко и сложно одновременно уследить за докладчиком, последовать за ним в глубины бессознательного, такого знакомого и такого неизвестного.

Я вспомнила и живо представила свою клиентку, у которой все в жизни было очень сложно, с надрывом. В детстве ее избивали и мать, и бабушка, и отчим. Мне вспомнился еще один факт: отец избивал ее мать, когда та была беременна моей клиенткой. В каком триместре это происходило? Это имеет значение для того, чтобы понять, какие реакции бессознательно возникают у этой молодой женщины сейчас в отношениях с людьми, которые имеют на нее какое-то влияние. Ее отца посадили в тюрьму, и нашла она его только через 18 лет, когда приехала в город поступать в институт.

На второй день конференции попала я к Т. Ю. Гунар, которая рассказывала про отсутствующего отца, физически и/или эмоционально, и его влияния на детей: «Безотцовщина — шансы на социализацию? И как болезнь может заменить отца?». Слушаю доклад, и опять в голове возникает моя клиентка. Дети испытывают агрессию к отсутствующим отцам, но не осознают ее, и перенаправляют на мать, а еще сильно идеализируют того отца, которого не было. И, действительно, агрессия моей клиентки на отсутствующего отца превращается в его идеализацию. Когда моя клиентка нашла отца, она как будто обрела семью заново. У него к тому времени была уже третья жена, двое ее дочерей, он ходил в церковь, и моя клиентка пошла вслед за ним. Пришла к Богу, вроде все было хорошо, и она даже ощущала полноту некоторое время, но всё рушилось. Перед приходом к аналитику в течение полугода ей было невозможно просто жить. Утром уже хотелось заснуть, чтобы быстрее прошёл день. А вечером она не могла ничего делать, только плакала и плакала.

Она вышла замуж за прекрасного мужчину, обвенчалась с ним в церкви, забеременела, но случилась замершая беременность. Потом, уже в терапии, она поняла, что ужасно злится. Что приступы ее агрессии невозможно выносить никому из ее родных и друзей, а принцип смирения, о котором твердили батюшки в церкви, давил на нее так, что она чувствовала себя полностью раздавленной.

Первый год анализа прошёл в абсолютной идеализации аналитика, который точно знает и понимает, что с ней происходит. Постепенно проговаривая все, что она чувствует, клиентка поняла, что никто, кроме нее, не знает ее лучше, чем она сама. И потихоньку мы стали замечать, что агрессия к аналитику проявляется, хотя бы в сновидениях.

В одном сновидении какая-то ее коллега топила аналитика. В другом, аналитик что-то говорила так, что клиентка не понимала ни слова, и смогла топнуть ногой и сказать: я ничего не понимаю! Так выразила свою злость. Обсуждая сновидения, мы понимали, как сложно ей выразить что-то плохое

даже в терапии, в этом вроде бы безопасном пространстве, где ее поддерживают. А потом она забеременела. И это стало новым периодом в нашей работе.

С одной стороны, все то, о чем говорил В. Н. Шлыков, касается ребёнка, который развивается внутри неё. С другой стороны, все, что всколыхнулось в ней во время беременности, те негативные эмоции, которые были подавлены многие годы, относятся к ней лично. Не к ребенку. И возникает страх, что ее агрессия отразится на ребенке, он все это чувствует и может пострадать. В прошлую, замершую беременность, клиентка тоже замечала приступы страшной агрессии, и тогда ребёнок не дожил и до 9 недель. В этот раз мы пережили 9 недель, проговаривая злость и ненависть на мужа в кабинете.

После доклада Н. М. Ошурковой «Разрешение переносов» я задалась вопросом: как я могу помочь клиентке? Она повреждена, ей надо проработать свою ярость, но она беременна. То есть, сейчас она и влияет на своего ребёнка своей «поврежденностью», и прорабатывает свои негативные эмоции одновременно. Наталья Моисеевна рассказывала про виды переноса и формирование психики во время беременности. И про то, как прорабатывать очень сложные вещи вместе с клиентом, а подчас и вместо клиента, размещая его переживания (перенос) внутри своего психического пространства. Но нужно понимать какие функции формируются в каком триместре.

Три дня докладов и мастер-классов уложились в голове таким образом, что клиентка получила «супервизорскую поддержку». Пришло понимание: помогая ей проработать и восполнить ее дефициты, мы, таким образом, поможем и более гармоничному (насколько это возможно) внутриутробному развитию ее ребёнка.

По прошествии трех дней конференции у меня сложилось ощущение: какими бы ни были техники работы и теории изучения психики человека, цель у нас одна — помочь нашим клиентам чувствовать себя гармоничной личностью, которая может справляться с выпадающими на ее долю трудностями и с собственными реакциями. ■

Социализация и индивидуация глазами французского психоаналитика

Ларина Екатерина-Кристина Николаевна

[об авторе](#)

С 5 по 7 февраля 2021 года в Екатеринбурге прошла Международная научно-практическая конференция по психоанализу — XIII Зимняя школа. Тема конференции: «Индивидуация и социализация: желаемое и дозволенное». Такие события оставляют глубокое впечатление благодаря интересным встречам, возможностям обмена мнениями и нового осмысления психоаналитических истин. Хочется вновь возвращаться к прослушанным докладам, размышлять. Интенсивность этого мероприятия — в разных залах параллельно выступают три докладчика — ставит участников перед непростым выбором. Кому отдать предпочтение?

Мне показалась интересной тема доклада известного французского психоаналитика, ученицы и последовательницы Франсуазы Дольто (Françoise Dolto) — Жислен Спикёр (Ghislaine Szpeker). Название ее доклада звучало так: «Как дозволенное может быть желанным?». Доклад оказался содержательным, глубоким, с опорой на теории З.Фрейда и Ж. Лакана. Также упоминались позиции Ф. Дольто, М. Кляйн, Д. Винникотта. В ракурсе проблемы социализации и индивидуации личности докладчик обрисовала нюансы процессов формирования

субъекта, их взаимосвязи, возможности смены диады на триаду, обстоятельства возникновения желания и запрета.

Речь шла о самом раннем периоде развития психики ребенка, о зарождении потребности во взаимодействии и индивидуальном развитии. Такая потребность проистекает из ранних взаимодействий матери и младенца и обусловлена необходимостью взаимного признания. Данный механизм является одновременно физиологическим и психическим. Баланс между способностью к взаимности и потребностью в интерсубъективности закладывается в раннем периоде жизни ребенка и является основой построения всех последующих отношений. Однако, для того, чтобы появилась возможность установления равновесия, ребенок должен осознать себя как Субъект. Парадокс заключается в том, что для осознания себя Субъектом необходим Другой. Ж. Лакан объяснил это через идею особого этапа в развитии ребенка, называемом стадией зеркала. Я появляется через противопоставление себя Другому. «Взгляд Другого — говорила Жислен Спикёр, — позволяет ребенку получить доступ к образу, единому с его телесным Я».

Мать интерпретирует и передает ребенку первичный образ его тела. В бессознательном матери хранятся содержания, связанные с ее фантазмом о собственном эдиповом ребенке. Мать проецирует этот фантазм на будущего младенца задолго до его рождения. Наличие Третьего позволяет матери отказаться от своего эдипова ребенка (в пользу реального). Появление Третьего, запрет на инцест, позволяет ребенку «сохранить лицо», не выставлять на всеобщее обозрение свою беспомощность. Запрет порождает желание, как и желание требует установления запрета. Такова двойственная природа психических процессов. Двойственность наблюдается и в процессах возникновения Субъекта, когда для этого нужен Другой — мать, которая даст ребенку образ тела, возможность формирования привязанности, потребность объекте, любви. Двойственность обнаруживает себя и в процессах, связанных со стремлением освободиться

от интериоризированного взгляда матери в форме Идеала, с одной стороны, и стремлением к свободе и интерсубъективности, с другой. Эта пара разнонаправленных, но неразрывно связанных процессов представляет собой противоположные тенденции в виде стремления к самоутверждению и потребности в безопасности. Таким образом, наличие дуальности, единства и борьбы противоположностей — двигатель процессов развития в общем, и развития психики в частности.

Обладея материалистическим взглядом на мир, не могу не отметить, что в докладе упоминался гормон окситоцин, очевидно как материальная основа формирования привязанности между матерью и младенцем. По мере развития науки, мы получаем все больше объяснений тем процессам, которые изначально представлялись, как нематериальные и страдали от слабой доказательной базы. Но ситуация меняется. Например, сегодня уже открыты зеркальные нейроны — материальные носители эмпатии. Многие психические процессы объяснены с помощью биохимии. Конечно, нельзя объяснить все происходящее с человеком только его биохимией. Но все же, такие исследования имеют огромную ценность для будущего психологии. Возможно, ее назовут «биопсихологией» или каким-то похожим образом.

Упоминание окситоцина заставило меня заняться изучением соответствующих материалов, искать исследования и цифры. Цифры впечатлили: около 30% младенцев появляются на свет с помощью кесарева сечения, что не дает возможности протеканию всех необходимых гормональных приготовлений матери и ребенка. Остается только согласиться с Жислен, что массовость кесарева сечения, быстрых родов, отказов от грудного вскармливания

Мать интерпретирует и передает ребенку первичный образ его тела

(я бы добавила, ранний уход за младенцем с помощью няни) безусловно порождает дефицит окситоцина в отношениях матери и младенца, и в конечном итоге формируют особенности привязанности ребенка.

В своем выступлении французский психоаналитик уделила внимание понятиям «желание», «потребность», «требование» и «запрет». Для ориентации в пространстве этих терминов следует обратиться к учению Лакана. Опираясь этими терминами, Жислен Спикёр развернула сюжет в ракурсе формирования потребности в привязанности. Потребность — явление биологическое, исходящее из требований безопасности и самого существования индивида. Эволюция превратила потребность в желание, присоединив к потребности предвкушение удовольствия. Таким образом, желание — это потребность плюс удовольствие, которое ожидается от удовлетворения потребности. Эволюционная функция желания: сделать потребность приятной, желанной. Такая метаморфоза становится возможной, если ощущающий потребность ребенок ожидает (фантазирует) удовольствие от того, что вскоре надеется получить. Однако, превращение возможно лишь в том случае, если удовольствие будет получено, т. е. потребность будет удовлетворена. Испытав удовольствие, ребенок научится желать. Не могу не привести дословно красивую фразу мадам Спикёр: «Можно сказать, что каждая потребность первичных влечений превращается в желание, создает некий сценарий, диалектику превращения сырого влечения в историю, рассказчиком которой является Я».

Неудовлетворенная потребность со временем превратится в требование, станет причиной неспособности создавать достаточно хорошие объекты — будет сказываться влияние чересчур могущественного Сверх Я. Неудовлетворенная потребность эротизируется, что создает потенциальную возможность аддикции в дальнейшем. Эротизация закрывает путь желанию. Таким образом, то, что могло бы стать желанием, не будет удовлетворено в течение всей жизни.

Автор доклада приводит в пример ложную самость, как ситуацию, нагруженную

высоким напряжением, возникающим в результате действия противоположных тенденций. Результатом этого процесса станет расщепление, которое закроет доступ психики ребенка к достаточно хорошему и достаточно плохому объекту, останется лишь возможность восприятия объекта либо как хорошего, либо как плохого. При этом идеализированная мать не становится «достаточно хорошей матерью». Если фантасматический ребенок матери, который «должен был заполнить нарциссические уязвимости ее детства» не станет для нее реальным, ребенку придется «изловчиться», чтобы соответствовать ее представлению о собственном младенце и не приносить ей огорчений. Доступ к желанию, таким образом, у ребенка будет закрыт.

Жислен Спикёр рассказала о клиентах, которые росли в атмосфере неудовлетворенности, и уже взрослыми не могут говорить о себе «я». Они употребляют местоимение «ты», что свидетельствует о жестоком вездесущем всемогущем Сверх-Я. Так же они могут пользоваться вместо «я» «мы», «сохраняя Другого в своем зеркале как часть себя». Почему-то вспомнился не клинический случай, а образ несчастного и злобного существа из «Властелина колец» по имени Голлум. Ранняя история его жизни неизвестна, но известно, что в те времена, когда он еще не превратился в существо темного мира, уже тогда его привлекал мрак и отталкивал свет. Если провести психоаналитические параллели, представив влечение к смерти, как мрак, а либидо, как свет, несчастный Голлум уже в ранние годы (будем считать период жизни вне пещер ранним, а в пещерах — более поздним) был захвачен влечением к смерти. Косвенным признаком неблагополучия может оказаться «сглатывающий» звук, который он вдруг начал издавать в раннем периоде и за который получил прозвище. Известно, что одной из разновидностей нервного тика являются судорожные сглатывания. Отталкивающий внешний вид Голлума может символически демонстрировать состояние его расщепленной, увечной души, вернее, психической организации. Он пытался наделить свойствами объекта вещь (кольцо) в безуспешном

Неудовлетворенная потребность со временем превратится в требование, станет причиной неспособности создавать достаточно хорошие объекты

стремлении любить. Но, изначально неспособный к этому, лишь впал в жестокую зависимость. Печальная и страшная история. Можно предполагать, опираясь на психоаналитическую теорию, что ранний период развития у такой личности был неблагоприятным, в нем было мало удовлетворения и удовольствий, потребность не превратилась в желание, а стала требованием, задающим путь вечного поиска объекта и замены его суррогатом.

В выступлении Ж. Спикёр подчеркивалась важность формирования желания и его связь с запретом. Благодаря наличию желания, ребенок может интроецировать запрет. Интроецированный запрет позволяет ребенку стать отдельным, прожить Эдип, освободиться от взгляда матери. Стать свободным — это означает психически превратиться в Субъекта, пойти по пути социализации.

Социум подавляет природное естество человека, но, как считал З. Фрейд, человеческие отношения строятся на любви, а не на страхе. Это требует послушания и в некотором смысле подчинения, но не подавления, подчинения правилу и, впоследствии, интеоризации правила, но не подчинения Другому.

Еще до того, как ребенок сможет интроецировать запрет, он интроецирует родительский опыт. В опыте матери и отца изначально присутствует способность к индивидуации. Если мать справилась со своей эдиповой ситуацией, смогла отгоревать эдипову потерю, то в ее психике есть место для Третьего, даже если Третьего реально не существует. Благодаря этому, ребенок сможет выйти из эдиповой ситуации и отказаться от инцестуозного желания,

уступив Третьему. Идентификация с Третьим послужит двигателем индивидуализации ребенка.

Сложнейший путь психического развития личности обеспечен эволюцией, которая превратила потребность в желание. Очевидно, желаемое и дозволенное тесно связаны с понятиями желания и запрета, с их взаимодействием, так же, как с ними связаны процессы социализации и идентификации. Все это вместе являет собой сложные нелинейные процессы раннего психического развития человека.

Надеюсь, мне удалось передать суть выступления Жислен Спикёр. В очередной раз эта удивительная женщина заставила меня думать, искать, хотеть понять. Удовольствие от таких выступлений долго сохраняется возбуждающим послевкусием и потенцирует стремление к развитию в нашей сложной и интересной профессии. ■

Травма Я и индивидуация: лебединая верность себе

**Мазалова Наталья
Александровна**

[об авторе](#)

Масштабность и география, как гостей Зимней школы, так и выступающих с докладами коллег всегда производит на меня неизгладимое впечатление. Участникам Зимней школы предоставляется уникальная возможность познакомиться с самобытными взглядами на психоанализ в разных уголках мира. В этом году были представлены доклады, а так же мастер-классы, дискуссии, круглые столы из таких стран и городов, как: Великобритания (Лондон и Манчестер), Швейцария (Цюрих), Франция (Париж), Ирландия (Дублин), Россия (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Самара, Ростов-на-Дону, Нефтекамск, Уфа). Невольно возникает вопрос: «Как получается раз за разом собирать в одно время и в одном месте столько интересных людей, увлеченных своим делом?!»

Мне бы хотелось остановиться на докладе Барбары Фитцджеральд «Индивидуация и желаемое Я» (Дублин, Ирландия). В основе психоаналитического размышления Барбары лежит ирландский миф о детях Короля Лира. Говорят, что миф — это сновидение коллективного бессознательного. Барбара предлагает через этот миф отследить некоторые моменты индивидуации героя: ловушки, преграды, невротические

Онлайн-доклад Барбары Фитцджеральд

компромиссы, сознательные и бессознательные выборы и т. д.

Барбара рассказала, что и психоанализ, и восприятие мифа в Ирландии понимается иначе, нежели в Великобритании и Европе. Причины этого коренятся в особенностях ирландского языка.

Оказывается, психоанализ пришел в Ирландию в 40-е годы. Тогда же была сформирована психоаналитическая группа, частью которой является Барбара Фитцджеральд. В первые годы распространения психоанализа в Ирландии складывалось впечатление, как будто ирландцы ему не поддаются. Амбивалентность заложена в самой структуре ирландского языка. Например, на английском языке можно сказать «я грустный», ирландец скажет: «грусть во мне».

Обращаясь к мифу «Предание о детях Лира»¹, Барбара останавливается на трех основных драйвах желаний героев:

¹ О кельтской мифологии: https://world-of-legends.ru/keltika/legends_keltika/

- 1) Триадные отношения и выбор Аофи.
- 2) Магическое действие заклинания, время и изгнание.
- 3) Освобождение от желания и от основы бытия.

Итак, первая часть этого предания.

Король Лир потерял жену и отказался от скорби утраты. Вместо этого он женился на ее родной сестре Аофи, которой он заменил свой Эго-Идеал. Он постоянно хотел говорить о своей умершей жене, чтобы воссоздать ее образ как некое подобие хорошего воображаемого объекта. Похоже, что Лир был нарциссичен. Он приблизил к себе детей от первого брака, старшую дочь Фионнулу и трех сыновей: «находясь с ними рядом днями напролет, а по ночам все вместе они спали в одной большой постели».

Докладчик задается такими вопросами: «Какая картина мира сложилась у маленьких детей после смерти матери? Могли ли ночи, проводимые с отцом, активировать последствия эдиповой победы? В какие всемогущие фантазии они угодили?». Король использовал своих детей как источник утешения своего неразрешенного горя.

Он не стал родителем в своей новой семье, не способствовал превращению семьи в новую, смешанную.

Вскоре Аофи поняла, что ей не место в этой матрице. Она чувствовала себя изгнанной. Ее потребность в интимных, полных любви отношениях с Лиром не была удовлетворена. Аофи пришла в ярость и решила разлучить детей с их отцом навсегда с помощью заклатья, которое превратит их в лебедей.

Тут Барбара немного отвлекается от мифа и вспоминает, насколько тема изгнания важна и актуальна в настоящее время: «Среди эмигрантов существует много нерассказанных историй о потерях изгнания и тоске. Благодаря нашей работе с пациентами мы знаем, что наступает момент, когда в рассказе происходит диалог с предками и возникает место для исцеления межпоколенческих травм. Так же важны воспоминания о значимых событиях в истории страны. Например, о конце войны или так когда-нибудь будут вспоминать об окончании пандемии. Говорят, что в тяжелые времена люди начинают обращаться к своим культурным истокам, к коллективной сознательной и бессознательной памяти».

Действительно, во время карантина виртуальное посещение музеев, театров, выставок увеличилось во много раз. Например, в Русском музее подсчитали, что за 2020 год число подписчиков его соцсетей выросло примерно на 200%, а общее количество просмотров всех форматов перевалило за 120 млн². Независимо от того, понимает или не понимает человек искусство, от соприкосновения с ним ему становится лучше. Вероятно, в искусстве мы черпаем материнское успокоение и любовь, находим самые прекрасные отражения своих любимых внутренних переживаний. Философ Арис Мёрдак сказала, что глядя на искусство, мы перестаем существовать, чтобы начать что-то новое.

Вернемся к нашему преданию. Аофи вместе с детьми уезжает навестить их деда

Благодаря нашей работе с пациентами мы знаем, что наступает момент, когда в рассказе происходит диалог с предками и возникает место для исцеления межпоколенческих травм

Бодба Дирга. По пути они останавливаются у озера, чтобы дети могли поплавать. Во время их купания Аофи накладывает на них заклинание, но видя страх в глазах Фионнулы, смягчает его: заклинание будет длиться не вечность, а девятьсот лет. Отныне дети должны провести в качестве лебедей по триста лет на трех озерах и морях Ирландии. А когда король Севера и королева Юга поженятся, детям Лира будет возвращен их человеческий облик.

Каков психологический смысл заклатья? Подвергнуть заклатью — значит блокировать способность ребенка свободно реализовываться, не дать возможности стать самим собой. Проживать заклатье — значит проживать чьи-то желания, быть использованным. Суть заклатья — формирование ложной Самости, проживание заклатья — проживание жизни с ложной Самостью, что лишает возможности проживания своей жизни. Как Аофи была травмирована отчуждением в доме Лира, точно так же и она изгоняет детей из дома и человеческого облика. То, от чего больше всего страдала сама, она навлекла на них.

Согласно заклатью, первые триста лет четверо детей-лебедей должны провести на озере, возле дома. Б. Фитцджеральд говорит, что лебеди отрицают реальные обстоятельства, делают вид, что все в порядке. Они развлекают придворных своего отца пением, сублимируют страх в безудержное веселье. Барбара задается вопросами: «почему они не приняли свою природу животных, способных на инстинктивный гнев на происходящее? Нам знакомо такое застывание, которое называется травмой». Далее она говорит: «На пути к индивидуации порой трудно понять реальное

Данные сайта <https://www.rosbalt.ru/piter/2021/02/04/1885878.html/>

существование симптомов или ран. Мы можем петь снаружи, но чувствовать противоречие внутри. Наша способность находиться в реальности может быть нарушена гравитационным притяжением со стороны силы желаний. Процесс пробуждения включает в себя борьбу между силами желаний и реальностью нашей жизни».

Далее лебеди улетают на море Мойл. И мы переходим ко вторым трехстам годам.

Море Мойл было свирепым и беспощадным. Для лебедей наступило время больших потрясений. Их уносило штормом и морскими волнами. Посреди моря находился кусок скалы. Фионнула, старшая из детей, предложила всем возвращаться сюда. Это было то место, где они смогут найти друг друга. Сестра защищала трех младших братьев под своими крыльями, служившими контейнером для их тревог, признанием их родства. В одну суровую зиму было настолько холодно, что их перья превратились в лед и отломались. Лебеди оказались голыми, безо всякой защиты от непогоды.

Барбара замечает, что такое исключительное описание уязвимости чрезвычайно трогательно. Именно в такие моменты в психике может начаться движение. В пространстве между ощущением нужды и открытием возможностей мира мы сталкиваемся со своей глубинной сущностью. Это время, когда мы стоим перед выбором сепарации истины и психической реальности. Именно убеждения придают статус реальности фантазиям и идеям, которые затем уже воспринимаются как факты. Убеждение является составной частью инстинкта, необходимого для жизни перед лицом неопределенности. Убеждения — это фантазии, в которых задействованы психические объекты и, будучи эмоциональным вложением, они требуют оплакивания, которое позволит от них освободиться.

«Ограничения, с которыми мы сталкиваемся, могут касаться свободы, — далее говорит Барбара, — поскольку мы освобождаем другие части себя, которые были несвободными, заключенными в идеализированные

Зал во время онлайн-доклада Барбары Фитцджеральд

идентификации или привязанности. Чтобы вынести эти тревоги и найти возможность пройти через них, важным аспектом является освобождение от желаний на пути к индивидуации.

Индивидуацию часто путают с потаканием собственным слабостям. Или с простым индивидуализмом. Но то, чего чаще всего индивидуация требует от нас — это отказаться от планов Эго по обеспечению безопасности и эмоциональному подкреплению в пользу служению намерениям души. Цель психоанализа: сделать бессознательное осознанным. Что здесь необходимо осознать? В предании рассказывается история потерь героев. Потеря, которые не были проработаны, что может привести к бессознательной динамике внутреннего конфликта, притуплению желания и развитию иллюзий для защиты от ощущения соперничества, одержимости, ревности и в конечном итоге потерь».

Мы видим эту динамику в страданиях Лира из-за потери первой жены, потом в ревности Аофи из-за потери Лира, детей и их, в конечном итоге, жизни. Неразрешенная потеря детьми матери и мачехи, лишает их готовности сопротивляться, а их энергия поглощается пассивным ожиданием. Также они страдают от потери человеческого облика и не принимают свою животную природу. Вероятно, примитивные животные инстинкты могли бы послужить им в море Мойл, но они направили все свои силы на выживание.

Коллега Ринат Галиев (Санкт-Петербург) отметил, что «в этом мифе есть компенсаторная функция, которую выполняет старшая сестра Фионнула по отношению к своим братьям. Она их согревает в холодное время своими крыльями и дает им замену, компенсацию материнской фигуры».

И теперь о заключительной части предания.

После штормовых трехсот лет на море Мойл лебеди возвращаются в родные места, обратно к озеру, где они провели первые триста лет, для того, чтобы провести на нем оставшиеся триста. Все вокруг изменилось до неузнаваемости. Их страстное желание вернуться домой и зажить прежней жизнью не сбылось. Жизнь изменилась.

Индивидуацию часто путают с потаканием собственным слабостям. Или с простым индивидуализмом

Хранители магии давно ушли. И время стало обычным, линейным. Годы означали просто годы, а не волшебную жизнь. Закаленные штормами и невзгодами на море Мойл, они стали воспринимать мир иначе. Лебеди повзрослели. На озере они знакомятся с монахом Малахи. С ним они ведут занимательные беседы о новой религии. И тут король с Севера и королева с Юга объявляют о своей женитьбе. Они желают видеть на своем торжестве лебедей, которые будут их развлекать своими прекрасными голосами. Вот тут действие заклęcia и заканчивается. Лебеди вновь обретают человеческий облик. Однако они оказались девятисотлетними стариками, лишеными своих желаний, мечтаний и стремлений. Они освободились от желания чего бы то ни было, кроме правды реальности: их глубокого родства друг с другом и того, что они достигли конца своей жизни. Их последним желанием было быть вместе после смерти. Фионнула снова прижала их к себе, и они вчетвером были похоронены.

«Лебеди, застрявшие между своей человеческой и животной природой, оказались не в состоянии распознать и понять, кто они на самом деле. В промежутке между чувством нехватки чего-то и возможностями мира, с которыми мы сталкиваемся, возникает важнейший вопрос о том «кто мы?». Что в нас самих создает возможность проявить смелость в той степени, какая для нас возможна? Сколько в нашей жизни связано с теми жизнями, которыми мы не живем, жизнями, которые мы упускаем? Жизнями, которые мы могли бы вести, но по какой-то причине этого не происходит? То, о чем мы фантазируем, то, к чему мы стремимся — это опыт и люди, которых нет. Но что присутствует? Что призывает и зовет

вперед? Это вопросы, которые лежат в основе поиска индивидуации. Мы способны выносить и во времени преобразовывать свои самые глубокие страхи и развивать силу движения к цели — и это один из фундаментальных аспектов индивидуации», — говорит Барбара Фитцджеральд.

А хотят ли люди индивидуации? Хотят ли идти сквозь штормы и бури к обретению истинной Самости? Готовы ли? Мы можем предположить, что для того, чтобы быть открытым для глубокой работы в сторону индивидуации, нам необходимо понять амбивалентную неоднозначную природу своего жизненного пути. Вера в то, что когда мы сталкиваемся с отчаянием из-за того, что потерялись, то в этот момент нас можно найти. Желания мы можем понимать как особый вид стремления, который является уникальным аспектом взаимоотношений между разными уровнями реальности в нас самих.

У коллеги В. Н. Шлыкова (Екатеринбург) возникли к Барбаре такие вопросы: «Возможна ли не групповая индивидуация? Или важна группа, когда тебя отражают другие? Есть ли у нас «неотражаемая» другими часть, которую мы можем реализовать без других?».

Б. Фитцджеральд ответила: «Индивидуация всегда происходит в отношениях, через отношения и даже через воспоминания отношений, которые все равно являются частью этого процесса. Но когда мы становимся более зрелыми, то мы уже можем направить этот процесс внутрь и не нуждаясь в такой степени во взаимоотношениях находим в себе силы заглянуть в глубинную темноту своей Самости. Эго никогда бы не хотело бы присутствовать на собственных похоронах».

Барбара закончила свой доклад цитатой Ричарда Уилбера, американского поэта, который написал следующие строки: «Все, что мы делаем, касается океана. И все же мы остаемся на берегу того, что нам известно». Как мы можем ориентироваться и преодолевать рывки желаний, стремлений и позволять себе смотреть в бескрайний океан, заглянуть в глубину, чтобы узнать больше, что нам известно? В этом и есть человеческая история индивидуации.

О чем этот миф и доклад? Барбара Фитцджеральд рассказывает о том, что переживают герои мифа на пути индивидуации.

На первом этапе — это застревание в инфантильной травме потери матери и дальнейшего отвержения мачехой. Последующее проживание в ситуации травмирующей фрустрации. Одиночество и отрицание реальности. Сублимация страха в безудержное веселье. Активизация защитных фантазий о всемогуществе.

На втором этапе, герои мифа сталкиваются с поражением на море Мойл, с идеализированными фантазиями о себе, с чувством крайней уязвимости и психологической обнаженности. Именно в этот момент обнаруживается их желание обрести себя и вернуться в мир простых смертных людей. В такие минуты наши герои остро нуждаются в материнской фигуре, в контейнировании подлинных чувств: тревоги, стыда, страха, отчаяния и в оплакивании потерянному.

На третьем этапе герои открывают, что мир людей хоть и родной для них, но он им совершенно незнаком. Лебеди чувствуют себя в нем чужаками. Но они находят того, кто помогает им войти в человеческий мир, знакомит с его законами и правилами (отцовская фигура монаха Малахи). И когда во внутреннем мире героев реконструируются родительские объекты (свадьба короля с Севера и принцессы с Юга), то они снова становятся людьми. Но обнаруживают себя слишком старыми.

Мне вспомнились слова Кохута: «Я верю, что на более позднем этапе жизни можно рассматривать определенную точку как жизненно важную. Это точка в жизненной траектории Самости, на которой ключевая финальная проверка определяет, успешным ли оказалось предыдущее развитие или нет. [...] Но я склонен считать поворотным моментом даже ещё более поздний этап — поздний средний возраст, когда, приближаясь к неизбежному концу жизни, мы спрашиваем себя, хранили ли мы верность нашему наисокровеннейшему предназначению. Для некоторых людей это время совершеннейшей безнадёжности, предельной летаргии,

И все же самость представляет собой динамический центр психики, который непрерывно внутренне изменяется и не является абсолютным

время депрессии без вины и направленной на себя агрессии, которая захватывает тех, кто чувствует, что он не справился и не может исправить совершённую ошибку с учётом того времени и тех энергий, которые у него на этот момент имеются».

Так же хочется поговорить о символике мифа.

В мифах и сказках превращение в определенное животное или птицу передает некое содержание психики. Превращение в птицу означает, что стремление персонажа реализуется в виде идеи или фантазии и не становится при этом целостным человеческим переживанием. Такой человек склонен смотреть на жизнь и действительность, блокируя один из полюсов. Как, например, монах или аскет старается блокировать свой телесный полюс, усмиряя плоть.

Почему же детей превращают в лебедей? Вероятно, здесь лебеди символизируют неокрепшие, травмированные, детские души, которые всю жизнь вынуждены искать свое отражение в море жизни. Младенец рождается с фрагментированной Самостью, которая обретает связность и стабильность через «эмпатичную сонастроенность» с опекунами. Плохая или неадекватная сонастроенность ведет к задержкам развития в одном или нескольких секторах Самости, оставляя структурные дефициты, которые требуют компенсации. Если младенцу не хватило блеска и интереса к себе в глазах матери, то он может вырасти во взрослого, который постоянно стремится получить свое отражение, одобрение со стороны других людей, даже в таких

ситуациях, которые деструктивны и неизменно опасны.

Тогда почему в мифе так много воды? Вода в сказках и мифах имеет множество символов. Вода символизирует материнское пространство. Вода символизирует бессознательное, а погружение в воду имеет аналогию с погружением в бессознательное. Купание так же означает бессознательное желание героя очиститься от тех ложных качеств, которые чужды персонажу. Порою в сказках вода бывает или смертельно горячей, или смертельно холодной. Герой может свариться или замерзнуть, но он выживает. Это говорит о скрытой силе человека, способной сохранить ему жизнь в самых трудных ситуациях.

А что же может означать обнажение или даже уничтожение кожи животного? Вспоминая слова Кохута, любой взрослый человек может переживать отдельные и изолированные эпизоды уязвимости, как это происходит у большинства людей с достаточно связной Самостью. Иначе человек погружается в муки тяжелого нарциссического расстройства в случае, если его Самость раздроблена. Такая Самость требует постоянной стимуляции в виде аффективного возбуждения для того, чтобы продолжать поддерживать чувство, что она вообще есть. Подобные случаи попадают во внимание психотерапевтов через разнообразные проявления: депрессия, ярость, тревога, зависимости, извращения, крайняя ранимость к пренебрежительному отношению, навязчивые мысли, сексуальное отыгрывание и т. д.

И все же самость представляет собой динамический центр психики, который непрерывно внутренне изменяется и не является абсолютным. Она снова и снова переадаптируется, чтобы соответствовать изменяющемуся процессу.

А что читатели могут добавить к пониманию символики мифа? Есть еще множество вопросов. Что символизирует фигура Короля? Мачехи? Почему три раза по триста лет? Что означает Старость, Смерть и т. д.?

Хочется поблагодарить Барбару Фитцджеральд за столь интересный и глубокий доклад, который порождает так много

размышлений, фантазий, чувств, приближает наше понимание динамики пути индивидуации.

На Зимнюю школу слетается много студентов, начинающих психоаналитиков и специалистов, имеющих за плечами опыт в профессии. Через доклады коллег и взаимодействие друг с другом мы восполняем пробелы в знаниях или укрепляемся в уже имеющемся багаже. Мы можем испытывать в душе звучание целого оркестра чувств:

стыд и зависть, радость и ликование, ревность и тревогу, уверенность и могущество, и многое другое. Мы обнаруживаем свои победы или ошибки через победы и ошибки других, оттачиваем свое мастерство через мастерство других. Так мы нащупываем и проходим свой неповторимый путь индивидуации в психоанализе, чтобы когда-нибудь понять, насколько мы хранили верность своему наисокровеннейшему предназначению. ■

Синопис к докладу Рональда Доктора «Индивидуация и социализация: путешествие героя»

Маслов Михаил Николаевич

[об авторе](#)

Господин Доктор предлагает рассмотреть психодинамический процесс в психоаналитической психотерапии нарциссического расстройства личности через призму мифа о «Путешествии Героя».

Миф «Путешествие Героя» как процесс индивидуации и приход к самости, с одновременным процессом социализации символически отражает психодинамический процесс личностного изменения. Миф о герое дает основные психодинамические точки, на которые можно ориентироваться в процессе психотерапии.

Индивидуация — процесс влечения к самости и целостности личности, к внутреннему миру и бессознательному. Основной миф взят из книги Джозефа Кэмпбелла «Тысячеликий Герой»¹. Идея путешествия Героя используется как метафора индивидуации. Таинство путешествия Героя ведет к синтезу противоположностей психического. Герой возвращается из путешествия, наделенный силой приносить пользу другим людям. Чем больше мы осознаем себя

¹ Например, Джозеф Кэмпбелл «Тысячеликий герой». Питер: 2018. Серия: мастера психологии.

через самопознание и действие, тем большей осознанности себя можно достичь, сбалансировать конфликтность эгоистичных желаний, тем больше получается преодолеть трудность в принятии себя. Подобный путь развития мы можем увидеть в процессе индивидуации, как его описывала Маргарет Малер. Зародыш Героя живет в каждом в малыше, отправляющемся исследовать мир. Младенцу нужно позволить на этапе пути свободные omnipotent переживания. Это ситуация перспектив и очарования новыми достижениями. Для путешествия Героя нужно сначала принять и использовать, а потом освободиться от всемогущества. С точки зрения психоаналитика Джона Стайнера, всемогущество — движущая сила патологии и Герой должен освободиться от него. То есть всемогущество не рассматривается как что-то, что может принести пользу пациенту. Напротив, только как что-то вредящее. Рональд Доктор дополняет мысль Джона Стайнера. Всемогущество — это основание для протеста против ограничений и основание для свободного мышления. Кэмпбелл описывает Героя, который чувствует, что он ПРИЗВАН, который дерзает и совершает подвиги, опираясь на свое ощущение всемогущества. В своих битвах Герой встречает помощников и черпает надежду от фигур, которые помогают ему, чаще это бывают женщины, то есть материнская фигура. Но рано или поздно Герой терпит поражение и спускается в бездну отчаяния. И еще одна важная часть Путешествия — это Возвращение Героя.

По мнению Кемпбел, с психоаналитической и психотерапевтической точки зрения через путешествие Героя можно понять самих себя. Пациент приходит в анализ в состоянии отчаяния. Во время анализа он может достичь определенного уровня самосознания и у него остается желание вернуться в реальную жизнь, опираясь на достижения анализа. Как и в случае с младенцем, Герою помогают помощники, так аналитик помогает пациенту вернуться домой и столкнуться с реальностью. Герой совершает подвиги, но рано или поздно терпит поражение. Когда поражение и унижение переживаются неоднократно — это

приводит к смирению и принятию ограничений. Потеря всемогущества болезненна, ее нужно принять и оплакать. Герой, который не может освободиться и оплакать свое всемогущество становится неудачником, снова и снова совершающим попытки подвигов, и терпящим неудачи. Он застревает в навязчивом повторении. Другая судьба Героя: не пережив и не оплакав свои разочарования, он может стать Злодеем, переживающим унижение и мстящим за него. Настоящий Герой полон решимости вернуться домой, у него хватает решимости освободиться от всемогущества и начать формировать отдельную идентичность.

По мере освобождения от патологической организации и всемогущества, на первый план выходят унижение и разочарование. Если он не вызывает восхищение — его больше нельзя любить. Он теряет свою способность любить и быть любимым. Конфликт из-за любви подменяется конфликтом из-за власти: желанию триумфа и унижения других. Очень важно, работая со своими пациентами, увидеть конфликты любви и желание получить любовь за конфликтами власти.

Герой, потерпевший поражение, начинает путь Возвращения. Для этого ему придется решить две задачи: 1) необходимо освободиться от всемогущества и оплакать его, что возможно лишь после того, как признано Удовольствие от всемогущества; 2) восстановить родительские объекты и установить взрослые отношения с ними. Для этого нужно возобновить

По мнению Кемпбел, с психоаналитической и психотерапевтической точки зрения через путешествие Героя можно понять самих себя.

отношения с матерью и отцом, освободившись от догмата своих детских потребностей. Но проблема возвращения в реальный мир, в отношения с матерью и отцом вызывает дополнительные трудности.

Доктор описывает пациента А., отец и мать которого были профессиональными моделями и А. провел свое детство среди красоты. Он понял, что он призван в этом мире совершить что-то значительное, т. к. его младшая сестра родилась с генетической аномалией и была инвалидом. А. подумал, что должен спасти ее, решил стать нейробиологом, чтобы создать лекарство для ее спасения. Он уехал из дома в Великобританию в другую страну и поступил на факультет нейробиологии. Вспоминал, что спустя несколько месяцев обучения профессор сделал ему замечание и попросил быть не таким громким и шумным. За время приключений и «подвигов» А. многое пережил: жил с мужчиной, который был осужден за убийство; жил с женщиной, которая была частью мафиозной семьи; жил с женщиной, которую потом нашли убитой на подводной лодке при загадочных обстоятельствах. Каждый из этих персонажей может рассматриваться как часть пути Героя и его испытаний. Путешествие по сказочному миру приключений, столкновение с жестокими и опасными испытаниями: убийцами, мафией, историей с убийством на подводной лодке.

А. познакомился с невероятно красивой девушкой, моделью, их отношения длились три года. Отношения рухнули, и девушка покинула его, но на прощание она подарила ему камень-талисман. Этот талисман А. бережно хранил и держал всегда при себе. Затем А. встретил вторую женщину, отношения с которой длились два года, затем они тоже расстались. А. был уверен, что всегда сможет вернуться к своей первой девушке, но когда он попытался восстановить отношения с ней, оказалось, что у нее уже есть другой мужчина. Восстановить отношения было невозможно. Возвращение А. началось после того, как он столкнулся с необратимостью — отказом его бывшей девушки возобновить отношения с ним. Он горевал по потерянным отношениям, но не мог себе в этом признаться.

С точки зрения психических функций, вызывающих и поддерживающих психопатологию, важно было услышать о такой категории в эмоциональных отношениях как нежность.

Часто у Героя есть помощник, который (которая) сопровождает его на пути испытаний и помогает советами и т. п. Выполнив миссию, герой должен вернуться в повседневный мир. А. после возвращения в Великобританию решил, что ему нужен психоанализ и стал приходить пять раз в неделю. Чтобы его поддержать, требовалась чуткость со стороны аналитика к нежности внутри его, в то время как А. говорил, что он презирает нежность и таким образом старается быть более мужественным. А. рассказывал, что ему было невыносимо видеть, как отец обнимает мать за плечи. Ему бы тоже хотелось обмениваться такими жестами со своей девушкой. Но это означало бы контакт с нежностью внутри него, что было запретным для А. Возвращение домой — это пересмотр отношений с родителями, деидеализация родительских объектов. В отношениях А. с его родителями было много разного, но воспоминание о нежности родителей друг к другу помогло ему понять, что между родителями были настоящие отношения, а не фальшивка.

А. через некоторое время в анализе удивлялся, что аналитик предлагает ему говорить о чувствах, открывая ценность чувств в своем психическом мире. Когда А. пришел в анализ, он думал, что анализ это только для того, чтобы говорить. А. отказался от своей всемогущей идеи найти лекарство для своей сестры, и пришел

в анализ с потребностью оплакать и эту утрату тоже. Восстановление отношений с родителями, а так же восстановление отношений родительской пары (в восприятии господина А.) стало поворотным в его анализе, открыло доступ к его чувствам.

Рональд Доктор закончил свой доклад, процитировав У. Биона: «нужно дерзнуть и дать шанс зародышу собственной мысли. Хотя вы захотите, чтобы ваши мысли соответствовали теориям Вашего аналитика и супервизора, общества или культуры, но важно, чтобы вы позволяли себе думать то, что хочется думать именно вам».

С точки зрения психических функций, вызывающих и поддерживающих психопатологию, важно было услышать о такой категории в эмоциональных отношениях как нежность. Нежность является фундаментом либидиозных переживаний, который дает возможность переживать удовольствие и наслаждаться разными

сторонами жизни. Будь то эстетическое удовольствие от наслаждения красотой природы, архитектуры, человеческими отношениями и многим другим. В то время как отсутствие нежности и эмоциональной теплоты в отношениях с родителями не позволяет сформировать представление о нежности и ее производных (о любви) как о чем-то ценном во внутриспсихическом мире. А это в свою очередь вызывает желание вместо чувства любви заполнить психическое восхищением и гордостью. Восхищение же и гордость требуют обесценить повседневный рутинный образ жизни и все силы бросить на достижения, которые не могут не быть грандиозными.

Спасибо Рональду Доктору за метафоричное и символичное описание психоаналитического процесса. И это может помочь аналитику в процессе работы с пациентом ориентироваться и прогнозировать общие психодинамические моменты. ■

Идентичность спасателя как форма ранней социализации ребенка

Преображенская Екатерина Ивановна

[об авторе](#)

«Свобода есть мгновенное, неопределимое ощущение жизни»

Лев Толстой «Война и мир»

З. Фрейд рассматривал социализацию как динамику взаимодействия Ид, Эго и Супер-эго, с постепенным обретением индивидом власти над собственной биологической природой (обузданием энергии либидо).

Развивая идеи отца, А. Фрейд рассматривала детское развитие как процесс постепенной социализации ребенка, подчиняющийся закону перехода от принципа удовольствия к принципу реальности. Каждая фаза развития — это результат разрешения конфликта между внутренними инстинктивными влечениями и ограничительными требованиями внешнего социального окружения.

Таким образом, процесс развития ребенка сопровождается разворачиванием двух параллельных и взаимосвязанных процессов: социализации и индивидуации. Перед каждым человеком стоит задача, с одной стороны, адаптироваться к требованиям общества, с другой, сохранить

собственную идентичность, свою уникальность, возможность реализации собственного жизненного потенциала.

Успешное разрешение этого конфликта (решение задачи) во многом зависит от благоприятности той первичной среды, в которой оказывается новорожденный. В работах многих авторов Д. Винникотта, Р. Шпица, М. Малера, У. Биона, Г. Салливана, Л. Де Моза, Дж. Боулби, М. Эйнсворта, К. Эльячеффа, Дж. Рейнгольда и других описывается насколько существенным является влияние матери (или лица ее замещающего), ее способность к адекватному выполнению материнских функций на жизнь, развитие и здоровье ребенка, на процесс его социализации и индивидуации, формирование его собственной идентичности (развитию истинной Самости).

Многие из этих авторов отмечали, что именно эти ранние объектные отношения на всю жизнь остаются краеугольным камнем внутренних объектных отношений, определяя характер всех последующих взаимоотношений человека. Таким образом, взаимодействие в диаде мать-ребенок можно рассматривать, как период ранней социализации ребенка, успешность которого будет оказывать влияние на последующие этапы социализации: первичную (социализация при взаимодействии с другими членами семьи), вторичную (социализация при поступлении в различные учреждения, детские сады, школы, группы развития, кружки) и последующие (социализация в учебных, профессиональных коллективах и т.д.).

В свою очередь способность матери к адекватному выполнению материнских функций зависит от многих факторов, основными из которых можно считать качество ее ранних объектных отношений с собственной матерью, историю развития, интегрированность функций Эго и Супер-эго, степень успешности процесса сепарации-индивидуации, бессознательные фантазии матери. Если опыт матери является позитивным, то она способна достаточно хорошо справляться с задачами материнства (обеспечивать холдинг по Д. Винникотту, выполнять альфа-функцию по У. Биону), то есть облегчать ребенку

процесс естественного развития и способствовать реализации заложенного в нем потенциала (способствовать его социализации и индивидуации, формированию собственной идентичности).

Если ранний личный опыт матери является неблагоприятным, а в отношении ребенка и материнства в целом сформированы специфические бессознательные фантазии, это может привести к нарушению развития ребенка. Это нарушение может выражаться в задержке психоэмоционального развития, формировании ложной идентичности, появлении соматических симптомов и так далее.

В процессе психоаналитической работы с детьми я заметила, что у части детей-клиентов наблюдаются: отставание в психоэмоциональном развитии, особо сильная зависимость от матери, соматические симптомы, специфический символический материал (рисунки, игры, поделки, в которых выражаются фантазии о спасении).

Анализ историй жизни и развития родителей этих детей, а также анализ контрпереносных реакций позволили выявить следующие характеристики мам:

1) женщины, не имеющие достаточно благоприятного опыта ранних взаимоотношений со своими родителями;

2) психологически инфантильные женщины, зависимые, имеющие выраженные сепарационные проблемы и нуждающиеся в постоянной поддержке кого-либо, надеваемого родительскими функциями (имеющие склонность к построению симбиотических отношений с другими);

3) женщины, имеющие выраженные нарушения в аффективной сфере, отрицающие свои агрессивные чувства, не способные принять амбивалентность своих чувств, имеющие пониженный эмоциональный фон (склонные к депрессии) и высокий уровень тревоги;

4) женщины, бессознательно воспринимающие беременность, рождение ребенка и необходимость заботиться о нем как акт, не зависящий от их воли, в котором они вынуждены участвовать. При этом стараются быть «идеальными» мамами;

5) женщины, имеющие проблемы полоролевой идентичности, сильную

бессознательную зависть к мужскому полу, проявляющуюся в тенденциях идеализации-обесценивания мужчин, в попытках конкурировать с ними. На роль отца ребенка выбирают инфантильных, слабых или отсутствующих мужчин.

Матери, обладающие указанными качествами, оказываются не готовы принять материнство как новый этап своего развития, принимать и контейнировать проекции своего ребенка и способствовать развитию его потенциала. Компенсаторно они формируют бессознательные фантазии о рождении идеального ребенка, ребенка-спасателя, так как не могут принимать его в другом качестве. Обнаруживаемый бессознательный посыл матери: «Если ребенок не будет таким идеальным, каким я хочу, то лучше пусть его вообще не будет».

Образ идеального, уникального ребенка позволяет матери не допускать прорыва бессознательной ненависти и агрессии в его адрес, сохранять образ хорошей матери и не быть наказанной собственной матерью как за собственную неидеальность, так и за неидеальность своего ребенка. С другой стороны, образ идеального ребенка позволяет матери успешно конкурировать с собственной матерью за звание «лучшая» мать.

После рождения в ребенка проецируется Эго-идеал матери (часть собственной самости, что соответствует параноидно-шизоидной позиции по М. Кляйн), а также фантазии о желанных «хороших» родителях (работа возвратной реакции, описанной Л. Де Мозом). Ребенок должен, с одной стороны, удовлетворять потребности матери в любви и заботе, которые не были удовлетворены ее собственной матерью (стать для нее «хорошей» матерью), а, с другой стороны, защитить ее от притязаний собственной матери (стать «хорошим» отцом).

Таким образом, развитие ребенка оказывается детерминированным фантазиями матери. В силу своей зависимости ребенок вынужден в терминах Д. Винникотта «подчиняться» матери и блокировать свои «творческие» (спонтанные) послания. Тогда ребенок отказывается от своего развития в пользу удовлетворения требований

Образ идеального ... ребенка позволяет матери не допускать прорыва бессознательной ненависти и агрессии в его адрес, сохранять образ хорошей матери и не быть наказанной собственной матерью как за собственную неидеальность, так и за неидеальность своего ребенка.

матери и развития ложной самости — идентичности спасателя.

Характерным является, что на роль отца матери таких детей выбирают инфантильных, слабых или отсутствующих мужчин, которые в должной мере не участвуют в воспитании ребенка, а потому не могут естественным образом включиться в диадду мать-ребенок («разорвать» их симбиоз), нейтрализовать (компенсировать) негативное влияние матери на ребенка, защитить его от ее агрессии. Естественный ход процесса сепарации-индивидуации ребенка нарушается, что влияет на его последующее развитие.

В процессе психоаналитической работы у детей, матери которых обладали описанными выше характеристиками, удалось выявить следующие аспекты поведения и функционирования:

1) отказ ребенка от сепарационных процессов, поддержка симбиотического слияния с матерью. Посыл ребенка матери: я всегда рядом, я не брошу, я не предаю;

2) чрезмерная настроенность ребенка на мать. Посыл ребенка матери: я сразу приду на помощь, даже в ущерб себе;

3) отказ ребенка от проявления агрессии в адрес матери. Посыл ребенка матери: я хороший, я не причиню тебе вреда;

4) стремление ребенка делать все хорошо, быстро и правильно, например, демонстрировать, что он умный и сильный.

Посыл ребенка матери: я идеальный, такой как ты хочешь;

5) повышенная тревожность и пугливость ребенка по отношению к внешнему миру. Посыл ребенка матери: я доверяю только тебе, мне хорошо только с тобой;

6) специфическое пищевое поведение ребенка: ребенок мало и плохо ест. Посыл ребенка матери: мне ничего не нужно;

7) специфические игры: доминирующие образы, сюжеты в играх, рисунках, поделках — горящие дома, аварии, взрывы, войны, в которых ребенок кого-то спасает, защищает;

8) формирование телесного симптома. Посыл ребенка матери: я страдаю, я беспомощен, помоги мне.

На мой взгляд, наличие у ребенка совокупности указанных характеристик можно описать как проявление сформированной идентичности спасателя. Формирование такой идентичности можно рассматривать, как способ поддержки ребенком идеального образа матери, поддержки ее психоэмоционального состояния, не допускающего прорыва ее негативных чувств и эмоций, что обеспечивает выживание ребенка и возможность более безопасного взаимодействия с матерью.

Обнаруживая несовершенство ребенка (отставание в развитии, телесный симптом), фантазия матери об идеальности ребенка начинает разрушаться. Она сталкивается с мучительным переживанием, что ее ребенок не идеален, а значит, она — не идеальная мать. Эти переживания сложно переносимы и вынуждают мать искать пути решения проблемы, одним из которых является обращение за помощью к психоаналитику.

Психоаналитическая работа будет представлена на примере клиента — мальчика, трех лет. Это единственный ребенок у обоих родителей. Семья полная. У родителей первый брак. На момент обращения в терапию клиенту было 9 месяцев. Со слов мамы, беременность и роды протекали без проблем. Проблемы появились после рождения: первый месяц жизни плохо сосал, не мог научиться брать грудь. Вскоре появился атопический дерматит. Его не могли вылечить.

Мама кормила грудью до года. В 2 года ребенка стали водить в садик. Он стал очень часто болеть: ОРВИ, бронхит. До 2,5 лет ребенок говорил только отдельные слова: «мама», «папа», что очень расстраивало маму. Ей хотелось, чтобы сын быстро развивался, был лучше других детей.

Маме клиента 30 лет. Зарабатывает больше супруга. Недовольна этим.

У мамы клиента есть старшая сестра, которая всегда была ориентиром, опорой, примером для подражания. Сестры беспрекословно слушались свою мать (бабушку клиента), которая была прямолинейной, властной, эмоционально холодной, считающей, что она их кормит, поит, одевает, и этого достаточно. Отец мамы клиента бывший военный, выпивал, не имел постоянного заработка, в воспитании дочерей особо не участвовал.

Папе клиента 28 лет. Скромный, тихий, молчаливый, неконфликтный, достаточно инфантильный и неактивный. По словам мамы клиента, делает только то, что попросишь, и то не сразу. Большую часть времени папа клиента проводит на работе, а когда приходит домой, то сидит в телефоне или за компьютером.

На первом этапе терапии работа осуществлялась в диаде мама-ребенок. Частота встреч — 2 раза в неделю. На первых сессиях мама ребенка была очень напряжена и тревожна. В контрпереносе также ощущалась очень сильная тревога. В этот период они опаздывали на сессии. Рассказывая о ребенке, об их жизни, мама говорила осторожно, подбирая слова. С ее слов все было хорошо, только ребенок болеет, плохо спит, чешется по ночам, плачет. Ей было стыдно признаться, что не все идеально.

Ребенок сидел у мамы на руках, он не делал попыток отдалиться от нее. Он часто сосал грудь: до 4–5 раз за сессию. Вскоре я заметила, что он обращается к груди в те моменты, когда мама говорит о том, что ее беспокоит, вызывает напряжение. По моим ощущениям, процесс сосания в данных случаях, не являлся актом удовлетворения потребности ребенка, а служил способом снижения тревоги матери, поддержкой для нее (проявление идентичности спасателя).

Во время кормления, мама обычно продолжала разговаривать со мной. Когда мне приходилось отвечать ей, ребенок резко отрывался от груди и смотрел в мою сторону. Было ощущение, что в этот момент он находится в слиянии с мамой, я для него не существую, и мой голос для него является полной неожиданностью и переживается как вторжение (проявление симбиотической стадии развития по М. Малер). На одной из сессий мама нервно сказала: «Когда он так делает, меня это раздражает». В контрпереносе я ощущала ее злость на то, что ребенок как-то «неправильно ест». В тот момент я сказала, обращаясь к мальчику: «Это твоя титя, я ее не беру. Ешь спокойно». Больше он не поворачивался ко мне, доел и уснул. Мама расслабилась, откинулась на спинку дивана. Всю оставшуюся сессию мама молчала, а ребенок спал. В контрпереносе я ощущала спокойствие, доверие к ситуации, переживание, что все будет хорошо.

На большинстве следующих сессий ребенок спал, мама рассказывала о себе, своих проблемах. Она анализировала себя, свои мысли, действия, поступки, что правильно или неправильно она сделала. Испытывала чувство вины за свои мысли и поступки. Она жаловалась, что ее мама (бабушка клиента) все время ей указывает, как воспитывать сына, но ничего не могла ответить ей (выставить границы). Она жаловалась на супруга, что он не соответствует ее ожиданиям, мало зарабатывает, не помогает с ребенком в должной степени, не понимает ее. Когда она об этом рассказывала, на глазах наворачивались слезы. Она стала мне доверять и позволила прикоснуться к тревожащим ее темам, рассказывала более свободно. Когда я обращала ее внимание на ее агрессивные чувства в адрес матери, ребенка или мужа, она говорила: «Это же моя мама (мой сын, мой муж), как я могу на нее (на него) злиться».

В контрпереносе я часто испытывала страх сказать или сделать что-то не то. У меня было желание снизить ее тревогу (согласующийся с ребенком контрперенос).

Для мамы время на сессиях стало проходить незаметно. Они перестали

опаздывать на сессии. Дерматит у ребенка стал проходить.

Можно сказать, что в этот период мама ребенка формировала со мной удовлетворяющие ее диадные (симбиотические) отношения, ребенок в этот момент был исключен (он спал, его как бы не было для нас). В контрпереносе я также была увлечена проблемами мамы и забывала про ребенка. После того, как на супервизии удалось отразить этот контрперенос, в терапии получилось сместить фокус внимания на ребенка. На сессии стало получаться удерживать одновременный контакт и с ребенком, и с его мамой.

Постепенно ребенок стал сходить с маминых рук, сначала стал ползать по дивану, затем спускаться с него, интересоваться игрушками. Поначалу это повышало тревогу мамы, и она перемещалась за ним на пол, контролируя его деятельность. На одной из сессий я сказала: «Вы можете не беспокоиться, я слежу за ним, меня хватит и на него, и на вас. Здесь каждый может заниматься своими делами: вы своими, он своими». Мама вернулась на диван, впервые легла на него и расслабилась.

В последующем она иногда возвращалась к такому контролю. Но это происходило в основном, когда что-то случалось: ребенок падал, ударялся или проливал воду, с которой играл. Позже я заметила, что такие «сбои» в деятельности ребенка происходят в те моменты, когда мама плачет, рассказывая о своих тяжелых переживаниях, или затрагиваются тревожащие ее темы. Таким образом, ребенок бессознательно продолжал спасать маму, переключая ее внимание на себя.

Ощущалось, что отделение ребенка от мамы, вызывало у нее тревогу и обиду. Она часто хотела тормозить и тискать его, когда он чем-то был увлечен, отвлекался от нее. Часто она пыталась навязать свою игру сыну.

На этом этапе терапии папа клиента приходил на совместные сессии только три раза. Было видно, что папа хотел бы включиться в воспитание и общение с сыном, но не знает, как это сделать. Было ощущение, что он не умеет, боится как-то более близко взаимодействовать с сыном,

сделать что-то не так и вызвать неодобрение супруги.

Представляется также важным отметить отношение родителей в этот период к объектам, символизирующим агрессию, насилие. Они считали, что не нужно приучать ребенка к насилию. Поэтому папа выбросил все игрушки, связанные с насилием: пистолеты, танки и другие. Мама клиента выбросила книжки со «злыми» сказками.

Любимыми игрушками ребенка на сессиях были машинки, особенно экскаватор и кран, которыми он все время что-то расчищал, разгребал, вытягивал. Часто он устраивал аварии из машинок, а потом, спасая, сгребал их экскаватором или вытягивал краном.

Постепенно на сессиях ребенок стал обращаться с просьбами что-то достать, подать, не только к маме, но и ко мне. У меня было ощущение, что я приобрела для него какую-то значимость.

Второй этап терапии стал переходным от терапии с диадой мама-ребенок к индивидуальной терапии с ребенком.

Через год работы в кабинете стала нарастать конкуренция мамы и ребенка за мое внимание. Появилось ощущение, что места в кабинете и терапии для них двоих уже маловато. Ощущалась потребность ребенка в отделении от матери. Я предложила перейти на индивидуальную работу с ребенком. Маме я порекомендовала обратиться за личной терапией к другому аналитику.

Атмосфера в кабинете стала напряженной, тревожной. Ребенок не мог, как раньше, спокойно играть. Он чаще прерывал свою деятельность и подбегал к маме с игрушками, книжкой, пытался ее отвлечь. Ощущалась растерянность и обида мамы на меня и на ребенка. В согласующемся с ребенком контрпереносе я чувствовала себя предательницей, которая бросает и заставляет страдать невинного человека.

Первая индивидуальная сессия с ребенком была неудачной. Когда мама ушла, ребенок разрыдался и почти не реагировал на меня. Мама в это время сидела за дверью кабинета. Тревога была настолько высокой, что мне не удалось с ней справиться. Через 10 минут пришлось позвать маму.

При поддержке супервизора через несколько совместных сессий с мамой мы решились на вторую попытку. Только на этот раз мы договорились, что мама клиента не будет сидеть за дверью, а пойдет прогуляться по своим делам.

Начало сессии повторилось. Ребенок согласился остаться. Но когда мама ушла, он начал плакать и звать ее. Я ощутила скачок тревоги. Он стоял у двери, стучал по ней, тянулся к ручке, пытался открыть. Подходил ко мне, брал за руку, подводил к двери, чтобы я открыла ее. Я ему говорила, что мама ушла по своим делам, а он может заниматься своими, пока ее нет. Что она вернется за ним, когда время закончится. Показывала время, когда она вернется. Он переставал на секунду плакать, кивал, а потом снова начинал плакать. Я сказала: «Если хочешь, можешь плакать и показывать, как ты страдаешь без мамы. А если хочешь, можешь заняться чем-нибудь интересным, поиграть».

Я доставала разные игрушки, показывала ему, звала играть. Он отворачивался от двери, переставал плакать, делал несколько шагов в мою сторону, но, не доходя до меня, разворачивался, возвращался к двери и снова начинал рыдать. Я была в отчаянии, села на пол среди игрушек. Машинально собрала паровозик из вагончиков и стала катать его по кругу (монотонное движение). Сначала мыслей не было. Потом только одна мысль: дожить до конца сессии, до прихода мамы. Это позволило снизить тревогу.

Когда сессия заканчивалась, я сказала ему: «Смотри, время закончилось, скоро мама придет (показала на часы). Давай соберем игрушки?» Он успокоился и пошел помогать собирать игрушки. Когда мама пришла, он ее радостно встретил. У нее было хорошее настроение, от нее очень вкусно пахло новыми духами (она гуляла по магазинам). Было ощущение, что она обрела какое-то новое качество. Они обнялись.

На мой взгляд, моя способность справиться с тревогой позволила ребенку пережить сильные аффекты, связанные с уходом мамы, и обнаружить во мне фигуру, на которую можно опираться. На следующей сессии ребенок попытался

расплакаться, но через минуту успокоился и пошел играть. Еще через пару сессий он махал рукой маме и подталкивал ее к двери.

В свою очередь моя неудача при первой попытке перейти на индивидуальную терапию с ребенком позволила маме увидеть во мне обычного неидеального человека, который тоже боится, ошибается, но при этом не чувствует себя ничтожным и способен пробовать делать что-то снова, несмотря на неудачи. Это способствовало интроекции образа аналитика и откazu от фантазии о необходимости быть идеальной.

Третий этап терапии — индивидуальная работа с ребенком в сочетании с регулярными совместными встречами (ребенок и мама). Частота встреч — 1 раз в неделю.

После начала индивидуальной терапии ребенок стал быстро осваивать пространство кабинета, забираться в места, в которые раньше не заглядывал, доставать и осваивать новые игрушки. Он начал осваивать рисование, лепку.

Через месяц после начала индивидуальной терапии мама клиента решила отдать его в детский сад. Ребенок стал чаще болеть ОРВИ. По этой причине появились пропуски сессий. Мама их отменяла, ссылаясь, что муж запрещает водить больного ребенка. Через какое-то время между супругами произошел конфликт (не связанный с терапией ребенка). Они разъехались. Мама клиента стала думать о разводе. В это время у ребенка резко обострился дерматит.

Мама клиента стала замечать, что она злится на сына, когда он не слушается или делает что-то не так, как ей нужно. Например, дома ее бесило, когда он, засыпая, ворочался и чесал свои болячки. В кабинете злило, что он долго одевался. Мог стукнуть маму (также он и в меня мог запустить игрушкой). Чувствовалось, как это злит маму клиента, и она с трудом сдерживается.

На мой взгляд, мама клиента сильно переживала отделение ребенка и перевод его на индивидуальную терапию. Воспринимала эти события как бросание,

переживала обиду и злилась на меня, сына, ситуацию в целом. Защищаясь от этих переживаний, она сама попыталась «бросить» ребенка (отдав его в садик) и мужа (уехала от него с сыном). Также она пыталась разрушить терапию сына (пропуски сессий, изменение частоты сессий с 2 раз на 1 раз в неделю), при этом возлагала ответственность за это на мужа.

Обострением же своей болезни ребенок, на мой взгляд, бессознательно пытался, с одной стороны, поддерживать маму, переключить ее внимание на себя, с другой стороны, пытался спасти отношения родителей. У ребенка была сформирована фантазия: когда я болел, родители были вместе, у них было все хорошо; я выздоровел, отношения родителей разрушились; если я буду болеть, родители снова будут вместе (проявление идентичности спасателя). На сессиях я говорила ему: «Ты маленький мальчик, если хочешь, ты можешь болеть, но это не спасет отношения твоих родителей. Твои мама и папа взрослые, и они сами решат жить им вместе или нет. Они справятся со своими проблемами. Но, что бы у них не происходило, ты имеешь право расти и развиваться по-своему».

К моему удивлению, ребенок начал быстро развиваться. Раньше, играя, он показывал что-либо и молча просил назвать ему то, что он показывает. Потом он стал сам называть эти предметы. Теперь же он стал обозначать их цвета, формы, определять больше или меньше, делить их на группы. Все чаще стал меня вовлекать в свою игру. Его игра стала усложняться: он стал строить из конструктора домики, мосты, краны и т. д. Стал собирать железную дорогу и поезд из вагончиков, катать их по дороге. Потом стал комментировать игру, придумывать сюжеты. За время терапии он очень хорошо научился играть. Стал более самостоятельным. На предлагаемую помощь стал отвечать: «Нет, я сам».

В последующем на сессиях он часто стал приносить мне разные игрушки. Например, принес мне человечка. Я: «Что мне с ним делать?» Он: «Играй». Я: «Как мне играть?» Он: «Вот так» (показал, как у человечка открывается-закрывается голова, потом покрутил голову). Потом то же самое

Анализ представленного случая показывает, что мама клиента не имела достаточно благоприятного опыта ранних взаимоотношений со своими родителями.

с другой игрушкой. Я: «Ты учишь меня играть?» Клиент: «Да! Играй!» (смеется). Ему явно нравился этот процесс. Я: «А мама с папой с тобой играют?» Клиент: «Нет». Я: «Они умеют играть?» Он: «Нет». Я: «Ты хочешь научить их играть?» Он: «Да!».

На одной из совместных сессий мама клиента сказала: «Посмотрите, как хорошо он играет». Она сказала, что сама никогда не умела так увлеченно играть. А сейчас сын зовет ее, они играют и им интересно. Также они зовут играть папу, но он не идет. А если и идет, то через пять минут уже опять сидит в телефоне.

Нужно отметить, что мама клиента, спустя несколько месяцев после начала индивидуальной терапии с ребенком, обратилась к другому аналитику за личной терапией. На мой взгляд, это помогло ей в проживании чувств, связанных с сепарацией ребенка, и в укреплении собственной идентичности.

Мама клиента стала более терпима к проявлениям сына и мужа, которые ее злили или она считала недостатками. Она стала осознавать, что может злиться на них и даже ненавидеть, но при этом она не перестает их любить. Испытываемые агрессивные чувства, перестали быть поводом для обид и разрыва отношений с близкими. Ей стало удаваться выражать свои чувства и договариваться с сыном и мужем. В отношениях стали проявляться нежность, забота. Она передумала разводиться с супругом и смогла взять ответственность за это решение на себя. Также ей стало удаваться выстраивать границы в отношениях со своей матерью, снизить степень ее вмешательства в свои отношения с сыном и мужем.

Мама стала спокойно оставлять ребенка в кабинете аналитика. Уходила по делам, гуляла или сидела в коридоре, занимаясь своими делами. Возвращаясь за сыном, была в хорошем настроении.

На этом этапе папа клиента впервые попросил провести совместную сессию и пришел на нее, чтобы обсудить потребность ребенка в общении с ним. При этом мама клиента не пришла. Она смогла позволить им попытаться выстроить собственные отношения, не вмешиваясь и не контролируя этот процесс.

Отдельного внимания требует мотивация мамы к рождению ребенка. В процессе терапии мы несколько раз обращались к этой теме, каждый раз история менялась.

На первых сессиях она сказала по этому поводу: «папа (ее супруг) захотел ребенка, и я забеременела, папа хотел мальчика и получился мальчик». На вопрос: «Хотела ли она ребенка и кого хотела?» она ровным тоном ответила: «Ну да, хотела, без разницы кого».

Спустя год мама клиента рассказала, что у нее были проблемы со здоровьем и врачи ей предложили два варианта развития событий: 1) она проходит лечение, и ей нельзя будет рожать несколько лет; 2) она рождает ребенка и, возможно, это способствует преодолению заболевания. Она рассказала об этом мужу и предложила ему сделать выбор: купить или не покупать ей медикаменты для лечения. Он сказал, что покупать их не будет, будут рожать.

Еще через полгода мама клиента расплакалась и сказала, что на самом деле она сейчас понимает, что не хотела рожать ребенка. У нее есть ощущение, что как будто ее заставили это сделать, но она не была к этому готова. Она ожидала, что после рождения ребенка она будет очень счастлива, будет все прекрасно, как на фото в соцсетях, а на самом деле все по-другому: ребенок болеет, не спит по ночам, муж не хочет помогать, сидеть с ним.

Анализ представленного случая показывает, что мама клиента не имела достаточно благоприятного опыта ранних взаимоотношений со своими родителями. Об этом свидетельствовал эмоциональный фон и чувства, которые вызывали у нее

воспоминания о своем детстве, семье (горечь, обида, переживания неприязни).

На момент обращения структура эго мамы клиента не обладала достаточным уровнем интеграции, чтобы занимать взрослую позицию, соответствующую ее физиологическому возрасту. В эмоциональном плане она была достаточно инфантильной, зависимой, нуждающейся в поддержке. Имела выраженные сепарационные проблемы, тенденцию к формированию симбиотических отношений. Любой разрыв отношений переживала как бросание, предательство. Испытывала сильные враждебные и агрессивные чувства, которые отрицала, не способна была принять. Взрослое переживание амбивалентных чувств к объектам было недоступно. Для мамы клиента был характерен пониженный эмоциональный фон и высокий уровень тревоги. Она имела тенденцию перекладывать ответственность на других.

В силу этого мама клиента не смогла сформировать собственный положительный образ матери, была не способна радоваться и получать удовольствие от материнства. Она не могла признаться себе, что не хочет ребенка. Бессознательно переживала, что ее заставили рожать. Бессознательно само существование ребенка вызывало у нее тревогу и враждебность. Защищаясь от этого, она фантазировала о рождении идеального ребенка, который принесет ей безмерное счастье и радость, облегчит ее жизнь, придаст ей смысл.

Рождение ребенка не принесло ожидаемого счастья, мама была разочарована. Но признаться в этом себе было невыносимо. Она была вынуждена поддерживать видимость счастья и социального благополучия, стараясь быть идеальной мамой.

В отношении ребенка был сформирован следующий бессознательный посыл: ты мне нужен только в том случае, если будешь «идеальным» для меня, будешь радовать меня, делать мне хорошо, иначе ты мне не нужен. В ребенка был спроецирован эго-идеал матери, а также фантазии о желанных «хороших» родителях. Клиент должен был, с одной стороны, удовлетворять потребности матери в любви и заботе, которые не были удовлетворены ее

собственной матерью (стать для нее «хорошей» матерью), а, с другой стороны, защитить ее от притязаний собственной матери (стать «хорошим» отцом).

Ребенок был вынужден подстраиваться под мать, «подчиняться» ее бессознательным требованиям, тем самым блокировать свое развитие и формировать ложную самость — идентичность спасателя. Это позволяло сохранить стабильное психоэмоциональное состояние матери (спасти ее) и не допустить прорыва ее агрессии в свой адрес (спасти себя), так как отец ребенка не был способен ни поддержать его мать, ни защитить ребенка от ее влияния.

Проявление идентичности спасателя выражалось у ребенка в чрезмерной настроенности на мать. На совместных сессиях он мгновенно откликнулся на малейшие изменения ее настроения, повышение тревоги, отказываясь от своих потребностей, деятельности (например, сосанием груди, хотя не был голоден).

В начале терапии ребенок отказывался от сепарационных процессов, от проявления агрессии, поддерживал симбиотическое слияние с матерью, так как любое отделение ребенка, возможность положительного контакта с другим лицом переживалось мамой как бросание и вызывало тревогу и обиду.

Ребенок стремился делать все хорошо, быстро и правильно. Демонстрировал маме, что он умный, послушный, сильный, что также радовало маму и способствовало снятию ее тревоги.

Для клиента было характерно специфическое пищевое поведение: он мало ел, предпочитал в основном сладкую пищу, у него были проблемы с кормлением в первый месяц жизни. Также у него были специфические игры: любимые игрушки: краны, бульдозеры, скорая помощь, пожарная машина, которые кому-то помогают, вытягивают, едут спасать.

Психическое перенапряжение от исполнения спасающей роли получило разрядку через телесный симптом — дерматит. Кроме того, функционирование ребенка в ложной идентичности привело к задержке развития: до 2,5 лет он не говорил.

На первом этапе терапии между мной

и мамой клиента сложились достаточно доверительные отношения (рабочий альянс), позволяющие обсуждать различные чувства, а также без опасения оставлять ребенка в кабинете.

Наблюдая за ребенком в процессе работы, я, как аналитик, видела в нем не идеального ребенка (не спасателя), а обычного ребенка со своими потребностями, желаниями. Я принимала его право расти и развиваться в своем режиме и не отказываться от собственного развития в угоду другому человеку. Я поясняла ребенку, что его мама — взрослый человек и сама справится со своими проблемами и трудностями. Даже, когда ей плохо, он имеет право развиваться и заниматься своими делами, иметь свои интересы.

В процессе работы клиент обнаружил, что есть другой человек — аналитик, который видит в нем обычного (не идеального) ребенка и не пугается этого (не испытывает тревоги), что аналитик не нуждается в нем как в функции, а просто радуется тому, что он есть, и нет необходимости реализовывать роль спасателя. Это вводило ребенка в состояние растерянности (ступора), благодаря чему он получал контакт со своим потенциалом, со своими истинными потребностями, чувствами, желаниями, которые начинал проецировать на аналитика.

Я была способна принимать проецируемые ребенком содержания, в том числе сильные агрессивные чувства. А также переживать «нападки» клиента (например, бросание в меня игрушек) без желания отомстить, наказать. Это позволило мне стать для клиента достаточно надежным объектом, на который можно опираться, который можно использовать для своего развития. Это в свою очередь помогло клиенту начать формировать со мной отношения «творческого» взаимодействия, позволяющие проявлять спонтанность, играть, развиваться по-своему, а не так, как было ранее предписано матерью. Запустились процессы сепарации-индивидуации.

Отношения привязанности между мной и ребенком вызывали у мамы ревность и зависть, а возрастающая автономия ребенка, изменение его идентичности (постепенный

отказ от роли спасающего) — материнскую злость и агрессию, так как ребенок становился другим, более самостоятельным, непослушным, неподходящим, начинал проявлять агрессию по отношению к матери.

Кроме того, в процессе работы у мамы клиента актуализировались переживания чувства вины в связи с тем, что она оказалась «недостаточно хорошей» мамой, не сумевшей обеспечить собственному ребенку «нормальное» развитие, а также чувство стыда за собственную беспомощность и агрессию. Мама клиента чувствовала себя виноватой в появлении у ребенка симптома — дерматита. Она расстраивалась и стыдилась того, что он долго не говорил. Злилась, когда другие дети демонстрировали умение говорить (смещение агрессии). Всячески пыталась продемонстрировать родителям этих детей, что ее ребенок — лучший в чем-то другом.

Благодаря сформированному рабочему альянсу оказалось возможным не только обозначить маме испытываемые ею чувства, но и помочь ей с ними справиться, осознав, что для любого человека является нормальным испытывать разные чувства. Возрастающая в процессе терапии способность справляться со своими чувствами, вербализовать и переживать их без отыгрывания, увеличила способность мамы контейнировать чувства своего ребенка, откликаться на его потребности в развитии. Мама стала лучше понимать и удовлетворять потребности своего ребенка, благодаря чему возросло ее ощущение родительской компетентности.

В процессе работы эго мамы становилось более интегрированным. Мама клиента смогла интроецировать образ женщины-аналитика, находящейся в контакте со своей феминностью, имеющей положительный образ материнства. Это способствовало отказу от бессознательной фантазии о необходимости быть идеальной матерью идеального ребенка, принятию собственного материнства и развитию любви и нежности к своему ребенку. Она начала переживать себя как «достаточно хорошую» мать, материнство как значимую часть своей жизни, новое ее качество, которое приносит удовольствие и обогащает жизнь,

а своего ребенка как отдельного маленького человека, нуждающегося в ее заботе и поддержке.

Мама перестала быть для ребенка слабым объектом, который нужно спасать, а стала более надежным объектом, на который можно опираться и использовать для своего развития. Таким образом, ребенок стал способен вовлекать маму в процесс творческого взаимодействия, а она в свою очередь, стала способна вовлекаться в него, общаться и играть с ребенком, получая от этого удовольствие. При этом мама уже не навязывала свою игру сыну, а могла следовать за его фантазиями, играть по его правилам. Было видно, что это им интересно и доставляет удовольствие обоим.

В процессе работы у мамы клиента наблюдалось значительное развитие способности выдерживать триадные отношения. Это позволило ей существенно изменить отношение к отцу ребенка и позволить ему включаться в воспитание сына на качественно ином уровне: занимать отцовскую позицию, становиться опорной фигурой, которую также можно использовать для своего развития.

Психоаналитическая работа позволила ребенку отказаться от выполнения спасательной роли (от идентичности спасателя) и направить потенциал на собственное развитие, что позволило ему в терминах Р. Шпица выйти на свою «естественную линию развития».

В терапии клиент смог начать процесс сепарации-индивидуации, центр его интересов естественным образом сместился с матери на него самого. Ребенок стал позволять себе проявлять в отношении матери различные чувства, в том числе агрессию, что ранее было запрещено. Стал более уверенным в себе, менее тревожным и пугливым. У него изменились пищевые привычки, он стал хорошо питаться, есть соответствующую возрасту пищу.

Его игра стала более живой, спонтанной, интересной. Изменились образы и сюжеты в играх. Аварий, взрывов, в которых он спасал кого-то, стало меньше. Стали преобладать житейские сюжеты, сюжеты из мультфильмов. В садике у него появились друзья.

Проявления дерматита на коже ребенка практически прошли. Он стал меньше болеть простудными заболеваниями.

На мой взгляд, обнаружение описанного феномена при работе с детьми позволяет аналитику занять наблюдающую позицию и способствует успешности терапевтического процесса. Принимающая позиция аналитика, не заинтересованного (не нуждающегося) в спасающей роли клиента-ребенка, способного контейнировать проецируемые ребенком содержания, позволяет клиенту отказаться от спасающей роли, вступить с аналитиком в отношения «творческого» взаимодействия, научиться опираться на фигуру аналитика и использовать его для своего развития. А в последующем перенести полученный в терапии опыт взаимодействия с аналитиком на отношения с собственными родителями. В результате в терапии можно наблюдать заметные изменения в развитии и поведении как детей, так и их родителей.

Подводя итоги, можно сказать, что в настоящее время существует достаточно большое количество инфантильных родителей со слабым Эго, которые способствуют формированию у ребенка идентичности спасателя. Исследования детей в России показывают, что доля детей в возрасте от 1 до 4 лет, имеющих компульсивное (вынужденное) заботливое и послушное поведение по отношению к родителю, которое является характерным для детей с идентичностью спасателя, составляет 22–25 %.

Целью аналитической терапии с такими детьми является обнаружение сформированной идентичности спасателя, поддержка потенциала ребенка для восстановления хода его нормального развития и формирования собственной уникальной идентичности (смещение вектора в развитии ребенка от чрезмерной социализации к индивидуации). ■

При живом отце — безотцовщина. Как это бывает

Гунар Татьяна
Юрьевна

[об авторе](#)

Километры бумаги исписаны по поводу матерей психосоматических пациентов, по поводу дефектов материнской функции. Об отцах написано немного: отец отсутствующий, мерцающий, слабый. И вот мы работаем с пациентом, восполняем, ремонтируем материнскую функцию, начинается прекрасная динамика, пациент делает попытку социализации — и следует обвал. Мы начинаем думать о негативной терапевтической реакции, но откат может быть связан со слабостью отцовского объекта. Пациенту не на кого опереться в огромном мире, он чувствует себя одиноким и уязвимым, откатывается обратно к матери. Ему как будто не за что зацепиться. Как будто ребенок взбирается на ледяную горку, мы сколько можем, подталкиваем его вверх под попу, но, не найдя за что зацепиться наверху, малыш срывается и скатывается вниз.

И сегодня я хочу поговорить именно об отцах психосоматических пациентов, точнее, об их внутриспсихическом отсутствии. Именно внутриспсихическом, поскольку физически отсутствующий в доме мужчина вполне может быть хорошим отцом, а реально живущий — плохим, отсутствующим, мерцающим.

Мать и отец играют в жизни ребенка разные роли, у них в воспитании разные функции. Так же, как и в обществе, мужчины и женщины осуществляют разные процессы, или одни и те же выполняют по-разному, несмотря на эмансипацию, смещение гендерных ролей и прочие цивилизационные процессы. Да простят меня борцы за равноправие мужчин и женщин, пол — это все-таки судьба. Традиционно женское — эмоциональное, вбирающее, трансформирующее, рождающее, заботящееся. Типично мужское — властное, внедряющееся, структурирующее, дающее опору, осуществляющее внешнюю защиту.

У взрослого человека психика включает мужское и женское, вне зависимости от пола. Ребенок растет рядом с мамой и папой, формируя материнский и отцовский внутренние объекты. Реализуя, в зависимости от обстоятельств, свое мужское или женское начало, мы как бы задействуем своих внутренних родителей. В первые месяцы жизни у ребенка есть только мать, именно от нее ребенок узнает: какой он? Что он чувствует? То есть, ощущения себя в мире ребенок вырабатывает с помощью матери, а проводит границу между миром и собой, узнает законы этого мира он с помощью отца.

И в сложных жизненных ситуациях, когда война, кризис, эпидемия, нам особенно нужен мужчина. Опора, защитник, проводник в пространстве неопределенности — Отец. Именно дефицит отцовского объекта делает выживание в реалиях сегодняшнего дня особенно мучительным. Когда нужна опора, когда нужна настоящая толерантность к неопределенности.

Итак, зачем ребенку нужен отец? Какие его главные функции?

Отец отделяет ребенка от матери, снижает напряжение его полной и страшной зависимости от нее, «разбавляет» ее безграничную власть над беспомощным малышом, одновременно создавая ребенку защиту, вводя в его мир свод норм и правил, соблюдение которых дает возможность выжить.

Отец одним своим существованием учит ребенка состоять в отношениях из трех человек, в отношениях, где между

их участниками есть дистанция, есть различия, где поведение неоднозначно, а эмоции теряют тотальность. Трое — это уже группа, и вхождение в триаду становится репетицией вхождения в социум.

Отец является для ребенка зеркалом, санкционирует выбор своей идентичности, как бы разрешает стать собой. Именно от отца дети узнают, как устроен мир, в который они пришли. И как мир воспринимает их самих, их самобытность, уникальность, их особенности.

Таким образом, присутствие отца обеспечивает возможность прохождения ребенком стадии сепарации-индивидуации. На этой стадии, в возрасте полутора-двух лет, нужно решить две задачи: почувствовать себя отдельным от матери существом и ощутить собственную индивидуальность, обрести чувство «Я» или Самости. Эти задачи неразрывно связаны, решение одной без решения другой невозможно. И отсутствие отца или его слабость, неспособность выполнить свою отцовскую работу обрушивает решение их обеих.

В отношениях с мужем, в его любви мать черпает силы на отношения с ребенком. Растить, выдерживать маленькое существо, которое еще не умеет говорить, помогать ему справляться с собой и своими потребностями бесконечно тяжело. И без мужчины, без его тепла и силы, без ресурса сексуальных отношений женщина не справляется с переживаниями младенца, становится отстраненной или враждебной. И это еще больше осложняет обретение ребенком собственной индивидуальности, ведь он чувствует себя нелюбимым, непринятым.

Что такое отсутствующий отец? В первую очередь, это мужчина, исчезнувший из жизни женщины еще до рождения ребенка или сразу вскоре, и не принимающий участия в его жизни.

Не обязательно, что его реально нет.

Для начала, у матери и ребенка должны сформироваться отношения, в которых присутствие отца вообще возможно.

Женщина должна психологически «родить». На одном из недавних семинаров, рассказывая о формировании Я, Рене Руссийон говорил о ситуации, когда женщина

Доклад Татьяны Юрьевны Гунар

не может психологически родить ребенка. Если она рождает и по какой-то причине не может провести время вместе с ребенком, например, сразу выходит на работу, или погружается в какую-либо другую ситуацию, то у нее нет возможности привыкнуть, адаптироваться к появлению новорожденного, осознать его существование. И он остается для нее нерожденным.

Мать должна быть такой, от которой можно отлипнуть. Выйти из симбиоза. В своей теории Давид Либерман говорит о первой психосоматической фиксации, которая приходится на возраст формирования симбиоза. Эта фиксация возникает в отношениях с матерью-рикошетом, которая не может контейнировать переживания другого человека, в первую очередь, ребенка, у нее отсутствует внутреннее пространство. С такой матерью невозможно сформировать симбиоз и, соответственно, невозможно из него выйти. Ребенок остается постоянно бьющимся в закрытую дверь.

В отношениях с матерью-бомбой ребенок оказывается перед лицом необходи-

мости самому контейнировать свою мать, которая пытается эвакуировать в него свои собственные тревоги. Это содержимое столь разрушительно для ребенка (бомба), что он вынужден спасаться от матери за счет образования нарциссического ядра или идентификации с агрессором, «прилипая к спине матери», чтобы она его не «увидела». Истинного симбиоза, естественно, не получится сформировать, потому что для малыша он убийственен.

Я думаю, трудно усомниться в том, что в таком положении оказываются женщины, которые эмоционально бедны и очень одиноки. Их мужчина не становится для них реальным объектом. Это муж-фейк, муж-голограмма. Мужчина, который не может построить отношения со своей семьей.

На самом начальном этапе, в первые месяцы, в симбиозе, отец существует для ребенка только как идея в голове матери. Реальный отец, даже если он принимает участие в уходе за малышом, воспринимается как «недомать». Именно идея

матери об отце ребенка и закладывается в основу формирования отцовского объекта, делает появление отца в жизни ребенка возможным.

Бывает, когда жена не воспринимает мужа в роли отца своих детей.

Например, у нее самой не было отца, или он был слаб, и она строит свою семью по сценарию родительской. Ее мать заменяла ей отца, и она сама стремится стать отцом своим детям, «выдавливая» мужа из этой роли. Или еще жестче, если ее отец умер, она бессознательно умерщвляет отцовскую ипостась своего мужа.

К такому же символическому «отцеубийству» женщину может привести застревание в эдипальной ревности или архаичной зависти к своему отцу.

И муж осознанно или бессознательно устраняется из своего отцовства ради сохранения отношений с любимой женщиной или из страха перед ней.

Отсутствующим отцом может быть мужчина, который живет в семье, но родителем быть не может, не умеет. Не хочет.

Почему так происходит?

Отец работает, его нет в семье. Отец-нарцисс. Ребенка для него не существует, как не существует других людей, у него серьезное нарушение в сфере объектных отношений.

Часто отсутствующими в семье отцами становятся эмигранты, или люди, осуществляющие резкий переход из одного социального слоя в другой, более высокий — из грязи в князи (бизнесмены перестройки) и т.д. — они напряженно работают на свой новый образ и ребенок должен стать живой реализацией этого образа. «Я работаю, чтобы мой ребенок стал настоящим американцем». Здесь нет реальных отношений отец — ребенок, отношения строятся с идеализированным ребенком.

Отцами не могут быть слабые, инфантильные люди. Если ты сам, по сути, ребенок, родителем у тебя стать не получится. Ты можешь быть своему ребенку другом, братом, но не папой.

Иногда мужчина может, но не хочет быть отцом. Особенно, если ненавидит своего, который когда-то причинял ему боль, которая так и не была оправдана в процессе

взросления. Боль сепарации от матери, боль побоев, критики, отвержения. Был жесток, холоден, непредсказуем. Вызывал ревность, гневную зависть к своей власти.

Эта зависть особенно остра и мучительна, если отец нашего героя сам не был взрослым и вел себя, как дорвавшийся до власти ребенок. И сын сказал себе: «Я никогда не буду таким!». Власть отца представляется ему разрушительной, осуществление ее по отношению к своему ребенку кажется причинением ему вреда. Он пытается вытеснить из себя отца, уничтожая его функции, пытаясь быть своему ребенку кем-то другим — матерью, другом, братом.

Существует еще трансгенерационная передача «антиотцовства», травма Второй мировой войны. Дети войны не могут быть родителями, в их мире взрослые уходят на фронт и умирают. И они становятся своим детям мертвыми родителями, антиродителями, несуществующими отцами.

Так создаются семьи, в которых мужчины есть, а папы нет. Этот феномен деформирует психику детей, мешает им нормально развиваться. Как эта деформация может проявляться во взрослой жизни?

Что делает своему ребенку и со своим ребенком слабым, отсутствующий отец?

Без отца власть матери над ребенком, особенно над младенцем, безраздельна. Ее некому уравновесить, некому урезать. Некому напитать ее любовью, развернуть ее либидо, «разбавить» ее агрессию по отношению к ребенку. Матери негде взять силы на то, чтобы выдерживать малыша, контейнировать его влечение к смерти, столь сильное у новорожденных. Отца нет — и некому отделить ребенка от матери, сепарация невозможна, невозможна индивидуация.

И ребенку приходится самому «отрашивать» защиты от матери, находить собственные способы отделения, псевдо сепарации, которые могут быть нездоровыми и весьма уродливыми.

Это может быть сильнейшая агрессия по отношению к матери, доходящая до ненависти, эпизодической или постоянной. Ненависть одновременно создает дистанцию между тобой и матерью и осуществляет связь с ней, ведь настоящая сепарация

невозможна. Очень хорошо иллюстрирует эту ненависть механизм идентификации с агрессором, о котором я говорила ранее.

Это может быть создание ложной Самости в форме патологической лживости или болезни. Ложное Я дезориентирует мать, создает иллюзию отдельного существования. Мать, по сути, остается средой, весь внешний мир и его требования воспринимаются бессознательно как внутриутробная или ранняя мать.

Винникотт описывал Истинную самость как пузырь, который должен выдержать давление внешней реальности. Если пузырь чувствует себя слабым и уязвимым, он будет выпускать ложные пузыри и подставлять под давление реальности.

Можно отдать матери своего ребенка (внука) и сбежать в псевдо самостоятельность.

Но все это — не настоящее взросление, мы по-прежнему чувствуем себя мячиком в руках матери, ощущаем ее господство над нами. И бунтуем против этого господства, которое видится нам в любых проявлениях любой власти.

Ребенок, у которого нет отца, преисполнен зависти к матери, у которой есть или может быть мужчина. Малыш привязывает ее к себе непрерывным безутешным плачем, а взрослая, постоянным предъявлением неразрешимых проблем. Такое поведение — это, по сути, завистливое разрушение собственного мира матери, свободного пространства, в котором она может обладать тем, что ребенку недоступно.

В отсутствии свободного пространства между матерью и ребенком у них нет возможности направить свою агрессию вовне, и она ощущается каждым как своя злость и своя же боль, разрывает душу и сердце, агрессия, направленная на себя — это суицид, самоповреждение, деструктивное поведение, соматические заболевания.

Отсутствие отца препятствует прохождению ребенком Стадии зеркала. Это понятие, которое ввел французский психоаналитик Жак Лакан. Это понятие означает не только этап развития, но и феномен. Стадия зеркала описывает установление взаимоотношений ребенка с собственным

отраженным образом и формирование Я в динамике этих отношений.

Ребенок начинает узнавать себя в зеркале в том возрасте, когда ему еще сильно недостает моторной координации, проще говоря, тело его слушается очень плохо. И, воспринимая отражение себя как целое, свое тело он чувствует фрагментированным.

По мысли Лакана, этот контраст поначалу ощущается ребенком как соперничество с собственным отражением, стадия зеркала даёт начало агрессивному напряжению между субъектом и образом, между Воображаемым и Реальным. Таким образом, на Стадии Зеркала может либо усугубиться, либо сгладиться напряжение между ментальным Я и телом, возникшее в первой психосоматической фиксации.

Для разрядки этого напряжения также используется механизм идентификации с агрессором, и ребенок начинает идентифицировать себя с образом. И в этой первичной идентификации со своим отражением начинает формироваться Я.

Стадия зеркала имеет также важное символическое измерение. Порядок символического присутствия в фигуре взрослого, несущего ребёнка. В момент, следующий за ликованием признания образа как своего собственного, ребёнок обращается к взрослому — Большому другому, санкционирующему этот образ. И, как холдинг и контейнирование являются функцией Матери, так подтверждение образа ребенка в зеркале — это функция Отца. Он должен санкционировать отражение ребенка в зеркале, помочь сформировать понимание общности и различия между Я и отражением, помочь ощутить отчуждение от себя самого. Это отчуждение должно быть достаточным для формирования наблюдающего Эго (критичности по отношению к себе), но не излишним, когда взгляд со стороны (отражение) начинает ощущаться принадлежащим другому.

Такой баланс будет означать здоровые отношения со своим отражением в зеркале. Когда это отражение означает мгновенный след на стекле своего внешнего облика, след, который подтверждает или опровергает ощущение себя в моменте, помогает соотнести воображаемое и реальное,

подкорректировать их. Открывает возможность либидинозных инвестиций своего тела, проще говоря, любви к своему облику.

Однако взаимоотношения с зеркалом могут быть деструктивными, болезненными, являясь одновременно следствием и признаком различных нарушений нарциссического характера. Это происходит в тех случаях, когда функции Отца и Матери в раннем развитии ребенка не выполняются или выполняются неправильно, неправильно распределяются между родителями. Именно взаимоотношения с зеркалом могут быть диагностическим признаком, позволяющим сделать предположение о нарушении отцовской функции.

Напомню, что задачей матери является сформировать и подтвердить самоощущение ребенка, а функция отца — помочь ему соотносить свое самоощущение с реакцией внешнего мира.

Если материнская функция не выполнена, или выполнена недостаточно, а отец справился; или мать выполнила и отцовскую функцию тоже (подтвердила образ в зеркале) — тогда отражение может стать единственным источником самоощущения, становится «главнее тебя». И тогда самым важным становится то, «что люди скажут». Ты чувствуешь себя так, как о тебе говорят и думают, и жизненно важно, чтобы тебя хвалили, тобой восхищались, тебя боялись. Потому что тогда ты «хороший», «качественный», «сильный». И критика абсолютно невыносима, потому что превращает тебя в ничтожество на уровне собственных ощущений.

Если отчуждения от своего отражения не происходит (образ не санкционирован, отцовская функция не выполнена), тогда в зеркале ТОЖЕ ты. И каждый, кто тебя отражает, особенно если он хочет подражать тебе, как будто отнимает, отщипывает частичку тебя, вызывает жгучую ненависть. Разбирает тебя «на запчасти».

Или, наоборот, с отражением не формируется связи, и ты делишься на форму и содержание, душу и тело. И тогда «никто не знает, каков ты на самом деле» и «никто не может тебя понять». И любое общение с окружающими людьми становится походом в разведку во вражеский лагерь,

а поделиться своими чувствами абсолютно невозможно, ибо для окружающих (зеркала) их просто не существует.

Зеркало может обслуживать расщепление, и тогда оно содержит, соответственно, плохую или хорошую твою часть, становится патологическим лжецом или преследователем.

Чрезмерное отчуждение от своего отражения может быть одним из признаков психосоматического функционирования, когда тело человека вынуждено становиться его истинным зеркалом, единственным источником информации о Я-реальном.

В отсутствии отца-зеркала у ребенка возникают серьезные трудности с формированием собственной идентичности, не возникает чувство собственной индивидуальности. Для того, чтобы все же от чего-то отразиться, может быть сформировано ложное зеркало, например, симптомы, динамика экспансии, разного рода результаты: отметки в дневнике, призовые места на спортивных соревнованиях и т.д. Конечно, развитие и его реперные точки — это необходимая часть жизни любого человека. О ложном зеркале мы можем говорить тогда, когда победа на соревнованиях из достижения спортсмена превращается в его идентичность, когда человек не отличает себя от результатов своей деятельности.

Итак, взросление рядом с отсутствующим отцом крайне затруднительно, практически невозможно. Это может приводить к инфантилизму, человек растет, но никогда не становится взрослым. У него отсутствует представление о взрослении, о том, как это делается, так же, как отсутствует отец. Взросление можно обесценивать, как обесценивала виноград Лиса из басни Крылова. Тогда страдание от собственной дефицитарности сменяется чувством превосходства над окружающими, обычными людьми, живущими обыденной жизнью.

Псевдо взросление в отсутствии отца может достигаться за счет уничтожения, отрицания собственной детской, зависимой части, которая является основой Истинной Самости. Так на свет появляются гиперответственные, отщепленные от собственных чувств люди, не способные

к спонтанности и творчеству. Ошибочно считающие себя взрослыми и прочными.

Дети отсутствующих отцов испытывают громадную ненависть к ним за их отсутствие. За самоустранение, за предательство. Однако эта ненависть скрывается за маской горячей любви и идеализации. Мы фактически придумываем себе «правильного», идеального отца и начинаем его любить. Выдуманный образ нужен не только как защита от дефицитарности, но и отделяет от матери. Ненависть с отца смещается на мать, удваивает агрессию по отношению к ней.

Однако ненависть к реальному отцу никуда не уходит и нуждается в отреагировании. Она смещается на мужчин, на все мужское, отцовское. Женщины часто смещают эту ненависть на мужей и сыновей, мужчины на самих себя, на власть, на общество. Эта ненависть — невидимка порождает самодостаточных фаллических женщин и женоподобных, слабых мужчин.

Каждый из этих конфликтов может соматизироваться. Вытесненный внутриспсихический конфликт часто становится болезнью, особенно в отсутствии сепарации.

Любая социализация требует простроенных границ идентичности, уверенности в существовании и прочности этих границ. Иначе любой выход в социум угрожает деформацией или разрушением.

Но границы идентичности — это не линия, прочерченная в психической реальности. Это те части психики, которые прочно удерживаются притяжением ее ядра. Мы можем представить себе магнит и металлические опилки вокруг него. Какое-то количество опилок притянется к магниту и образует фигуру. Линия периметра этой фигуры будет иллюстрировать границы идентичности, и то, что существование этих границ обеспечено притяжением ядра. Можно провести параллель между психикой и телом. Целостность и прочность нашего организма обеспечена организацией и креплением органов и тканей вокруг скелета, кожа не обеспечивает целостность, она лишь визуализирует ее и обеспечивает внешнюю защиту.

Отцовский объект в психике — это ее скелет. Именно вокруг него организуются

ее части, внутренние объекты, именно он обеспечивает притяжение. Если скелет мягок, слаб, непрочен, мы становимся мешочком с органами, заключенными в кожу, на которую падает чрезмерная нагрузка.

И тогда нам требуется то, что Хорхе Ульник описывает как «вторая кожа», а Либерман называет «экзо».

Это может быть что-то внешнее: дом, автомобиль, определенная, хорошо выученная роль. Ролью может быть как функция, так и заболевание. Болезнь может быть прямой аналогией второй кожи, если она связана с перегрузкой мышечного каркаса позвоночника, со скованностью его отделов, болезни кровеносной системы, кожные болезни. Или символической аналогией, если она нужна для создания определенного образа, связана с выполнением функции.

Поэтому, мы сегодня говорим о необходимости воссоздания отцовского объекта в психоаналитической терапии, о техниках, которые позволяют это сделать.

На каждом этапе развития формы существования отца и его роли разные, как и роли матери. Соответственно, терапия, направленная на реставрацию отцовского объекта тоже разная, разная технически.

На стадии Симбиоза Отец для ребенка присутствует практически только в голове матери. На стадии Сепарации-индивидуации, на подфазе дифференциации младенец осознает существование мира, не связанного с его матерью. В первую очередь, реального отца.

Если отношения с матерью благоприятные и спокойные, реакция на других преимущественно характеризуется любознательностью. Если же отношения неблагоприятные, Другой вызывает выраженную тревогу; ребенок полагается на расщепление, чтобы справиться с противоречивыми чувствами. Здесь очень важно совпадение образа отца в голове у матери и образа реального отца. Если образы резко разнятся, ребенок не может интегрировать отца, не может опереться на него, будет реагировать, как на незнакомца мужского пола, проживая амбивалентность в отношении матери. Это осложнит выход ребенка на фазу практики, которая отмечена

возрастающей способностью ребенка отделяться от матери — сначала он учится ползать, потом ходить. Эти краткие периоды разлуки прерываются частым воссоединением, чтобы «напомнить о себе» и «подрядиться», и такое поведение демонстрирует первые проявления амбивалентности ребенка по отношению к своей развивающейся автономии.

В фазу воссоединения расширяющийся мир ребенка зарождает в нем признание обладания своей идентичностью, отдельной от других. Воссоединение с матерью и потребность в ее одобрении, отражение отцом происходящего с ребенком формируют постепенно углубляющееся понимание того, что мать, отец и все другие — отдельные, реальные люди. Амбивалентность, автономия, идентичность ребенка — все это должно быть отражено отцом, узаконено и санкционировано им. Тогда ребенок спроецирует на социум образ отца, будет чувствовать себя в социальных группах комфортно и в безопасности.

К концу второго года жизни, если предыдущие уровни развития были пройдены успешно, ребенок вступает в фазу установления константности объекта, когда он понимает, что отсутствие матери и отца автоматически не означает их полную пропажу. Стабильность родителей, как объектов, устойчивость их отношений — необходимое условие прохождения этой фазы. Константность объектов сводит сепарационную тревогу до уровня выносимости, спасает от персекуторных тревог. Ребенок идет в детский сад, зная, что в тылу у него надежные, любящие его и друг друга родители. Он верит им и верит в свой дом.

Проблемы сепарации-индивидуации повторяются в подростковом возрасте, когда вопросы идентичности и близости с другими вновь выходят на первый план. Во время фазы воссоединения, как в младенчестве, так и в подростковом периоде, ребенок, скорее, реагирует на Других, и особенно на родителей, чем сам совершает действия по отношению к ним. Только в присутствии отца подросток сможет сформировать здоровую идентичность, сформировать Супер-эго, требования которого одновременно и непреложны, и выносимы.

Итак, восстановление дефицита отцовского объекта требует различных терапевтических техник, в зависимости от того, на каком этапе развития возник дефицит.

На стадии симбиоза восстановление отцовского объекта может осуществляться как восстановление образа отца в голове у матери. Работая в материнском переносе, соблюдая сеттинг и побуждая пациента его соблюдать, понимая его важность, мы предоставляем пациенту мать с идеей отца, символизированного сеттингом. Такой же идеей об отце может являться сама психоаналитическая теория, идея, в соответствии с которой мы работаем, или супервизионная поддержка, которую получает терапевт, работая с пациентом.

На более поздних этапах нужно вводить в терапию реальный отцовский объект, что возможно при хорошо простроенном материнском объекте в психике пациента, в отцовском переносе на терапевта.

Однако, с психосоматическими пациентами, у которых оба родительских объекта слабы и диффузны, а времени не так много (соматическое заболевание зачастую требует экстренных действий) наиболее эффективным является сочетание индивидуальной терапии с групповой. Впервые эту технику для лечения психосоматических пациентов успешно применил Гюнтер Аммон.

В психотерапевтической группе Ведущий выполняет роль отца, группа — матери, члены группы — их дети. В группе одновременно простраиваются оба родительских объекта, актуализируются конфликты раннего детства.

В индивидуальной терапии происходит бережное сопровождение и внимательная проработка процессов, запущенных в группе.

Сочетание индивидуальной терапии с групповой — наиболее эффективная техника работы с тяжелыми психосоматическими пациентами, особенно на более поздних этапах терапии, когда необходимо ввести в терапию реальный отцовский объект, создав тем самым возможность для проработки и трансформации фигуры отсутствующего отца. ■

Психоаналитик в поисках себя, команды, сообщества

**Федоров Ян
Олегович**

[об авторе](#)

В основу доклада легли идеи из недавно вышедшей книги (Федоров Я. О., «На грани современного анализа»). Сначала было желание перенести всё сказанное в докладе в отдельную статью, но потом я решил пойти самым простым путем. Изобретать велосипед занятие неблагодарное, особенно если он уже был изобретён ранее... тобой же. Поэтому я решил напечатать первую главу книги с сокращениями. В ней я размышляю над процессом индивидуации психоаналитика.

ГЛАВА 1. АНАЛИТИК «САМ С СОБОЙ»

Первая грань проходит через самого аналитика: исследуя ее, можно понять, как его внутренний мир, его мировоззрение и даже характер, сама его личность соотносятся с его специальностью психоаналитика. По тому, насколько идеи психоанализа интегрированы в его жизнь, мировоззрение, характер, можно выделить шесть уровней, или ступеней:

- 1) психоанализ как хобби,
- 2) как ремесло,
- 3) как бизнес,
- 4) как искусство,
- 5) как образ жизни,
- 6) как невроз.

Их можно рассматривать и как уровни мастерства, когда мы, как профессионалы, шаг за шагом поднимаемся к вершине психоаналитического Олимпа. Может показаться удивительным, что на вершине восседают не психоаналитические боги, а невроз. Но пусть пока в этом заключается некоторая интрига.

1. Психоанализ как хобби

Наш путь в профессию нередко начинается издали. Родители, увлечения наших кумиров, общественный ажиотаж или модные течения в культуре — все это особенно сильно влияет на нас в период пубертата, когда мы ищем, чем же выделиться среди однообразной толпы сверстников. В это время формируются наши интересы, определяется направление жизненного пути.

Думаю, что в психоанализ каждый приходит через период увлечения им как неким хобби. Поначалу это то, чем люди занимаются в свободное время и для удовольствия, хотя труды Фрейда нельзя назвать легким чтением. Многие из его идей понятны и во многом подтверждаются личным опытом. В отношении некоторых других можно поспорить и не соглашаться, в том числе и потому, что они не очень-то приятны. Но большинство идей не оставляет нас равнодушными, и мы не раз возвращаемся к ним в течение всей жизни. И для этого не обязательно быть психоаналитиком. Например, творческие люди свой интерес к «методу Фрейда» выражают в своих произведениях. Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть, насколько часто за последние сто лет в кино и литературе идут отсылки к мифу об Эдипе, переносу, бессознательному. Это собственный интерес творческого человека к психоанализу на уровне хобби. У него нет цели кому-то помочь. Хотя, без сомнения, художественные произведения обладают и «неспецифическим» терапевтическим воздействием: практически у каждого человека найдется несколько фильмов или книг, к которым он обращается в трудную минуту. Как я полагаю, это «неспецифическое» терапевтическое воздействие связано с желанием разделить тяжелые переживания с неизвестным собеседником.

Это как пересказ сна, где много чувств, которые автору трудно выдержать одному, и ему нужен внешний контейнер, так как собственный уже не справляется с переживаниями. То же самое делает и ребенок, когда просыпается от кошмара и сразу бежит к родителям, чтобы рассказать свой пугающий сон. Сам пересказ, то есть вербализация смутно осознаваемых переживаний, дает значительное облегчение. Когда мы можем назвать конкретными символами (словами) смутные переживания — неизвестность перестает быть таковой, а значит, с ней уже что-то можно делать.

Другой вопрос — когда хобби-психоанализ претендует на «специфическое» терапевтическое воздействие. Например, немало профессионалов из смежных областей (психологи, психиатры, психотерапевты других направлений) считают себя компетентными в психоанализе, при том, что эта компетентность основана только на прочитанном. Эти знания могут использоваться, с одной стороны, для критики не подходящих для их терапевтической парадигмы идей Фрейда. А с другой — «полезные» идеи могут находить свое место в терапевтическом арсенале специалиста. Во втором случае психоанализ работает на пациента и помогает профессионалу не в качестве ведущей парадигмы, а как ограниченный набор инструментов. Сам специалист *не идентифицирует себя как аналитика*, но, иногда сам не осознавая этого, продвигает психоаналитические инструменты в практике. А может быть, использует психоаналитические идеи в своих научных построениях, обогащая профессиональный кругозор и объединяя разные направления психотерапии.

Более щекотливой является ситуация, когда специалист претендует на роль аналитика, изучив только теорию. Пусть он даже при этом прекрасно понимает тонкости сложных психоаналитических построений разных авторов и легко ориентируется в разных психоаналитических направлениях. Возможно, как преподаватель он будет великолепен, но, в моем понимании, его уровень останется уровнем хобби, если он не сделает следующий шаг. Для этого надо *успешно* пройти собственный

анализ и начать практику с ее системным анализом посредством супервизий.

Таким образом, можно говорить о двух подтипах аналитиков — теоретиках и практиках: те, кто генерирует и развивает идеи, и те, кто использует психоанализ в практике для помощи пациентам. Хорошо, когда теоретики не претендуют на роль экспертов по практике, когда они не определяют, какой клинический психоанализ правильный, а какой нет.

Негативная сторона хобби-психоанализа в том, что он дает недостаточно для понимания психической жизни и успешного проведения психотерапии. Не используется важнейший «терапевтический рычаг» — контрперенос, без которого понимание переноса конкретного пациента затруднено. А как тогда справляться с сопротивлением? Контрперенос нередко является ключом к их разрешению. Хобби-аналитик как будто и имеет автомобиль, но ездит только на первой передаче. Пешком может оказаться быстрее! Есть в хобби-психоанализе и позитивная сторона — свобода. Ты мало знаешь — это минус, но и ответственности тоже мало — это может быть плюсом. Хобби — это всегда немножко несерьезно, и это период эксперимента и примерки на себя нового мундира — психоаналитического. Можно строить какие угодно теории, весело обсуждать пациентов с коллегами, нарушать разнообразные границы, потому что «тормоза придумали тусовщики» и т. д. И даже многое может получаться, что называется, «на драйве». И тут кажется: «Вот оно — я придумал, усовершенствовал, развил новую методику психоанализа!» Но на поверку все это оказывается заблуждениями слепого котенка, уверенного в том, что он уже прекрасно изучил окружающий мир. Просто пока этот мир весьма ограничен пространством домика-корзинки, а возможность посмотреть за ее пределы — отсутствует. Ощущение, что «почти всё» понимаешь, объясняется ограниченностью прочитанного, понятого, пережитого, испытанного на себе и реализованного на практике. Профессиональный тренинг решает эти задачи, делая нас ремесленниками в хорошем смысле слова. А когда становишься

им (ремесленником) — появляются другие возможности, но и другие ограничения, такие как ответственность, например.

2. Психоанализ как ремесло или как профессия

Интересен вопрос: когда можно называть себя ремесленником или мастером в психоанализе? Вряд ли тогда, когда начинаешь использовать его для заработка. Такое возможно и на этапе «хобби», который может продлиться всю «профессиональную» карьеру. Я бы определил момент этого перехода так. Во-первых, когда признаешь, что собственный профессиональный тренинг должен иметь системный характер. Во-вторых, когда понимаешь ограниченность своих теоретических знаний и практических умений. В-третьих, когда видишь почти непреодолимую пропасть между опытным коллегой, который уже лет тридцать в профессии, и собой. И, наконец, в-четвертых, и это логически следует из всех предыдущих пунктов, — когда готов вкладывать силы и деньги в собственное профессиональное развитие.

Как-то на лекции Харольд Штерн говорил, что потратил на психоанализ — включая обучение, личную терапию и супервизии — миллионы долларов. Он мог бы купить на них несколько «роллс-ройсов» и поставить их рядком. Впечатляющее было бы зрелище для ценителей дорогих авто! Но то, что он получил в процессе психоаналитического образования, для него представляет большую значимость. Понимание себя и других — более ценная валюта, чем денежные знаки (хотя и они тоже важная часть нашей жизни, в том числе профессиональной). Конечно, затраты моих отечественных коллег и меня самого намного скромнее, но с учетом уровня жизни среднего американца и среднего россиянина — они сопоставимы. То, что все мы постоянно тратимся на образование, нередко вызывало ироничные замечания у коллег, как правило психиатров: «Еще не выучились?» Поводов для иронии (и легкой агрессии) несколько, в том числе бессознательная конкуренция и зависть. Ведь если люди за что-то платят деньгами и временем — они получают взамен что-то

ценное, а я нет. Но чтобы и мне получить это ценное — надо тоже потратиться, чего делать не хочется. Так что собственный внутренний конфликт лучше разрешить путем насмешки, за которой скрыты элемент профессионального превосходства («мы-то уже выучились!») и обесценивание чужих усилий.

Тратить свои деньги на собственный профессиональный тренинг не очень приятно, но в этом есть очевидная целесообразность. Например, более внимательно выбираешь курсы и преподавателей. Когда голосуешь собственным рублем за компетентность и эффективность, то обычно не надо сильно стимулировать себя посещать занятия, читать предложенную литературу. По справедливости говоря, и при довольно дорогих курсах находятся коллеги, которые опаздывают, пропускают, не читают. Но это, скорее, имеет отношение к личным сопротивлениям каждого. С одной стороны, такой слушатель выражает свой протест по отношению к конкретному преподавателю, коллегам, с которым ему «посчастливилось» в этот раз учиться и т. д. Ему проще *отреагировать* таким образом — что-то не сделать, — чем понять собственные затруднения и найти конструктивный компромисс. Хотя, с другой стороны, такой участник остается в системе, разделяет финансовую нагрузку со всеми и в конце концов берет столько, сколько способен взять.

3. Психоанализ как бизнес

Для большинства психологов профессия является главным источником дохода, то есть бизнесом. А значит — погоней за прибылью, и в общем-то ради нее бизнес и создается. Но с другой стороны, психоанализ — это и помогающая специальность, где присутствует идея о бескорыстной помощи нуждающемуся. И ценность психоаналитического исследования должна превалировать над коммерческой целесообразностью. Это этичнее и даже выгоднее в долгосрочной перспективе. Если качественно делать свой «психоаналитический продукт», то «потенциальный покупатель» это обязательно оценит. Если же идея преобладания помогающего над коммерческим

утрачивается, то даже внешне успешные проекты могут стать «колоссом на глиняных ногах». Психоанализ становится декларируемой вывеской, а внутри организации — много конкуренции, подковерной борьбы, поиски козла отпущения и другие деструктивные процессы. Они происходят потому, что психоанализ стал средством удовлетворения нарциссических потребностей лидера (в смысле самолюбования и переоценки своих достижений), в том числе потребности в деньгах.

Нам, психотерапевтам, в бизнесе нередко приходится делать непростой выбор — служить идеям или деньгам. Приведу в пример собственную попытку организовать психотерапевтический центр. С экономической точки зрения проект оказался почти удачным.

С другой стороны, если мы не следим за успешностью своего предприятия, то можно разочароваться не только в профессии, но и в собственных силах. Поэтому важно найти баланс между психоаналитическим и коммерческим. В моей картине мира психоанализ совсем не отрицает больших гонораров, если аналитик эффективен. Как-то на конференции меня спросили, как я определяю эту самую эффективность психотерапевта. Я честно сказал, что по двум критериям: величине его гонорара и длине списка в листе ожидания. Оба критерия отражают то, насколько пациенты заинтересованы именно в этом психотерапевте. Например, у Спотница гонорара был 300 долларов, что в три раза превышало привычные «сто баксов» за сессию в то время. И Штерну пришлось ждать три года, чтобы стать его анализантом. Высокие цены ограничивают практику «популярных» специалистов и создают поток пациентов к начинающим. Все извлекают пользу: кто может — получает высокие гонорары, кто хочет получить работу — получает пациентов, а последние находят подходящих для себя аналитиков.

4. Психоанализ как искусство

Здесь искусство понимается как образное осмысление действительности и творчество, отражающее интересы автора. Отчасти «психоанализ как искусство»

будет противопоставляться психоанализу как бизнесу и ремеслу, которые во многом направлены на сохранение баланса эгоистических желаний аналитика и потребностей страдающего пациента. Аналитик данного уровня максимально ориентирован на помощь другому человеку. Вообще быть эгоистичным не так уж и плохо. Если мы не способны полюбить себя, то нам труднее любить других, а другим тяжелее любить нас. Сбалансированный профессиональный эгоизм просто необходим в нашей работе. Аналитику надо восстанавливать свои силы, заботиться о своих близких, воспитывать детей и просто получать удовольствие от жизни. Психоанализ на этом уровне совсем не отрицает заработок и даже обеспечивает его более высокий уровень, но при этом доход не является основной целью.

Мне не доводилось встречать молодых коллег, которые занимаются психоанализом на уровне искусства. Вероятно, потому, что это связано с жизненным и профессиональным опытом, и в первую очередь с проработанностью своих внутренних конфликтов. Такая «пролеченность» позволяет задействовать собственные сознательные и бессознательные ресурсы самым эффективным образом. А на это все надо время. «Психоанализ как искусство» — не просто набор эффективных техник, преломленных через призму большого опыта и хорошего понимания себя. Это еще и бескорыстие, и любовь к своему труду.

Для меня пример психоаналитика, который практикует психоанализ как искусство, как воплощение идеи «бескорыстной помощи одного человека другому», — наш немецкий коллега Ханс Дорн (Hanns Dorn). Отдавая много времени практической работе, он просто не писал часть отчетов в страховые компании. Он выбирал любимое дело (психоанализ), а не плату за него. Он выбирал реальную помощь своим пациентам вместо реальных денег и не столько думал о чистоте профессиональной идентичности, сколько об эффективных инструментах помощи нуждающемуся.

Характерный признак, по которому можно распознать, что аналитик достиг уровня «искусство», — это обладание

уникальными профессиональными навыками. Например, Харольд Штерн виртуозно владеет таким важнейшим психотерапевтическим инструментом, как контрперенос. Так, на супервизии Штерн способен улавливать даже «гомеопатические» дозы контрпереносных переживаний супервизанта (психотерапевта, который получает супервизию), которые отражают суть проблем его клиента. Главное сопротивление — это чувства аналитика. Штерн чувствовал трудности обоим и точечной интервенцией был способен помочь аналитику стать свободнее от тормозящих терапию переживаний.

5. Психоанализ как образ жизни

Этот уровень бывает трудно отличить от предыдущего. Психоанализ как искусство — это «психоанализ в жизни». Аналитик хорошо понимает других и, что более трудно, самого себя. Он прекрасно делает свою работу и отдает всего себя этой работе в течение положенного времени. Но за пределами своего кабинета он уже не аналитик. И эта идея кажется очень понятной и правильной. Ведь надо нам где-то быть «гражданскими», «выключать мозг», иметь свои слабости и удовольствия. Анализ же как образ жизни — это «жизнь в психоанализе». Аналитик выходит за пределы своего кабинета, но продолжает оставаться аналитиком. Это будет оправданно с точки зрения главной парадигмы психотерапии по Бернштейну, которая приводилась выше. Выход «психоанализа как образа жизни» за границы сеттинга не имеет ничего общего с отыгрыванием, как, например, в хобби-анализе — когда специалист обсуждает своего пациента в кругу коллег, отыгрывая таким образом негативные чувства, а не анализируя их со своим супервизором. «Психоанализ как образ жизни» доступен для достигших уровня «искусство». Пока я писал эту книгу, мое отношение к этому уровню стало более противоречивым. За последнее время ценность сеттинга и его соблюдение значительно выросли для меня. В случае пятого уровня, мы выходим за пределы установленных терапевтических границ и вступаем на сложный путь, где риск должен быть уместен.

Но в чем же особенность психоанализа как образа жизни? Вероятно, в том, что всегда стремишься использовать свои знания для помощи людям — даже если нет запроса и самой аналитической ситуации. Когда ты нужен людям — тогда интересно и приятно жить, и сама жизнь становится более осмысленной.

Кто-то из «правильных» психотерапевтов наверняка скажет, что вообще-то неэтично «лечить» людей без их запроса. И с этим трудно не согласиться, если я смотрю на это как профессионал. Но если как обыватель и потенциальный пациент — мне нравится, когда кто-то извне легонько подтолкнет меня к моему прогрессу. Может, я и сам к этому подойду рано или поздно. Но для меня-то лучше, если это произойдет чуть раньше.

Как говорил сам Харольд, современный анализ помогает решить доэдипальные проблемы, которые есть у каждого. Особенно это важно для специалистов, работающих с тяжелыми состояниями (пациенты с психозами, расстройствами личности, с онкологическими и другими соматическими заболеваниями). Современный анализ позволяет разрешить доэдипальные проблемы аналитика, даже если они не были слишком повреждающими и не выходили за рамки невротического уровня. Соприкоснувшись с доэдипальными паттернами, человек становится способен понимать различные агрессивные и аутодеструктивные тенденции и управлять ими. Может, поэтому современные аналитики живут долго? Когда не разрушаешь себя или окружающих — остается много сил. Как аналитику удастся помогать тем, кто рядом с ним? Думаю, что воплощая центральную терапевтическую стратегию современного анализа — преодолевая сопротивление. Подобным образом мне однажды помог Харольд Штерн.

Я тогда еще считал себя психотерапевтом, которому не нужен анализ, и тестил себя мыслью, что неплохо разбираюсь в своих проблемах. Однако временами у меня возникало желание иметь пространство, где можно «говорить обо всем». Это желание подпитывалось завистью к коллегам, которые уже проходили анализ, и было

Как говорил сам Харольд, современный анализ помогает решить доэдипальные проблемы, которые есть у каждого

видно, как их жизнь улучшается. Как-то раз я подвозил Штерна после лекции. Было морозно. Когда мы сели в машину, я завел замерзший автомобиль и сразу включил печку. Харольд мне посоветовал немного подождать с обогревом салона, чтобы двигатель быстрее прогрелся. Я пошутил, что мой автомобиль получает от знаменитого Штерна больше терапии, чем его владелец. Он ответил, что автомобиль в этом не виноват. Эта фраза по сути была интервенцией, которая показала мне, что свои ограничения я создаю себе сам. Думаю, что эти слова Штерна сыграли не последнюю роль в том, что вскоре я начал личный анализ. Штерн «немного поработал» с моим преаналитическим сопротивлением (сопротивлением к началу анализа).

Понятно желание ограничить сферу психоанализа профессиональными рамками, «замкнуть» трудности терапевтического процесса в границах собственного кабинета. Слово есть некий оазис спокойствия, семья, например, свободная от переносов, сопротивлений и контрпереносов. Впустить психоанализ в сферу личной жизни и разрешить ему работать на благо других людей вне времени сессий — это, конечно, всегда вызов собственному профессионализму: есть опасность как для профессиональной идентичности, так и для отношений с близкими.

6. Психоанализ как невроз

Здесь я представлю некоторые варианты «неврозов психоаналитиков». И не так важно, является невроз следствием сильных контрпереносных чувств, острого конфликта, особенностью личности или их сочетанием. «Невроз аналитика» ничем не отличается от «невроза пациента» — оба

являются компромиссом: желание, из-за невозможности быть реализованным, смещается на другие объекты, и таким образом (за счет этого) частично удовлетворяется. Но мне показалось важным рассмотреть некоторые типичные паттерны, которые я назвал «неврозом аналитика» и которые, думаю, свойственны психотерапевтам вообще. «Невроз аналитика» — это профессиональная деформация, то, как работа наложила неизгладимый отпечаток на характер, закрепив новый паттерн. Полагаю, что в основе каждого такого невроза аналитика лежит страх потерять контроль над собой или своим окружением. Страх компенсируется желанием и получением удовольствия от его удовлетворения. Чувство страха покрывается удовольствием от финансовых накоплений (невроз богатства), алкогольной эйфории (невроз алкоголя), радости общественного признания (невроз признания), эротизма (невроз сексапильности), возможностей контроля (невроз власти), исследовательского интереса (невроз теоретика), безграничной профессиональной силы (невроз всемогущества).

Может быть, невроз аналитика — это данность? В отношении профессионала вопросы следует поставить иначе, не в философском, а в клиническом ключе — тогда есть шанс с ними как-то продвинуться. Знает ли аналитик о своем неврозе? Может ли он оставлять свой невроз за пределами своего рабочего кабинета? Что аналитик делает, чтобы его невроз не влиял на его способности, особенно профессиональные? Прежде всего надо понять, что проблема существует. Не думаю, что перечисленные ниже варианты могут служить всеобъемлющей классификацией «неврозов аналитиков». Однако в психоанализе важнее задать тему исследования, чем получить ответы на все вопросы. Нет задачи понять все механизмы и типичные паттерны невроза — важно обозначить пути исследования. У каждого аналитика будет своя психодинамика. Скорее всего, она будет так или иначе относиться к периоду раннего развития. Просто потому, что в процессе профессионального тренинга аналитик разобрался с более взрослыми конфликтами, а вот до ранних — не всегда хватает

возможности добраться, да и желания тоже. Ниже представлено феноменологическая (в смысле описательного характера явлений, которые доступны для чувственного анализа) «классификация» семи типов неврозов, которые мне довелось наблюдать у себя и своих коллег. Они могут присутствовать по отдельности или сочетаться между собой у одного специалиста.

Невроз богатства. Аналитик лелеет надежду разбогатеть и обеспечить себе безбедную жизнь. Большие возможности, открывающиеся благодаря деньгам (если это большие деньги), могут компенсировать огромные материальные и душевные затраты на достижение профессиональных высот. Аналитик может вкладывать деньги в рискованные проекты, терять их, мучиться из-за этого и продолжать вкладывать в новые. Потому что это невроз — повторение привычного паттерна: находить компромисс между желаниями и возможностями. Я раньше думал, что идея неожиданно разбогатеть очень «русская» — чего стоят только наши сказки, где в выигрыше неожиданно оказывается Иванушка-дурачок. Но похоже, этот невроз транскультурален, и даже годы анализа не страхуют от него полностью. Пример такого невроза прекрасно описан И. Яломом («Лжец на кушетке», герой — психоаналитик Шелли).

«Невроз алкоголя». Довольно популярный тип невроза. Понятно, что наша работа связана с большим эмоциональным напряжением. Часть негативного потока мы легко замечаем — когда нас критикуют, обесценивают и т. п. Другую часть осознать труднее. Например, негативные чувства, полученные по механизму проективной идентификации: когда пациенты помещают в нас те чувства, которые не могут выносить сами. Такой процесс легко пропустить и воспринять эти переживания как свои собственные. Довольно типичной компенсацией этих неосознаваемых аналитиком переживаний служит прием алкоголя. Он быстро снимает возникающую тревожность, которая покрывает более определенные чувства, полученные от пациента (ярость, отвращение, безысходность и др.). Это может и не приводить к зависимости. Однако совместные профессиональные праздники

показывают, что это типичный паттерн многих успешных аналитиков. Конечно, представители других профессий тоже активно используют «народный транквилизатор». Я уж не говорю, что для представителей любого топ-менеджмента практика регулярной алкоголизации весьма типична. Но мы же аналитики! И даже понимаем, почему так происходит, — но ничего не делаем, так как это удобно, быстро и эффективно «работает»: расслабляет, дарит некоторую эйфорию, и если алкоголь был качественным — утром практически нет последствий.

Невроз признания. Кому-то необходимо получать постоянную подпитку в виде восторженных или хотя бы просто положительных откликов коллег. Конечно, нам важно, чтобы нас признавали и уважали все или по крайней мере те, кого мы сами ценим. Думаю, что этот невроз ограничивает нас в профессиональном развитии, особенно в начале пути. Мы боимся столкнуться с тем, что наши взгляды, идеи, техники будут отвергнуты. Поэтому мы избегаем выступления с докладом, публикации статьи, проведения матер-класса. А получив искомое признание, уже мало хотим прислушиваться к мнению наших коллег, словно признание дано раз и навсегда. Не исключая, что и мотив написания этой книги имеет под собой указанный невроз, присутствующий у меня в «графоманском» варианте. Публикациями я подпитываю свой невроз признания. Надеюсь, что это контролируемый процесс. В моей картине мира — это творчество, и оно для меня ценнее, чем позитивная обратная связь. Но если невроз все-таки есть, то, получив негативные отклики, например на эту книгу (а они неминуемы), я испытаю боль. А если они не ранят меня — значит, этого невроза удалось избежать.

Невроз сексапильности. Некоторым людям требуется постоянное подтверждение, что они имеют особую власть над противоположным полом (или своим полом, если речь идет о гомосексуалах). У них есть уверенность, что стоит только захотеть и они смогут очень легко найти партнера, соблазнить, овладеть. Может быть, их даже не так привлекают нежность и секс.

Возможно, им больше нужно некое подтверждение, что они неотразимы и могут пленять людей своим обаянием. Это наподобие «справки», которую они так и не получили от родителей. Теперь этот «документ» они пытаются получить от максимального числа сексуальных партнеров в бессознательной надежде на то, что это количество когда-нибудь перейдет в качество. В символическом смысле — словно большее число таких «справок» заменит ту, самую важную, не полученную от любимого родителя. С другой стороны, нежность и секс — это еще и способ повысить уровень эндорфинов и возможность справиться с тревогой. Интимность как противотревожное средство наподобие алкоголя. Или как лекарство от страха перед неминуемым старением: «Но нет, я еще хоть куда, значит, и молодость при мне!».

Невроз власти. Кому-то требуется чувствовать, что организация (коллектив, сообщество, институт и т. д.), к которой он принадлежит и в которой он имеет особый вес, является как бы его продолжением («государство — это я!»). Возможно, аналитик чувствует, что вложил в такую организацию слишком много и теперь имеет право на дивиденды. Или он приложил много усилий, чтобы эта организация состоялась, претендует на особую роль в ней, но не все прислушиваются к его мнению, и это очень больно. С развитием организации аналитик может взрослеть, уходя от авторитарных способов управления (оправданных в начале пути) к более демократичным. И несмотря на то, что громкий голос вожака может быть сильнее хора менее звучных голосов, с ними уже нельзя не считаться. А бывает, что символически организация трансформируется в материнский объект, который теперь должен ухаживать за аналитиком, опекать его и, как хорошая мать, не имеет права его «бросить». Наверное, к организации их создатели и менеджеры должны относиться так же, как мы относимся к детям — опекать их на этапе становления, но не тормозить их развитие, когда они стали самостоятельными. Хотя бывает трудно признать, что у детей началась собственная жизнь со всеми рисками, кризисами, трагедиями, но, впрочем,

и победами, радостями, удовольствиями.

Невроз теоретика. Кто-то из аналитиков отказывается от работы с клиентами и посвящает себя анализу культуры, языка, философии, общества или «голой» психоаналитической науке (свободной от клинической практики). Никоим образом не желаю причислить всех теоретиков психоанализа к «невротикам», но не могу не задать вопрос: а почему они так охотно убегают от возможности понять другого человека через очень хороший инструмент — клинический психоанализ? Почему культура, философия, политика интереснее, чем страдающий человек? Не претендуя на истину, смею предположить, что это — стратегия избегания трудно выносимых чувств, которые легко получить при общении с реальным пациентом. Намного безопаснее быть «психоаналитическим патологоанатомом». Например, «эксгумировать» пациентов Фрейда и проводить их разбор в соответствии с последними достижениями психоаналитической мысли — не без удовольствия замечая, что основоположник что-то проглядел, где-то не продвинулся дальше. Конечно, это тоже очень полезная работа, но мне она представляется неврозом. Возможно — тесно связанным с неврозом признания или власти.

Невроз всемогущества. Думаю, что современные аналитики, особенно отечественные последователи Хаймана Спотница, нередко подвержены этому. Должен признать, что переболел этим неврозом и сам. Насколько стойким у меня оказался иммунитет — судить моим пациентам и коллегам. Конечно, современный анализ предлагает очень полезные и действенные инструменты для терапии сложных случаев. Но это не означает, что я как специалист могу вылечить любого пациента. Невроз возникает, когда перестаешь замечать границы собственных возможностей, словно ввязаться в драку становится важнее ее исхода. Психоналитик считает правильным переступить границы сеттинга, ведя параллельный анализ коллег, родных пациента, их партнеров и до поры до времени ловко лавируя между хитросплетениями семейных и профессиональных систем. Или проходит профессиональный тренинг,

то есть посещает семинары, курсы, лекции совместно со своими пациентами и супервизантами. И вопрос не в том, насколько я как профессионал могу справиться со своими чувствами и не перетаскивать, например, в терапию с пациентом то, что происходит у меня в анализе с его родственником. Даже если у меня это получилось, остается не менее важным вопрос: а насколько полезны для моего пациента или коллеги эти «пересечения» (то есть все возможные отношения вне терапевтического сеттинга или профессионального тренинга)? Наш пациент нередко ищет нарушения границ, это проявления его невроза. И мы часто заражаемся его желаниями и говорим себе: «А ведь и правда, ничего опасного в этом нет, всем полезно, а сложности пересечений мы как-нибудь разруем, мы же крутые». Наше всемогущество гипнотизирует нас. А следует сделать паузу и задать себе ряд вопросов: «А зачем это нужно мне?», «А почему я решаю так поступить?», «Что это будет значить для моего пациента?», «Зачем это ему?». Последовательно отвечая на эти вопросы, можно заметить истоки и возможности нашего всемогущества. Частично они могут быть спрятаны в нашей личной истории, частично в желаниях наших пациентов, частично в предубеждениях наших учителей.

Психоналитик может находиться на разных уровнях с разными пациентами, но всегда интересно понять, какой уровень является преобладающим у специалиста в данный момент с данным пациентом. Ведь мы используем психоанализ — будь то метод, искусство, философия или мировоззрение — по большей части для того, чтобы помогать конкретным людям. Отношения аналитика с пациентами — это наиболее зримая грань психоанализа. ■

Голова займы. После доклада Яна Федорова

**Гридаева
Галина Витальевна**

[об авторе](#)

Иногда дискуссия после доклада, или даже совсем небольшой комментарий вызывают поток ассоциации и приводят к неожиданным открытиям. Иногда эти открытия и с темой доклада почти никак не связаны, разве что только ассоциативно.

Ян Федоров прочитал прекрасный доклад «Желаемая индивидуация и дозволенная социализация: психоаналитик в поисках себя, команды, сообщества». И завершая его, поделился наблюдением за самим собой: он заметил, что у него стал расти горб, потому что он слушает своих пациентов, выдвинув голову им навстречу. А когда ведет группы, то его голова вообще почти в центре группы располагается, в существенном отдалении от собственно тела. И что горб — это тоже профдеформация психоаналитика, пошутил Ян. Татьяна Мишинова в таком же шутовском тоне заметила, что тема телесных (и не только) профессиональных деформаций очень актуальна, и еще ждет своих исследователей. Слушатели в зале понимающе закивали.

Признаюсь, лично меня тема горба очень взволновала. Потому что это — правда жизни, и в конце рабочего дня у меня частенько болит шея. Потому что моя голова, как и голова Яна, автоматически,

рефлекторно тянется к тем, кого я слушаю весь день, а шея моя — не резиновая. Возможно, кроме нас с Яном и другие коллеги замечали что-то подобное.

И я задумалась о том, как мы слушаем пациентов и что в это время происходит с нашим телом. На звание исследователя я не претендую, тут целый научно-исследовательский институт нужен. С линейками — измерять длину шеи психоаналитика до и после сеанса. С аппаратами компьютерной томографии и прочими сложными приборами. Придет время для серьезных исследований. Я же просто поделюсь своими ассоциациями.

Я вспомнила, как много лет назад на одной обучающей программе меня слушал супервизор, иностранный психоаналитик. Групповая супервизия по расписанию была после обеда. Я, тогда еще начинающий специалист, так сильно волновалась, что поесть толком не смогла. Я сидела на краешке стула, развернувшись в сторону супервизора, и докладывала о своей работе. Я очень старалась, и особенно старалась, чтобы голос не дрожал, и никто не заметил, что я волнуюсь.

А иностранец развалился в кресле, вытянул вперед свои длинные ноги, скрестил руки на груди, свесил голову на бок и закрыл глаза. Его тело говорило: я прекрасно пообедал, мне тепло, я расслаблен, и я дремлю. Моё тело говорило: мне так тревожно, посмотри на меня, кивни, покажи мне, что слышишь меня. Но нет, его глаза были закрыты, и он даже легонько посапывал.

Я была в шоке от его поведения. Он спал вместо того, чтобы слушать меня! Вспоминался эпизод из фильма «Приключения Шурика», когда Федя говорит прорабу: «Давай, бухти, как космические корабли бороздят Большой Театр, а я поплю». Я продолжала рассказ, и думала о том, что вся группа видит, как я усыпила супервизора своим скучным докладом. Я постаралась быть более выразительной и эмоциональной, но безуспешно — супервизор продолжал дремать. Я готова была провалиться сквозь землю.

Когда же эта попытка кончилась, и я завершила свой рассказ, иностранный коллега

открыл глаза, встряхнулся, и сел прямо. И дал мне прекрасную обратную связь, и стало понятно, что он вовсе не спал, а очень внимательно слушал меня. Не исключаю, кстати, что он умеет одновременно дремать и слушать (дриминговать — теперь я знаю, как это называется).

Когда на следующий день на супервизии он также задремал, мы поняли, что у него просто такая манера слушать. Но когда свой доклад делала я, мы еще этого не знали.

Интересно, смогли бы мои пациенты рассказывать мне о себе, если бы я слушала их в такой позе? Наверное, не все стали бы это делать, кто-то разочаровался бы и ушел. Смогла бы я работать с психоаналитиком, который слушал бы меня вот так? Я не знаю. И я не знаю, как слушает своих пациентов этот иностранный коллега. И возможно, что до обеда всё иначе...

Зависит ли качество нашего слушания от того, тянется ли наша голова к пациенту, или нет — вот вопрос! Можем ли мы расслабиться и оставить свою голову при себе? Или мы отдаём свою голову «займы» на время психоаналитической сессии не только символически, пропуская бета-элементы пациента через свою альфа-функцию, но и физически... Действительно ли пациенты нуждаются в таком пристальном внимании? Возможно, есть достаточно взрослые люди, способные мыслить своей головой. И разбудить нас в случае, если мы действительно уснем на сессии.

Получается, что профдеформация шеи психоаналитика прямо связана с тем, как он воспринимает своих пациентов. А ведь кроме шеи, есть и другие «трудовые мозоли», которые тоже ждут своих исследователей. ■

ИЗ МИРА НАУКИ

Рубрика содержит как новые, так и ставшие уже классическими, работы зарубежных и отечественных авторов по теме номера или на другие темы, так или иначе с ней связанные. Например, в этом номере основной темой является «Психоаналитические институты: зачем нужны и как пользоваться», сопутствующая тема — «О вирусе: мыслить под обстрелом, принимать онлайн».

Цели рубрики:

- распространение научных знаний по психоанализу и психоаналитической психотерапии;

- повышение квалификации и профессиональное развитие членов сообщества.

В рубрике публикуются материалы, соответствующие критериям научного исследования, соответствующие формату «научная статья» или «исследование».

Научная статья — законченное авторское

произведение, описывающее результаты оригинального научного исследования (первичная научная статья) или посвящённое рассмотрению ранее опубликованных научных статей, связанных общей темой (обзорная научная статья).

Исследование может быть как основанным на применении научного метода рассуждением на выбранную автором тему с постановкой проблемы, выделением объекта и предмета исследования, так и менее формальным анализом избранного факта.

Мы гордимся возможностью переводить и публиковать недоступные широкой аудитории материалы по психоанализу и психотерапии не только с английского, но и с немецкого, итальянского, испанского и французского языков и надеемся, что наша работа поможет расширить границы ваших знаний.

Идентичность и чувство принадлежности в психоаналитических институтах в свете диадических отношений

В психоаналитических институтах понятие институции формируется в рамках диадических, тесных отношений обучающего анализа в форме индивидуальных внутренних образов. Это приводит к параллельному сосуществованию различных образов организации, которые часто конфликтуют в повседневной жизни института. Развитие общей институциональной идентичности в рамках структурированных процессов рефлексии, к которой могут ощутить свою принадлежность члены организации, представляет собой триангулирующий проект, направленный на стимулирование развития, по сравнению с узкими диадическими отношениями.

Многим организациям с трудом даются инновации и изменения. Обычно недостатка в знаниях об изменениях в организациях нет. Что противодействует этим знаниям в организациях? Я бы хотела изучить этот вопрос на материале психоаналитических учебных заведений¹ и остановиться на роли отношений в них. Нижеследующие наблюдения являются описанием моих личных впечатлений и не претендуют на полноту и научную значимость. Желательно проведение систематического научного исследования на эту тему.

Марион Верт

[об авторе](#)

Перевод с немецкого Банман П. П.
Переведено и издано с разрешения автора. Все права защищены

¹ В статье речь о европейских стандартах тренинга. В рамках российских реалий «психоаналитический институт» можно заменить на «психоаналитическую институцию», «сообщество», именно при таком прочтении статья, мы надеемся, сможет принести пользу коллегам-соотечественникам. Прим. редактора.

Складывается впечатление, что в психоаналитических учебных заведениях проблема институционализации является достаточно серьезной. Независимо от того, делают ли институты акцент на институциональные руководящие принципы и правила и категорично требуют приспособления к ним, либо используют их лишь в качестве приблизительного руководства, споры возникают по поводу институциональных руководящих принципов. Зачастую они оказываются противоречивыми, затяжными, заканчиваются приходом к «наименьшему общему знаменателю», либо остаются безрезультатными. Зависимости (личные, касающиеся обучения, финансовые), как правило, воспринимаются негативно, подчеркивается важность личной автономии и независимости.

В описаниях института со стороны его участников мы сталкиваемся с его идеализацией. Институт называют

«профессиональной родиной», говорят, что он по-особенному «аналитический», что в нем хорошая атмосфера, что здесь открытые и доброжелательные отношения. С другой стороны, также высказываются разочарования и критика в отношении того, что трудно ориентироваться в том, чего от тебя ожидают в институте, институциональные решения воспринимаются как несправедливые или произвольные. Одна жалоба, звучащая довольно часто и преимущественно являющаяся эмоционально «окрашенной», связана с очевидным отсутствием прозрачности. Встречаются и жалобы на институциональные условия «почему так, а не иначе». Они варьируются, начиная с вопроса об отсутствии оценочных листов на семинарах, с процедуры отбора кандидатов, с разработки и проведения семинаров, заканчивая правилами, касающимися обучающего анализа и супервизии. В связи с оценками, связанными с обучением, прежде всего при оценивании выпускных квалификационных работ, наблюдается повышенная чувствительность на обиды, как среди кандидатов, так и среди супервизоров и обучающихся аналитиков, оценивающих эти работы.

Помимо обид также обнаруживаются такие сильные чувства как гнев, разочарование и зависть. Индивидуальное обращение с этими чувствами разное. В зависимости от личных особенностей участников различают защитную приспособленность и сдержанность, или, скорее, требовательное или агрессивное поведение, проявляющееся в борьбе, индивидуализации, идеализации, критике или обесценивании отдельных лиц и/или института. В отдельных случаях эти чувства могут привести к тому, что участники отходят от деятельности в различных органах, от преподавательской или институтской деятельности в целом, либо отношения разрываются. Зачастую это приводит к досадной потере разнообразия мнений и функциональности института. Разнообразные попытки изменить отношения оказываются в большинстве случаев малоэффективными. Участники чувствуют себя беспомощными и не могут изменить отношения («всегда одно и то же»).

ОТСУТСТВИЕ ЧЕТКОСТИ

В психоаналитических институтах можно увидеть ряд двусмысленностей, нечеткостей, затрудняющих общение и работу и приводящих к появлению напряжения между членами института.

- Неясность ролей: отдельные «представители» организации берут на себя выполнение организационных задач, например, в качестве члена правления, комитета по обучению, в качестве руководителя семинара или занимают должность в руководстве организацией. Содержание и объем этих функций обычно точно известны только тем, кто их выполняет.

Чем меньше определена эта роль, тем больше вероятность того, что она будет построена в соответствии с собственными представлениями и интересами.

- Отсутствие четкости в коммуникации: содержательной рамкой оценки знаний для институциональных феноменов является психоаналитическая терминология. Использование психоаналитических терминов для обозначения организационных феноменов («правило Супер-эго») предполагает, что каждый имеет одинаковое понимание институциональных феноменов. Это особенно важно, когда значение определенных действий в соответствующем и текущем контексте подробно не разъясняется.

- Отсутствие четкости на уровнях рефлексии и мотивационных взаимоотношений: психоаналитические концепции зачастую просто применяются к учреждению. Например, простое указание на бессознательные аспекты конкретного намерения переносится на индивидуальные, групповые или институциональные бессознательные аспекты или на все выше перечисленное.

- Неясная перспектива: при общении разных органов и в диадических отношениях до сих пор остается неясным, что в настоящее время является предметом рассмотрения: индивид, кандидат, формальности обучения, процесс лечения или организационная структура или динамика. Кроме того, могут возникнуть различия в понимании и использовании того, что, где и в какой форме обсуждается.

• Неясность относительно обязательного характера рамочных требований: хотя формальные «права и обязанности» в обучении или в институтах действительно существуют, но в то же время есть желание найти индивидуальные решения, чтобы справиться с проблемами отдельных лиц или решать институциональные задачи. Так ко многим правилам возникают «обсуждаемые» исключения.

ОСОБЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Чтобы исследовать вопрос о том, как отношения влияют на жизненную реальность психоаналитических учебных заведений, я бы хотела коснуться вопроса о некоторых особенностях психоаналитических учебных заведений по сравнению с другими организациями. В психоаналитических учебных заведениях институт, так же как и содержание психоанализа, передаются определенным образом, а именно в процессе интенсивных диадических отношений, то есть в рамках обучающего анализа и супервизии. Эти связи более тесные и личные по сравнению с профессиональными отношениями в других организациях. Они приводят к очень личному знанию друг друга.

Диадические отношения, в свою очередь, находятся в напряженных отношениях с институтом. Аналитики, супервизоры и доценты-преподаватели вовлеченные в учебный процесс обычно выполняют двойную роль в качестве членов институциональных органов, а также в качестве учителей и экспертов.

Последствия этого факта разнообразны и могут проявляться с обеих сторон, например, в форме реальной или мнимой зависимости от кандидатов или чрезмерной лояльности со стороны аналитиков по отношению к кандидатам или коллегам своего поколения.

Во многих учебных заведениях институты набирают своих членов, доцентов-преподавателей, обучающихся аналитиков и супервизоров почти исключительно из числа прошедших в них обучение специалистов. В результате от участников требуется преобразовать учебно-аналитические отношения в коллегиальные.

Тот факт, что эти отношения продолжают существовать после завершения обучения (при изменившихся ролях), влияет на эти отношения уже во время обучения. И наоборот, учебные отношения влияют на организационный уровень, например, в форме попыток сблизиться или наоборот сохранить дистанцию и т. д.

МНЕНИЯ

Вопрос о том, как может выглядеть психоаналитическое обучение и его институционализация, возник еще во времена Фрейда. Определенной вехой стало соглашение о «базовой структуре — отбор кандидатов, обучающий анализ, супервизия, наблюдение за контрольными случаями и теоретические семинары» (Wiegand-Grefe u. Schumacher 2014, S. 20), которое было утверждено в 1923–1924 гг. Берлинским психоаналитическим институтом под руководством Макса Эйтингтона. В значительной степени данная модель осталась неизменной и по сей день (исключением является введение «непредставления отчетности» для обучающихся аналитиков в 1980-х гг.). И именно эта так называемая модель Эйтингтона, с помощью которой вопрос о надлежащей институционализации психоаналитического обучения получил первый ответ, теперь в свою очередь вызывает новые вопросы у ряда авторов.

Кернберг (Kernberg, 2012) помимо недостаточной квалификации доцентов-преподавателей и отсутствия научной эмпирической подготовки сожалеет о концентрации власти в функции обучающихся аналитиков. В этом он видит причину деструктивности психоаналитических обществ и институтов. В качестве решения он предлагает отменить статус обучающего аналитика и повысить квалификацию доцентов-преподавателей, следуя существующим в естественных науках научным стандартам. Я солидарна с Кернбергом в том, что роль обучающего аналитика дает пространство для маневра и может привести к осуществлению власти, но я не считаю это неизбежным.

Я вижу здесь скорее необходимость структурированно размышлять о роли обучающихся аналитиков в институте,

например, в отношении понимания поставленных задач, представленности в институциональных органах, участия в принятии решений и мероприятиях, а также в отношении дилемм, возникающих в результате различных ролей обучающихся аналитиков в учреждении.

Херрманн (Herrmann, 2014) задается вопросом о том, «почему так сложно успешно совместно работать в психоаналитических институтах» и полагает, что недостаточно просто применить психоаналитические объяснительные концепции к психоаналитическим учебным заведениям. Напротив, он выступает за большой объем знаний в области консультирования организаций и за большее проявление мужества при принятии решений. Он считает, что психоаналитическая работа связана с особыми нагрузками и что «[возникает] бессознательное ожидание ощутить гармонию и безопасность через наши институты» (Psyche 02/2014, S. 107). Дополнительно он признает за участниками необходимость в принадлежности к институциональной или профессиональной группе аналитиков, которая находится в опасности из-за понимания того, что все мы разные: «Различия между нами настолько чреватые конфликтами, насколько мы связываем их с нашей идентичностью в качестве психоаналитиков в смысле «все или ничего» (S. 112).

Херрманн предлагает различные стратегии для того, чтобы сделать сотрудничество наиболее «плодотворным». Сюда входит применение концепций, связанных с организацией, например, определение «основной задачи организации» (ср. Obholzer 2000, S. 89), анализ различных ролей и позитивных коннотаций власти и руководства. Я согласна с Херрманном в том, что определение важных институциональных целей, содержания и функций, а также предметное рассмотрение данных вопросов представляет собой важные шаги в развитии институциональной идентичности. Подобного направления в своих рассуждениях придерживается Деринг (Döring, 2016), который, прежде всего, видит проблему руководства в психоаналитических организациях. Как и Херрманн, он считает

важным определить главную задачу организации и системно ориентироваться на нее при принятии решений. Он видит недостаточную компетентность в процессе нахождения решений и предлагает практические методы, которые учреждения могут использовать для нахождения решений.

Интересные, несколько радикально сформулированные данные относительно возникающих в процессе обучения аффективных отношений, можно найти у Лазара (Lazar, 2016). Он говорит о возникновении «токсикозов» в качестве побочного продукта обучения, обучающего анализа и общей групповой динамики, и подчеркивает, что «институты срочно нуждаются [...] в возможности восстановления психогигиены индивида и группы, для того чтобы токсичные остатки терапий, обучения и [...] групповых процессов трансформировались в полезную, плодотворную для рабочей группы «энергию» [...]» (Lazar 2016, S. 353). Он подробно не уточняет, как должна выглядеть подобная «система рисайклинга» (переработки). Он ссылается на теорию контейнера и контейнируемого Биона. В то время как в понимании Лазара «детоксикация» (обеззараживание) происходит в диадических отношениях, например, под руководством супервизора. Я бы также увидела решение данной задачи, прежде всего, на институциональном уровне, что я объясню подробнее дальше.

ОТНОШЕНИЯ И ИНСТИТУТ

Возможность доступа к сотрудничеству в психоаналитическом учебном заведении — обучение. В рамках обучения между обучающим аналитиком и кандидатом формируется интенсивное диадическое пространство, особенно в процессе обучающего анализа. Эти отношения являются первым центральным скрепляющим элементом с учебным заведением. Следует исходить из того, что **образ «института» формируется у кандидатов на обучение в рамках этих диадических отношений, и что по сути речь идет о передаче образа, который сам аналитик имеет об институте.**

Таким образом, в группе кандидатов, а позднее и членов института формируются

различные внутренние образы института, которые лишь отчасти являются осознанными. **Единое представление об «институте» таким образом не возникает.**

РЕАЛЬНОСТЬ

Повседневная жизнь в институте требует решения конкретных организационных вопросов, таких как управление бюджетом, предоставление и содержание помещений, набор кандидатов, организация амбулаторной клиники, поддержание отношений с клиентами, обработка различных запросов от кандидатов, органов, доцентов-преподавателей и многое другое.

В соответствии с имеющимися у каждого различными индивидуальными представлениями об «институте» потенциально среди участников могут быть различные точки зрения на все дела института. Например, при возникновении вопросов об использовании финансовых ресурсов, назначении на определенную должность, организации занятий и организации амбулаторной клиники.

Если нет четкой позиции в понимании институционального самовосприятия либо оно не может быть сформировано в ходе дискуссий, имеющих интегрирующую и создающую идентичность силу, подобные вопросы могут быстро стать конфликтными, затяжными, безрезультатными, оскорбительными, личными или агрессивными и могут быть разрешены только через разделение в институте или даже через разделение самого института. В соответствующей литературе и дискуссиях есть множество примеров подобных сценариев развития.

ВЗАИМНАЯ ЛЮБОВЬ

Практически все институты обязаны добровольной деятельностью своих членов за то, что в институте в принципе решаются повседневные вопросы. При этом данная деятельность не «компенсируется» вознаграждением в такой же степени, что и работа, прописанная в трудовом договоре. Можно исходить из того, что подобная деятельность осуществляется в ожидании «встречного удовлетворения потребностей», т. е. в ожидании «взаимности» со

стороны «института». Подобные ожидания, например, проявляются в желании получить признание или привилегии, занять должности, получить определенные свободы или права. Такие «бонусы» весьма незначительны по своей материальной ценности: я имею в виду, что свое значение они приобретают вследствие осознания получателем чувства принадлежности к институту. Отсюда становится понятно, что может возникнуть опасная ситуация, если эти возможности не будут реализованы в институте. Тогда человек чувствует себя исключенным из институциональной группы, что может вызвать чувство разочарования, гнева и зависти по отношению к тем, кто на самом деле или якобы получает больше «взаимности», или по отношению к тем, кто отказывается от этого внимания. Эти чувства, в свою очередь, могут поставить под угрозу чувство принадлежности.

Сопоставление различных существующих представлений об «институте», описанное выше, означает, что принадлежность к отдельным людям, аспектам или взглядам является необходимой. В повседневной жизни института зачастую появляются альянсы либо имеет место параллельное сосуществование участников, предложений, решений и правил по урегулированию отдельных случаев.

Институциональное отношенческое пространство, институт как социальная группа формирует «групповую матрицу» различных проекций, идентификаций и переносов на участников и институты.

Они не помогают сформировать общее представление об институте, к которому могут чувствовать в принципе свою причастность большинство участников, даже если не полностью.

Динамика принадлежности/аффилированности может занимать важное место в каждом человеке и в повседневной организационной рутине института. При отсутствии систематического размышления над ними их обработка ограничена обучающим анализом и супервизией, и способствует установлению связи в диадических отношениях.

С моей точки зрения, институциональное «принуждение к повторению»²

в психоаналитических учебных заведениях — это попытка стабилизации, возникающая по причине отсутствия идентичности на уровне института и институциональной группы. В этом отношении принуждение к повторению сравнимо с навязчивыми невротическими симптомами на индивидуальном уровне. По мнению Квинта, рассматриваемого «принуждение к повторению» с точки зрения самопатологии, обсессивно-компульсивный симптом представляет собой не столько регрессивное движение, сколько «примитивную предварительную форму интегративных и синтезирующих Эго-услуг» (Quint 1984, S. 717). Функция повторения состоит в том, что последнее «дает жизнь [...] [и] является гарантом существования личности». В этом смысле «принуждение к повторению» можно рассматривать как фундаментальный процесс, составляющий переживание самого себя и идентичности» (Quint 1984, S. 732).

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ / ОРГАНИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

В соответствующей литературе организационная форма психоаналитического обучения в основном рассматривается с точки зрения ее проблем. Сюда, в основном, входят властные отношения, подавление и инфантилизация кандидатов, удовлетворение личных нарциссических тенденций, навязывание определенных психоаналитических концепций как условие для появления чувства принадлежности к профессии психоаналитика, элитарное мышление, идеализация и зависимость, дистанцированность от науки, дистанцированность от реальности и изоляция от внутреннего и внешнего влияния. Психоаналитическими учебными заведениями они воспринимаются как следствие обучающего анализа и как причины «сопротивления изменениям» (Wiegand-Grefe u. Schumacher 2014, S. 43).

Подходы к изменению касаются, прежде всего, роли обучающего анализа.

² Wiederholungszwang/ Repetition compulsion — «автоматизм повторения» или «принуждение к повторению»

Предложение об «исключении обучающего анализа из обучения» озвучивалось с конца 1980-ых г. Кремериусом, Эрманом, Веймером (Wiegand-Grefe u. Schumacher 2014, S. 106). Другие авторы (Thomä, Thomä u. Kächele, Kernberg) рекомендуют «оставить обучающий анализ в системе обучения, но не делать его центром обучения, а обратить внимание на максимально полное ознакомление с теорией для того, чтобы в центр обучения поставить мотивацию к творческим исследованиям и тщательную супервизию практики» (Wiegand-Grefe u. Schumacher, 2014, S. 107). Объем обучающего анализа должен быть ограничен максимум 300–400 часами.

Сами Виганд-Грефе и Шумахер выступают за комбинацию этих двух предложений, а также призывают к «фундаментальной реформе организационной структуры аналитических институтов» (Wiegand-Grefe u. Schumacher 2014, S. 108).

В своих размышлениях я также рассматриваю диадические отношения, полученные в результате обучающего анализа, как решающий фактор, влияющий на трудности в развитии институциональной идентичности и интегрированности. Однако я хотела бы призвать вас к использованию подобных разработок в качестве возможности отхода от диадических связей и усилению триангуляции. Таким образом, учреждение могло бы действовать не как инструмент подавления и принуждения, а как надежная, последовательная и посредническая третья сторона.

Здесь я хотела бы добавить некоторые наблюдения и рассказать об опыте, который мне удалось собрать за пределами психоаналитических институтов в коммерческих организациях. Интересно то, что подобные явления, точно такие же, как и в психоаналитических учебных заведениях, встречаются на предприятиях и в концернах, есть и интересные решения. Там тоже есть иерархии и властные структуры, историческое наследие и внутренняя (а также внешняя) конкуренция. Институциональное самопонимание, «культура» организации в коммерческих организациях также передаются преимущественно индивидуально. Разработка идентичности организации,

«корпоративной идентичности» также является важной задачей. Решение этой задачи зачастую поручают экспертам (например, в области коммуникационного дизайна, бизнес-психологам и организационным консультантам) и нередко результат или дизайн (логотипы, цвета, слоганы) воспринимаются скорее как представление себя во вне («реальность на бумаге») и как нечто чуждое для самой организации, а не как выражение организационной (настоящей) реальности.

Одной из самых серьезных проблем, с которыми в настоящее время сталкиваются коммерческие организации, помимо стратегической ориентации на обеспечение самосохранения организации, является поддержка совместной работы для достижения целей организации.

На современных предприятиях совместная работа больше не ограничивается сотрудничеством внутри команд и отделов, страны или региона. Глобализация, матричные организации, стратегии оптимизации (например, посредством объединения закупок и производства в так называемых «Low-Cost регионах» (регионах с низкими издержками) требуют, чтобы сотрудничество было максимально ориентировано на достижение целей.

Организация как «статичная» данность все больше теряет свое значение в отношении степени структурирования сотрудничества.

Напротив, все более важными становятся процедуры, направленные на то, чтобы предоставить всем участникам, решающим одну задачу, ее общее понимание и облегчить связанные с ее решением трудности. Более важными, чем формальные отношения являются процессы, нацеленные на координацию работы друг с другом, на размышление над процедурами и достигнутым прогрессом, на разработку решений, на управление интеграцией по выполнению формальных требований предприятия и на поиск компромиссов или на принятие решений.

Работая с организациями, я обнаружила, что предприятия с трудом справляются с этими требованиями. Необходимые затраты изначально рассматриваются

как дополнительная нагрузка, с которой приходится справляться наряду с «собственно» работой.

Свою эффективность доказали сопровождение этого процесса консультантом и создание структурированных возможностей для размышлений в виде 1–2-дневных модулируемых рабочих сессий. Речь идет о необходимости создания надежных структур, в рамках которых участники разрабатывают общее понимание целей и задач, а также представление об успехе при достижении цели. Описываются роли, модели поведения и процессы согласования, необходимые для реализации, а также раскрываются препятствия и сопротивление. Часто на основе рабочих сессий возникает необходимость прояснения роли, структуры или процессов, а иногда и их изменения или переработки для более эффективного достижения целей. В процессе размышлений и обсуждений возможных подходов к повседневной работе организационные элементы, такие как ответственность, роли, органы, содержание и поведение, могут восприниматься как полезные или мешающие «инструменты» для достижения целей, при этом тенденция к персонализации проблем значительно уменьшается.

Среди участников развивается все более оживленное обсуждение задач, организационных возможностей и процессов, растет готовность участвовать в этом обсуждении. Конфликты воспринимаются как менее опасные, поскольку в процессе обсуждения возникает большее доверие, так что разные мнения не приводят к обесцениванию человека. В большинстве случаев также улучшаются результаты, поскольку они в значительной степени учитывают разные точки зрения. Со временем участники сами берут под контроль этот процесс. Консультант оказывает поддержку либо в кризисных ситуациях, либо в рамках супервизии.

Предложения Бухингера для психоаналитических учебных заведений сформулированы в том же направлении. Он видит главную задачу в организационной саморефлексии, которая осуществляется представителями института.

Интересно то, что подобные явления ... встречаются на предприятиях и в концернах, есть и интересные решения. Там тоже есть иерархии и властные структуры, историческое наследие и внутренняя (а также внешняя) конкуренция.

Он подчеркивает, что в институциональной рефлексии необходимо проводить четкое различие между организационной и психоаналитической рефлексией. «Организационная саморефлексия — это не тоже самое, что применение психоаналитических категорий к психоаналитическому институту. Важно различать организационную динамику, групповую динамику и психодинамику» (Buchinger, цит. по: Wiegand-Grefe u. Schumacher 2014, S.103).

«Организационная саморефлексия может иметь конструктивный эффект лишь в том случае, если она институционализована в организации. Она должна быть закреплена в коллективе внутри организации и иметь четкую структуру. В процессе обучения важно сформировать саморефлексию собственного института, ориентированную на практику. Это требует дистанцирования от процессов, в которые вовлечены все участники на эмоциональном уровне. Это требует регулярного внешнего наблюдения, супервизии» (Wiegand-Grefe u. Schumacher 2014, S. 103). Пфлихтхофер (Pflighthofer, 2011) указывает на то, что рамка в психоаналитическом лечении не является объективной данностью, как это можно увидеть в аналитическом

процессе и аналитических отношениях. Она рассматривает эту рамку как нечто постоянно воссоздаваемое аналитиком и пациентом. Этот процесс производства ни в коем случае не должен быть оставлен на произвол аналитика. Она требует, чтобы аналитик «при каждом своем шаге [...] учитывал эффект, который может этот шаг вызвать», и чтобы «ответственность не лежала на рамке» (Pflighthofer 2011, S. 51).

В лечении рамка, как для аналитика, так и для пациента, выполняет функцию сдерживания, опоры и защитную функцию. Она устанавливает границы и условия, в которых они могут совместно участвовать в процессе лечения.

Помимо этой формальной функции рамка также играет важную роль в качестве точки кристаллизации сознательного и бессознательного содержания. Например, из-за требования быть пунктуальным темой для обсуждения становится опоздание, и путем рефлексии может быть понято значение пунктуальности.

Если соотнести это с психоаналитическими институтами, **институт или институциональная рамка не состоит из просто существующих «объективных» или «физических» данностей. Она должна создаваться сообща в процессе рефлексии.** В таком процессе организация может быть познаваема всеми участниками.

Она представляет собой защиту от необходимых конфликтов, которые делают возможным и способствуют развитию институционального самопонимания и ценностей. Она представляет собой триангулирующее предложение, способствующее развитию, по сравнению с узкими диадическими отношениями.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ И ЗАДАЧИ

Таким образом, речь идет о том, чтобы заниматься последовательно и структурированно вопросом об усилиях организации по рефлексии.

Я бы хотела предложить дополнить задачи психоаналитических учебных заведений в плане организационного развития, в дополнение к их «примарной задаче» в понимании Обхольцером (например,

распространение и применение психоанализа, обучение и повышение квалификации, обслуживание амбулаторных клиник и т. д.). Исходя из целей развития индивидуального психоаналитического лечения, представленных Мертенсом (Mertens 2000, S. 127), они будут следующими:

- развитие самоаналитических способностей на уровне организации;
- продолжение и поддержание процесса развития организации;
- достижение достаточного уровня организационной и индивидуальной автономии.

К перечисленному я бы хотела добавить:

- сохранение и расширение (организационных) возможностей;
- сохранение участия членов сообщества в процессе организационного развития;
- обработку двойственных и противоречивых импульсов внутри организации;
- определение, признание и поддержание организационных границ.

Начать можно было бы со следующих мер:

- супервизия за важными органами со стороны соответствующих лиц, не являющихся членами организации, для рефлексии над организационными процессами, динамикой и структурами в их значении для организационной группы, идентичности и развития;
- регулярные мероприятия в больших группах (ежегодно) для выработки или адаптации и достижения консенсуса в отношении целей и приоритетов организации;
- согласование, управление и отслеживание стратегических целей более высокого уровня и ориентация на них при принятии практических повседневных решений в институтских органах;
- кроме того, следовало бы подумать над смещением фокуса и обособлением обучающего анализа или тренинг-анализа, как это было описано некоторыми авторами.

В то время как психоаналитические учебные заведения в своем методе работы и своем самопонимании демонстрируют

и представляют то, как можно организовать организационную жизнь целенаправленно, целесообразно и «плодотворно», кандидаты могли бы приобрести организационные знания и опыт уже во время своего обучения, что представляло бы дополнительным бонус в обучении, как для выпускников, так и для самих институтов/заведений. ■

БИБЛИОГРАФИЯ

Döring, P. (2016): Führen in psychoanalytischen Organisationen. Forum der Psychoanalyse 32/4:359–384.

Grubendorfer, C.; Schmitz, H. (2015): Ein neuer Blick auf Führung. Wie Unternehmen Führung wirksamer machen. Аbrufbar unter: www.simon-weber.de; zuletzt abgerufen am: 10.09.2017.

Herrmann, A. (2014): Warum es so schwierig ist, in psychoanalytischen Institutionen gedeihlich zusammenzuarbeiten. Psyche 68/02: 97–121.

Kernberg, O.F. (2012): Suicide prevention of psychoanalytic institutes and societies. Journal of the American Psychoanalytical Association, 60: 707–719.

Lazar, R. A. (2016): Phönix aus der Asche – oder Asche auf unser Haupt? Die Rekonstruktion der psychoanalytischen Institutionen und ihre Auswirkungen. Forum der Psychoanalyse 32/4: 335–358.

Mertens, W. (2000): Einführung in die Psychoanalytische Therapie Band 1. Stuttgart: Kohlhammer.

Obholzer, A. (2000): Führung, Organisationsmanagement und das Unbewusste. In: Lohmer, M. (Hg.): Psychodynamische Organisationsberatung. Konflikte und Potentiale in Veränderungsprozessen. Stuttgart: Klett-Cotta, S. 79–97.

Pflichthofer, D. (2011): Zwischen Gesetz und Freiheit. Die Suche nach dem Rahmen und dem Objekt. Psyche 65/01: 30–62.

Wiegand-Grefe, S.; Schumacher, M. (2014): Strukturelle Gewalt in der psychoanalytischen Ausbildung, Psychosozial-Verlag.

Quint, H. (1984): Der Zwang im Dienste der Selbsterhaltung. Psyche 38/8: 717–737.

Институция — неотъемлемая «третья сторона», определяющая парадигму функционирования профессионального сообщества¹

В то время как на Западе англичане, голландцы, французы, немцы, итальянцы говорят и пишут о «Любви и ненависти в психоаналитических институциях» («Hate and Love in Psychoanalytic Institutions», Jurgen Reeders, 2004), о фанатизме, расколах, сомнениях и очевидном упадке психоанализа, психоаналитики Востока, и мы вместе с ними, пройдя через определенные историко-политические метаморфозы, с надеждой спрашивают себя: как психоаналитической институции стать той необходимой и жизнеспособной «третьей стороной», которая будет сублимировать личные тревоги, нарциссическую неводержанность, зависть или ненависть, или просто неспособность к адаптации, контейнируя их в институциональной среде, наполненной уважением и способной поддерживать эволюцию и независимое мышление практиков психоанализа?

Янина Мику

[об авторе](#)

Перевод с английского
Фостиропуло Х. Г.

Возможно, что мы, искренне и с надеждой, направляемся лишь к тому, что другие, уже прошедшие через эти стадии, стремятся преодолеть, испытывая неудовлетворенность результатами принятых решений?

Индивидуальный путь человека, предполагаемый практикой психоанализа, значительно короче, чем история человека в целом. Мы начинаем аналитический тренинг уже обладая собственной историей развития, набором значимых близких отношений, представлений и идеалов/идеализаций, порождаемых повторяющимися идентификациями себя с различными образцами и многообразием моделей и форм любви к объекту. Аналитическая работа неоднократно приводит нас к «диадным отношениям²», в которых мы являемся одной из двух вовлеченных в них сторон: мы и наш аналитик; затем, мы и наш пациент; мы и наш супервизор.

¹ Gianina Micu «The Institution — the necessary party that changes the paradigm of the functioning framework in the professional group». Переведено и опубликовано с разрешения автора, все права защищены.

² Здесь и далее: использование термина «диадные (диадические) взаимодействия/отношения» подразумевает лишь количество участников/вовлеченных в отношения объектов, не уточняя характер отношений. Прим. редактора

С какого-то момента, это мы и группа коллег, стремящихся к полному раскрытию себя как психоаналитиков, в соответствии с установленными критериями. На этом личное пространство и интимность отношений между двумя заканчиваются, они дополняются групповым пространством и групповыми отношениями. Новые условия, порой смущающие, угрожающие, иногда сдерживающие, но одновременно стимулирующие, соревновательные и регулирующие, подразумевают обучение в информационном и профессиональном пространстве и инициацию, посвящение в реальные и символические (интернализированные) групповые отношения.

Предполагаю, что многие из нас не задумывались о такой перспективе первоначально, выбирая профессию, подразумевающую скорее одиночество или близкие и неравные отношения, будь то терапия или обучение. Другие же наоборот были привлечены престижем самой институции и встали на длинный путь психоаналитического тренинга, подталкиваемые стремлением принадлежать к элитному профессиональному сообществу — возможно как к олицетворению Идеала Я, к которому они желали таким образом приблизиться — но как не называй, это было, прежде всего, стремление к группе.

Одиночки в связи с этим будут ощущать давящее напряжение уз близости, те же, кого привлекают групповые связи, почувствуют давящее одиночество во время долгих часов, проведенных в кабинете.

По мере обучения и принятия рамок и правил, мы знакомимся с многогранностью жизни психоаналитика. И аспекты, связанные с принадлежностью к институции³, изначально второстепенные в процессе обучения, становятся первостепенными,

³ В этой работе под «институцией» подразумевается то, что регламентирует образ жизни и способ существования людей и организаций, а под «профессиональным сообществом» — собственно сама организация. Подробнее о термине «институция» можно прочесть здесь: https://strelkamag.com/ru/article/vocabulary_institution/ Прим. редактора

как только мы вступаем в Психоаналитическое сообщество.

Психоаналитики, будучи ли пленеными смыслами и связями, берущими начало в бессознательной части их души и духа, желая ли принадлежать к светской, изолированной, независимой элите, или же вдохновленные альтруистическими чувствами, являются одними из немногих людей, чье профессиональное и человеческое развитие приумножаются шаг за шагом по мере осознания той перспективы, что привнесут в их жизнь структура, группа и институция, чье «присутствие», одновременно безличностное и нематериальное, постоянное и контеинирующее является существенным для всего процесса их профессионального и личного развития.

В психоаналитической литературе можно найти целый ряд мыслителей и авторов, труды которых посвящены «присутствию третьего», находящегося на пересечении контеинирующих отношений и метода, личности и объекта исследования, субъективности и объективности, «социальной оси» (индивидуализм/коллективизм) и «психической оси» (нарциссизм/социализм) (согласно Александров и Чичек (Alexandrov, Chichek, 2005)).

Такие психоаналитики как Пирс, Огден, Грин, Бенджамин, Кавелл, Хэнли (Pierce, Ogden, Green, Benjamin, Cavell, Hanly) и многие другие говорили о концепции «третьего» или «аналитического третьего», имея в виду рамку и правила психоаналитического лечения, теоретическую базу, профессиональные сообщества, язык — то есть, все то, вокруг чего происходит взаимодействие двух протагонистов и условия их совместной работы, необходимые для достижения одного общего результата: знакомства и раскрытия бессознательного психического содержания, общей основы, прямо или косвенно разделяемой или разделяющей. Они описывают также концепцию «третьего пространства», «триангуляции», относящейся к психическому пространству, созданному тремя вовлеченными в аналитический процесс «центрами информации», два из которых являются явными и личностными, тогда как третий представляет собой трансцендентность,

Как примирить свободный и ничем не стесненный дух — декларируемые основу и цель психоанализа — и присущую этой системе дисциплину и строгость, сравнимую с духом прусской армии (Bernfeld, 1962)? Другими словами, какое место занимает институция в формировании профессиональной идентичности психоаналитика?

выход за пределы этой первоначальной диады.

Как известно психоаналитики устанавливают один из самых строгих сеттингов для проведения терапии с пациентами, предназначение которого вызывать регрессию и получить доступ к бессознательному психическому содержанию. Менее известен, однако широко распространен, тот факт, что психоаналитики с трудом устанавливают общие нормы для самих себя как для группы.

Как примирить свободный и ничем не стесненный дух — декларируемые основу и цель психоанализа — и присущую этой системе дисциплину и строгость, сравнимую с духом прусской армии (Bernfeld, 1962)? Другими словами, какое место занимает институция в формировании профессиональной идентичности психоаналитика?

Принимая во внимание время, опыт и историю, ответ на этот вопрос потребует изменения системы воззрений на позиционирование психоанализа и его влияния на общество. Несмотря на то, что ни один из периодов развития психоанализа не обходился без страстного неодобрения, характерного для того или иного времени,

сегодня мы наблюдаем, возможно, более чем когда-либо прежде, тревожный спад в восприятии и передаче психоанализа, проявляющийся через значительное сокращение его присутствия в академической среде и, возможно, что намного хуже, повсеместное представление о психоанализе скорее как о дорогостоящем, долгосрочном и не поддающимся стандартизированному документированию и, таким образом, неопределенном в том, что касается его результатов, терапевтическом методе.

В своей книге «Ненависть и любовь в психоаналитических сообществах» Юрген Ридер (р.69) отсылает нас к историографии Балинта 1948 года, описывающей три великих эпохи в развитии психоаналитических сообществ, начиная с появления психоанализа и до наших дней. Первая эпоха была инициирована в начале 20 века самим Фрейдом, и он был в ней центральной фигурой. В то время психоанализ еще не получил общественного признания, и доступ к его изучению и практике не предполагал каких-либо требований: желающий практиковать психоанализ принимался без оценивания и условий. Личный (дидактический) анализ был коротким, не было теоретической учебной программы, супервизии проводились в рамках работы малых групп первых последователей.

Шаш (Szasz), которого цитирует Ридер, говорит о том, что в тот период те, то желал практиковать психоанализ были значительно менее мотивированы славой или деньгами, в сравнении с последующими эпохами. Пионеров вела вперед чистая радость исследования и открытий, они «были более вовлечены в поиски истины, чем в преобразование ее в систему знаний: другими словами, профессионализация еще не началась» (там же, р.68).

В 1910 году, по инициативе З. Фрейда, была создана Международная Психоаналитическая Ассоциация (IPA) — первый международный профессиональный и институциональный орган.

Вторая эпоха институционализации психоанализа отмечена созданием непосредственными учениками Фрейда в качестве ответа на проблему передачи психоаналитических знаний Берлинского

психоаналитического института (1920) как первой целостной институциональной системы. Если в первый период главной заботой был поиск заинтересованных и посвящение их в основы, то основными целями второго периода стали: во-первых, распространение психоанализа как терапевтического метода и доступность психоанализа каждому путем широкого его применения в клиниках; во-вторых, не менее важной задачей стали исследования.

В обоих направлениях результаты были незначительными. Однако благодаря большому расколу между Фрейдом и его ближайшими учениками (Юнгом и Адлером), была достигнута централизация и контроль метода благодаря патерналистской и авторитарной модели передачи знаний и обучения психоанализу.

После смерти Фрейда в 1939 году появились соперничающие психоаналитические школы (сильнейшими из них стали продвигающие Эго-психологию американская и германская). Это был период многочисленных споров и конфликтов, некоторые из них были непримиримы и закончились расколами. Сначала в Англии появилась группа Анны Фрейд (Эго-психология) и Мелани Кляйн; позже, как решение для этих двух конфликтующих позиций сформировалась Средняя группа, которая сфокусировалась на теории объектных отношений. Серия расколов произошла и во Франции (главной фигурой одного из них стал Лакан). Расколы коснулись многих психоаналитических сообществ в Европе и США.

После этого процесса внутренних изменений обучение психоанализу стало более стабильным, институциональные требования к обучению и всеобъемлющие ограничения со стороны властных структур, впрочем, порой доходили до крайностей догматизма. Были установлены институциональные критерии: личный анализ стал обязательным и должен длиться как можно дольше, с фиксированным временем и минимальным порогом частоты сессий, которые должны проводиться аналитиками, допущенными вести тренинговый анализ.

Таким образом, психоанализ стал профессиональной дисциплиной, а психоаналитические институты взяли на себя

роль Супер-Эго (Reeder, 2004), что открыло новые перспективы, но также имело и тормозящий эффект в культурном и профессиональном смысле более, чем в индивидуальном. Психоаналитик продолжает оставаться свободным в своем собственном кабинете, но одновременно становится чутким и всегда бдительным к тому, чтобы не предать дух одной из самых свободных и освобождающих профессий, будучи зависимым от институции.

ИТАК, ДЛЯ ЧЕГО НАМ НУЖНЫ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУЦИИ?

В своих трудах об обществе, начиная с «Тотема и табу» (1912–1913) и продолжив эту тему в «Психологии масс и анализе человеческого Я» (1921) и «Неудобствах культуры» (1932) Фрейд широко и глубоко анализирует индивидуальную психологию с точки зрения социальной перспективы, отмечая сходство индивидуальной психологии и психологии групп. В выше-названных работах Фрейда я подчёркнула в дополнение к тем трудностям, которые влечет за собой существование в группе, несколько идей, позволившие ему найти баланс между чувством безопасности, которое дает принадлежность к группе, и компенсацией ограничений свободы и удовлетворения личных драйвов.

«Процессу культурного развития» (в сфере которого Фрейд включает развитие социальных сообществ, таких как институции) «мы обязаны всем лучшим, что мы создали, ровно как и заметной частью того, от чего мы страдаем» (Freud, p. 218). Институция, рассматриваемая в терминах Биона как «рабочая группа», подразумевает общие для участников цель и совместную деятельность, организацию и структуру, которые придают группе стабильность, согласованность и постоянство во времени. Согласно Фрейду, наличие общей цели недостаточно для сохранения постоянства, для этого существенное значение приобретают «эмоциональные связи» (между членами группы, а также их отношение к центральной авторитетной фигуре).

По его мнению, сила сообщества уравновешивает грубую животную силу

Институция утверждается как условия (сеттинг) и функционирует как третья сторона, способная преодолевать конфликтную амбивалентность, и в то же время, транспонирующая и трансперсонализирующая на психическую жизнь перспективу совместно разделяемых смыслов.

индивида, существование в обществе наделено властью «связывать» агрессивные влечения и деструктивность индивида, усмиряя ее с помощью эмоциональных связей — это неперемное условие для его (индивида) четкого и устойчивого существования («насилие будет сокрушено силой этого союза» — Freud, 1932).

Опираясь на некоторые из этих общих положений относительно психологии индивида как социального существа, продолжим начатое обсуждение о значении институции в психоаналитической практике, являющееся темой данной статьи.

Чтобы понимать и передавать знания об эмоциональной жизни человека, чему способствует психоаналитическая практика, необходимо, помимо прочего, чтобы существовала институция, то есть логически последовательная и организованная форма утверждения и выражения определенной рабочей гипотезы, метода или цели, с которыми она себя отождествляет. Институция должна быть инвестирована тем же интересом к психоаналитической теории и практике, которые она порождает.

Институция утверждается как условия (сеттинг) и функционирует как третья сторона, способная преодолевать конфликтную

амбивалентность, и в то же время, транспонирующая и трансперсонализирующая на психическую жизнь перспективу совместно разделяемых смыслов.

«Только коллективы способны на высочайшую степень бескорыстия и преданности», пишет Фрейд в 1921 г., в своем исследовании, посвященном психологии масс. Обусловленные характером ее деятельности, функции институции, являющейся по своей сути уникальной, многообразны: профессиональные терапевтические, педагогические, административные, научные, этические и общественные. Если быть более точной, необходимость и польза институции, способной интегрировать специфичные и неотъемлемые двойственности и неоднозначности, порожденные процессами в которые она вовлечена, исходит из различных направлений, характерных для психоаналитической активности:

- клинические взаимоотношения между психоаналитиком и пациентом;
- педагогические отношения кандидатов в тренинге;
- коллегиальные и профессиональные отношения между психоаналитиками, членами одного профессионального сообщества;
- профессиональное, научное и культурное сотрудничество психоаналитиков с другими профессиональными институтами и гражданским обществом в целом.

Вкратце рассмотрим каждый из выше перечисленных пунктов, а также существование институции и ее роль в отношениях и процессе, которым она конституируется.

1. Клинические отношения между психоаналитиком и анализантом характеризуются работой содержаний бессознательного, которая сама по себе способна быть, и является крайне опасной! Терапевтические отношения, обусловленные бессознательными по определению психическими движениями переноса и контрпереноса (центральной осью терапевтических отношений и процесса), находят внутри институциональных рамок конструирующее пространство для влечений. «Психоаналитический сеттинг», являясь

инструментом психоаналитика, рассматривается как правило. От начала и до конца лечения используется строгий и жесткий инструментарий «сеттинга». Понимание и сосредоточенность на его необходимости — важная неотъемлемая часть психоаналитического метода и профессиональной подготовки, как истинная «кожа»/оболочка психоаналитических отношений (в метафорическом смысле). Клинический сеттинг предназначен для защиты обеих сторон — аналитика и анализанта — также как и самого процесса, обнаруживая ценности профессиональной и человеческой этики. Минимум 3 сессии психоанализа в неделю, продолжительностью 45 минут, в течение минимум 4 лет с аккредитованным профессиональным сообществом аналитиком, получившим право обучать и проводить тренинговый анализ, минимум два года до подачи заявки на статус кандидата⁴, фиксированный график и место проведения анализа, использование кушетки, конфиденциальность, оплата пропущенных сессий — все эти правила профессиональной институции, которые подтверждают профессионализм терапевта защищают пациента и позволяют осуществлять аналитический процесс⁵.

2. Педагогические и учебные отношения. Психоанализ является одной из профессий, которой обучают особым образом, непосредственно передавая опыт экспериментирования с бессознательным через разнообразные инструменты специфичной для обучения психоанализу трех компонентной системы: личный анализ (минимум 4 года), теоретическая часть (4 года) и супервизии (два

⁴ В этом отношении Румынское Психоаналитическое Общество придерживается французской модели, устанавливая условие начала личного анализа минимум за два года до подачи заявки на поступление на учебную программу Института Сообщества.

⁵ В данной статье все описанные требования и условия являются стандартами Румынского Психоаналитического Общества, к которому принадлежит автор.

Аналитические отношения, лежащие в основе учебного процесса, по своему определению диадны, асимметричны, в них пробуждаются неожиданны интенсивные чувства, с которыми порой трудно справиться.

супервизора, минимум по два года у каждого из них). Передача знаний происходит в первую очередь и существенным образом на уровне бессознательного, и конечно невозможно не учитывать влияние сознательных и предсознательных представлений, приобретенных за годы обучения. Все это вновь обращает нас к институциональным рамкам, которые способны вместить в себя, выдерживать и проводить такое смелое предприятие. В Румынском Психоаналитическом Обществе педагогический процесс начинается без теоретической подготовки к тому, что значит быть пациентом.

С самого начала тренинга будущий кандидат, по факту являющийся анализантом, вступает в уникальные отношения — главный источник экспериментирования, опыта и прямой передачи содержаний и природы бессознательного, через взаимодействие переноса и контрпереноса.

Аналитические отношения, лежащие в основе учебного процесса, по своему определению диадны, асимметричны, в них пробуждаются неожиданно интенсивные чувства, с которыми порой трудно справиться. Неудивительно, что Фрейд метафорично рекомендовал аналитику быть таким же осторожным и добросовестным, как химик, так как мало что можно считать более трудным, чем проникновение в лабиринты психики и попытку разгадать их

смысл! Неудивительно также, что психоаналитический сеттинг так строг и к нему предъявляются такие жесткие требования! Все дело в том, что сама ситуация трудная и сложная! С каждым последующим этапом обучения эмоционально все становится еще сложнее: на сцене появляются новые персонажи, развиваются ситуации, в которых задействованы первоначальные персонажи.

Заявка на статус кандидата в рамках общественного института и профессиональной группы выявляет первые противоречия, с которыми необходимо справиться: вступительные собеседования, и другие разнообразные виды деятельности, подразумевающие оценивание со стороны преподавателей, членов сообщества, будущих коллег.

Начало обучения теории, участие в семинарах вызывает новые сложные ситуации. Структура функционирования институции стремится к предотвращению искажений и заторов в аналитическом процессе, которые, тем не менее, происходят. Например, рекомендуется не посещать семинары, проводимые личным аналитиком кандидата. Существуют и другие неизбежные неудобства: в процессе теоретической подготовки кандидаты могут испытывать дискомфорт от ощущения, что они являются подопечными. Во многих случаях кандидаты отмечают, что их инфантилизируют и они чувствуют себя школьниками, тогда как они уже взрослые, многие из них социально и профессионально реализовались в жизни. И они с чувством несоответствия воспринимают эту временную роль. Общение с «однокурсниками» по психоанализу может подпитывать неожиданные чувства ревности, зависти, соперничества и/или вызывать нарциссическую боль.

Третий из столпов обучения психоаналитической клинической технике и мышлению — супервизия, также может стать источником нежелательных затруднений, которые должны быть учтены и сведены к минимуму посредством институции настолько, насколько это возможно. Сеттинг, о котором я говорила ранее, меняется: это не какой-то новый или другой личный анализ (хотя в некоторых случаях

он может становиться таковым, однако это нежелательный «съезд с рельс»). Не удивительно, таким образом, что рекомендуется продолжение личного анализа в период прохождения супервизий — по крайней мере, на первых этапах супервизирования практики.

Супервизия, как педагогический и обучающий процесс, направлена на то, чтобы супервизор и кандидат вместе разгадывали способы функционирования пациента (аналитиком которого является кандидат) и самого аналитика (кандидата), посредством определения и рефлексии переноса, контрпереноса и его слепых пятен, технических и теоретических способов понимания аналитического процесса и действия согласно технике психоанализа. В сущности, это сеттинг, определяющий новые отношения, опять таки институционализированный и оформленный в соответствии с требованиями.

Большинство психоаналитических сообществ, особенно в Европе, в том числе и Румынское Психоаналитическое Общество (RSP), неохотно вовлекают кандидатов в административную деятельность, с тем, чтобы отграничить обучение и практику от участия в деятельности Сообщества, и таким образом исключить возможные пересечения, которые возникают во время тренинга.

3. Отношения между психоаналитиками, коллегами, членами одного профессионального сообщества имеют свои особые проявления. Если не акцентировать внимание на каждом в отдельности, я бы хотела упомянуть следующие: во-первых, дискомфорт свойственный функционированию внутри сообщества, которому присущи ограничения на удовлетворение личных влечений, и следует отметить конфликт, возникающий из-за размытия индивидуальности и ее свободы в пользу группы/институции/правил.

Независимо от того действуют ли эти правила на большинство или касаются вас лично, вообще или в данной конкретной ситуации, напряжение обусловлено еще и тем, что волей-неволей психоаналитики являются частью одной большой семьи, и, как и в семье, институциональная

рамка способствует регрессии. Профессиональное товарищество, более глубокое, чем в любом другом сообществе (благодаря обмену бессознательным), подавляет значимые эмоции — некоторые из которых архаичны, другие — актуальны. Отношения между членами сообщества приобретают значение подобное инцесту / эдипову комплексу: чем более они нагружены, тем более бессознательны и менее символизированы. Также может возникнуть нарциссический тайный сговор со своим аналитиком / супервизором, неразрешенный перенос, предательство и слепые пятна, которые всплывают и отражаются в процессе личного анализа — все это может, подобно раздражающим занозам, надолго остаться и проявляться в будущем в самых неожиданных, но схожих ситуациях.

Также я упомянула бы идею, сформулированную Паоло Фонда (Paolo Fonda, 2005), относящуюся к «комплексу прародителей» и противоположному ему «комплексу Адама», на который ссылается Дзамфиреску (V. Zamfirescu, 2014, RSP). Оба этих комплекса, как возможно и другие, менее различимые и едва уловимые, неограниченно и с неожиданной силой вмешиваются в отношения, ставят под вопрос функционирование в группе и работу самой группы и порождают разногласия и столкновения по вопросу о том, что является идеальным анализом. Предполагается, что аналитик все это знает, понимает и может разрешить. Одним словом — преодолеть.

Также предполагается, что группа аналитиков — это группа равных, терпимых друг к другу мудрецов, все понимающих в себе и других. Группа, в которой исключены ошибки, по крайней мере, серьезные. Но, все не так, как должно было бы быть. Фрейд проводил анализ этих связанных с психологией личности и группы аспектов, ссылаясь на то, что влечение к разрушению и уничтожению Других находится в постоянном взаимодействии со стремлением к Эросу, соединению и объединению, «эта битва не имеет окончательного победителя» (Freud, 1932).

Аналитический сеттинг распространяется и на область институциональных рамок, и с этим трудно справиться с тех пор,

как границы между ними перестали быть строгими. Рамка функционирования группы предоставляет пространство для проявления регрессивных эдипальных конфликтов: ассиметрии присущей личным отношениям, родственным связям и секретам. В равной степени сеттинг способствует подражанию, соревновательности, обмену, конструктивной конкуренции и творчеству. Как и в случае обладания любой силой, способ ее использования обусловлен целью.

4. Профессиональные отношения между психоаналитиком и гражданским обществом. Реальность, вошедшая в историю, такова, что психоанализ не получил теплого общественного приёма, несмотря на то важное влияние, которое он оказал на общество и то, что он фактически способствовал метаморфозе ментальности.

«Чума», — так описывает Фрейд влияние психоанализа, говоря о непрощительном нарциссическом оскорблении, которое он нанес, выявив тьму бессознательного и тот факт, что «мы не хозяева в собственном доме», что означало нечто большее чем беспокойный, неудобный, удивительный и освободительный процесс раскрытия самого сердца частной жизни. Это означало появление новой науки, предмета исследования, все более разрабатываемой методологии, рабочих гипотез, и в особенности все больше изменений в жизни людей. И все это — профессионально, по задумке без директивности, убеждения, злоупотреблений и оскорблений.

Фрейд понимал психоанализ как науку: наблюдение похожим образом структурированных продуктов бессознательного, с их манифестным содержанием, скрывающим и одновременно обнаруживающим латентные содержания полные смысла, что позволило ему заявить о революционной и оригинальной перспективе континуума между нормой и патологией, обыденной жизнью и ее связью с патологией. Новый подход, начавшийся с количественных, но не с качественных характеристик, привел его к концепции психоанализа как науки, в которой предметом изучения стал психический аппарат человека и его сложная структура, метод и цель.

ВЫБОР МЕЖДУ ЭРОСОМ И ТАНАТОСОМ ИЛИ ДИНАМИКА ЭРОСА/ТАНАТОСА? ПАРАДИГМА ИНСТИТУЦИИ МЕЖДУ ВЛЕЧЕНИЕМ И ПРОЦЕССОМ

Психоаналитики посвящают себя профессии, исследованию, желанию понять душу человека и помочь друг другу, поэтому они вместе.

Поставить профессию на службу человеку и обществу означает институционализировать ее. Есть аргументы и причины для установления рамок, правил, институций, в том числе мной неупомянутые. Я склона думать, что по мере нашего развития и эволюции, мы естественным образом принимаем такое положение вещей, под влиянием культуры и жизни рядом с другими — и то и другое ориентировано на расширение и увеличение союзов. И все же...

История человечества в целом и психоанализа в частности показывает те трудности, с которыми мы сталкиваемся собираясь и функционируя вместе, рядом с другим, в обществе, разделяющем одни цели, перипетии и различия.

Конфликты, соперничество, непримиримые противоречия и размыты границы являются, к сожалению, доказательством того, что даже будучи обученным понимать эту динамику, человечество остается, по словам Фрейда, «животной ордой» (Freud, 1921, p. 87).

Сущность группы в существующих в ней либидинальных узах. В «Недовольстве культурой», Фрейд говорит о внутренне присущей психике человека агрессивности, отмечая, что перед лицом этого первичного бедствия, общество постоянно находится под угрозой катастрофы. Деструктивные влечения, в паре с Эросом, «нарушают наше отношение к соседу», влечения страстей всегда сильнее рациональных интересов. Однако в отношении группы Фрейд замечает терпимость, с которой общество относится к конфликтам и конкуренции, добавляя, что «оппозиция — это не обязательно вражда; она просто неправильно используется и служит поводом» (Freud, 1932, p. 212). В организованной группе, защиты против агрессивности (порождаемые

не конкретной опасностью, в том числе реальной, а снижением эмоциональной связи между членами, как утверждал Фрейд) принимают формы бюрократии и идеологии (Kernberg, 1998).

Исаак Ньютон сказал: защищая себя «мы строим слишком много стен и недостаточно мостов». Я нахожу эту идею применимой к обсуждаемой теме.

Институтция, как любая согласованная рамка (также как в терапии и тренинге, что обсуждалось выше), означает договоренность, понимание, альянс. Уровней взаимодействия может быть множество: аффективные, когнитивные, связанные с действием, мотивационные. Существует также и множество «уровней реальности» в отношениях (Modell, 1990, p. 2): альянсы / бессознательные взаимодействия / истинные отношения. Если в отношениях терапии главным стержнем является бессознательный аспект (трансфер / контртрансфер) взаимоотношений между протагонистами, в институциональных отношениях акцент делается на реальных, сознательных, рациональных характеристиках (валентностях), отношениях взрослых людей, совместно построенных на сотрудничестве.

Такая сложность, сознательно признаваемая (членами группы, разделяющими общую профессию), или порой, наоборот, «безжалостно» принимаемая (как сказал бы J. Benjamin), может привести к тому, что «наблюдение» становится «осуждением», и тогда сообщество рискует стать скорее преследующим, чем поддерживающим (Meissner, 2006).

Взаимная идентификация членов группы — важная форма эмоциональных связей внутри групп (как упоминал Фрейд и другие после него), которая в период обучения практикуется в несимметричных в начале, но потом все более симметричных, отношениях с коллегами, может со временем создать достаточную симметрию и равенство между ними, что предотвратит «идеализацию и подчинение» третьей стороне, будь то человек или идея.

В противном случае, есть риск самоуничтожения и саморазрушения (J. Benjamin, 1995) и страдания как на индивидуальном так и на групповом уровне.

Психопатология присутствует в обыденной жизни каждого. В отношениях с другими она проявляется в борьбе за власть и соперничестве, от которых не застрахована ни одна группа, ни у кого нет к ним иммунитета, так как они первичны.

Симметричный диалог позволяет каждому человеку, занимающему место в группе и выполняющему в ней функции, отвечать с позиции, в которой понимание и щедрость являлись бы результатом возможной эмпатии.

Но как я уже говорила, это был бы / есть один из развитых, зрелых уровней взаимодействия. Не будем забывать о психической реальности, которая состоит в том, что развитие институции определяется частичным разрушением нарциссизма состоящей в ней личности. Что каждому из нас не всегда легко осознать или принять.

Колебания между любовью и ненавистью — постоянный вызов, как интрапсихически, так и (в усиленном виде) внутри группы. Даже находясь под присмотром, влечение прорывается, конфликтно или смешанно, и его не всегда легко сдерживать. Таким образом, возможно более чем в каком-либо другом сообществе, люди, вовлеченные в психоаналитические институции и психоанализ подвержены повышенному риску «возвращения в джунгли» и «токсичные» отношения, из-за сильного бессознательного сопротивления, «которого никому не избежать», из-за постоянного самоисследования, т. е. самой сути психоанализа (Waelder, 1960).

Психопатология присутствует в обыденной жизни каждого. В отношениях с другими она проявляется в борьбе за власть и соперничестве, от которых не застрахована

ни одна группа, ни у кого нет к ним иммунитета, так как они первичны.

ЕСЛИ МЫ ЧАСТЬ ПРОБЛЕМЫ, КАК МЫ СМОЖЕМ СТАТЬ ЧАСТЬЮ ЕЕ РЕШЕНИЯ?

Разрыв «психической монады» (Castoriadis, 1972) ведет к тому, что человек переходит от индивидуальной позиции к социальной. Это обязательное условие социализации психики и главное требование для основания социальных институций.

Точка зрения, которую я бы хотела обсудить не оригинальна, но представляется достаточно ценной, чтобы ее принять, и связана с темой (психоаналитической) институции и профессиональной группы.

Отправная точка в моей аргументации основана на следующих наблюдениях.

Все работы Фрейда посвящены дуалистической и конфликтной перспективе, фрейдистская теория влечений выводит на первый план, как прототип, динамику постоянного конфликта Эроса и Танатоса. Исключение составляют две концепции не построенные по принципу диады, но также являющиеся фундаментальными в работах Фрейда: Эдипов комплекс, по определению тройственный (треугольный), и представление о трех инстанциях психики (Ид, Эго, Супер-эго).

В письме «Неизбежна ли война?» Фрейд подкрепляет свои рассуждения на эту тему: «речь идет, собственно говоря, лишь о теоретическом прояснении общеизвестного противопоставления любви и ненависти — противоположность, восходящая, вероятно, к более древней полярности притяжения и отталкивания, с которой вы сталкиваетесь в вашей области. [...] Каждый из этих инстинктов так же необходим, как и его противоположность, и все явления жизни происходят из их реализации, независимо от того, действуют ли они согласованно или противоположно».

Второе утверждение, необходимое для построения перспективы обсуждаемой темы — утверждение, выдвинутое Фрейдом, согласно которому проблема не может быть решена на том же уровне, на котором возникла. Я бы также обратилась к принципу эмоционального резонанса

и ритмичности (Sandler, 2002), который Ричардс (Richards, 1999) определил как основу когерентности взаимодействий с другими и во внутреннем функционировании.

Не говоря уже о концепции Биона о «валентности», которая используется для выражения мгновенной способности объединять людей, делиться друг с другом и действовать сообща. Принимая во внимание все это, а также идею «третьей стороны», я осмелюсь сформулировать следующие соображения, сочетающие институциональную перспективу и перспективу отношений (последнюю в значении объектных отношений, или в значении обмена между двумя субъективностями).

ЯВНОЕ И / ИЛИ НЕЯВНОЕ: ИНСТИТУЦИЯ, КАК ТРЕТЬЯ СТОРОНА

Начну с упоминания точки зрения Эйзolda (Eisold), который в статье 1994 года говорит, что психоаналитики, как правило, презирают институциональную жизнь, потому что они занимаются своей практикой в одиночку и склонны к объединению со своими аналитиком и супервизором, теорией, но не с институцией», [...], «в такой ситуации расколотость становится единственным удобным решением, но любой раскол имеет личные и специфические особенности, соответствующие историческому моменту — ведь в любом случае поставлен на карту жизненно важный элемент».

Наличие внутреннего противоречия между стремлением к расколу и потребностью в объединении само по себе поддерживает либидинальный обмен и динамику, необходимые для жизнеспособного существования специалиста, особенно когда происходит постоянное чередование данных стремлений и на первый план выходит то одно, то другое. Другими словами, сохранение напряжения, возникающего из-за различий, помогает создавать символическое пространство для третьего (Kernberg, 1998). В идеале такая пара разнонаправленных сил могла бы функционировать вечно. Но их взаимозависимость скорее похожа на принудительную, каждая сила удерживает другую на ее орбите, действие, инициированное одной,

вызывает ответную реакцию у другой. И рано или поздно, это загонит нас в тупик (Mendhelsohn). Первоначальное напряжение, движущую силу этого процесса, будет невозможно наблюдать, обрабатывать, опосредовать и противоположности исчезнут.

В связи с этим мы приходим к принципу «око за око», который основан на расщеплении. Проблема тем самым «декомпенсируется». Взаимодополняющие дуальности определяют свои позиции в общей явной асимметрии, и за этим следует разрыв. Либо они находят равнозначные позиции, «зависают» как в движении на качелях с ограниченным размахом колебания, что устанавливает предел новым формам обмена и свободам.

В любой из двух ситуаций со временем неизбежно возникает необходимость найти новый баланс. Как стена тупика, разрыв или зависание, в отношениях слабая сторона будет искать решение в другом месте, независимо от того имеет ли она внутреннюю или внешнюю поддержку. В упомянутой дуальной парадигме, третья сторона всегда будет искомым «медианой» равновесия, что признается многими психоаналитиками.

Относительно новое понятие (несмотря на то, что оно обнаруживается еще в работах Фрейда), «третий» (более конкретно: «аналитический третий») участник «триангуляции» и пространства, в теории широко рассматривался как «объект» или как новый элемент отношений, существующий в символическом регистре. Он способен сам по себе создавать дополнительное информационное содержание, которое необходимо для выхода из инфляции, порождаемой дуальностью. Призванная «третья сторона», создавшая новое пространство триангуляции, оставляет место для «шага в сторону» от сдерживающих сил, обусловленных двойственностью несбалансированных влечений: монополизующих, обособляющих, интимных и глубоко эмоциональных. Если, как отмечает Эйзольд (Eisold, 1994), «факт обособленности на уровне индивидуальной психопатологии приводит к отторжению реальности [...], на групповом уровне

происходит разрушение сообщества». Триангулярное пространство дает пространство для мышления, возможность ментализации, возникающих не из непреклонного абсолюта, синтетически и довольно грубо формулируемого как «Я-Ты» («I-You»).

Третья сторона открывает новую перспективу, означающую новый уровень свободы, значительно менее диктаторский, чем прежний. Пирс (Pierce, 1931), которого Грин цитирует в своей статье 2004 г, определяет эту третью позицию как изменение порядка, так как только из перспективы третьего могут появиться новые смыслы и обдуманы новые обобщения.

Фрейд говорит о «смещении либидо», которое допускает наш психический аппарат, и благодаря которому его функционирование приобретает гибкость. Сместить внешние инстинктивные цели с тем, чтобы они не были фрустрированы, означает включить зрелые психические процессы и соответствующие им защитные механизмы (сублимация).

Опираясь на эти высказывания, я попытаюсь изложить свою точку зрения по данной теме: независимо от того, принадлежим мы или нет к какой-либо идеологии, все мы совершаем открытия и приобретаем знания в большом приключении нашей жизни. Это глубоко личный, индивидуальный и уникальный процесс.

Внутренние импульсы, которые толкают нас к нему, также неумолимо, подобно колебаниям маятника, влекут нас в другую сторону, где мы встречаем другого индивида, похожего на нас, но иного, и он становится репрезентацией «ближнего горизонта», который может быть достигнут в жизни полной неизвестности.

Если мы поддерживаем парадигму Эроса, который влечет нас к «эмоциональным связям», задавая движение к «Другому, отличному от нас», то движение в сторону идентификации себя с другими будет иметь тенденцию подниматься до верхних пределов боли, которая порождается сильным слиянием с другими в пространстве Я-Ты. Тревога потери Ид (Танатос) вернет нас обратно к нашему собственному Ид, обновленному и благодаря этому снова

желанному, на некоторое время. Поэтому движение любви между Я-Ты, колеблется между двумя психическими процессами: эмпатией к другому и саморефлексией.

Я не рассматриваю это колебательное движение как созданное/центрированное/поддерживаемое извне (неважно насколько далеко они отойдут от возможной точки опоры). Мне такое колебание представляется как самогенерирующееся и самосохраняющееся в обмене между Я-Ты, той самой третьей стороной, необходимой для динамики без декомпенсации, присутствующей в способности субъекта (и его процессов) быть внутренне текучим и не сдерживать себя, не быть «приклеенным» к какому-либо состоянию или объекту, который закликает процесс в петлю.

Насколько я понимаю, это то, что Джессика Бенджамин (Jessica Benjamin, 2004) называла «зрелым третьим», «третьим в одном». Я также думаю, что озабоченность Фрейда процессом, а не его содержанием тоже относится к этому явлению (Richards, 1999). На мой взгляд, это могло бы стать желаемым горизонтом развития в работе психоаналитиков, разделяющих общие научные и терапевтические цели. «Третий» представляет собой высшую способность ума (Green, 2004) и служит посредником между Я-Ты, без исключений — единственный применимый третий, по определению лишь тот, который может быть разделен обеими сторонами.

Следовательно, необходимой предпосылкой для появления «третьего» является реальность континуума Я-Ты. Этот процесс представляет собой выход из «центра субъективности Я» в равнозначный «центр субъективности Ты» в поисках удовлетворения влечения, которому покровительствует Эрос, присутствующий во врожденном либидо. Он (процесс) основан на любознательности и способности индивида к сотрудничеству («валентности») и запускает идентификацию с обнаруженным в своей субъективности Другим. Идентификация осуществляется на пределе боли от потери собственной идентичности, с последующим восстанавливающим нарциссизм возвратом к Ид, интроекцией, результатом чего становится отделение от Другого.

Необходимой предпосылкой для появления «третьего» является реальность континуума Я-Ты. Этот процесс представляет собой выход из «центра субъективности Я» в равнозначный «центр субъективности Ты» в поисках удовлетворения влечения, которому покровительствует Эрос, присутствующий во врожденном либидо.

Затем процесс, который можно представить в виде спирали, неизменный с точки зрения динамики, но содержащий отличное от предыдущего сознание идентичности, повторяется.

Процесс может быть довольно активным, если происходит между двумя субъективностями и еще более активным, если они равны между собой с точки зрения психической зрелости.

Я думаю, это основа гражданских ценностей, выраженных в желании понимать/помогать/делиться и участвовать в группе: каждый достаточно слит с другим или со значительным количеством Других, чтобы эмпатия имела не только теоретический, но и «органический» смысл (Freud, 1932, p.217).

Во взаимодействии с Другим имеет значение интрапсихическая позиция в обсуждаемой парадигме. Опознаваемый в производной функции (аналитический сеттинг, отношения с коллегами и гражданским обществом) «третий» может также рассматриваться как имплицитный (не явный), как предполагаемый интерсубъективной перспективой, то есть не как пространство/

объект, фиксированный в определенном содержании (каким бы оно ни было), но в самом течении либидо, обладающем динамической способностью к «устремлению». Моя гипотеза состоит в том, что настройка эксплицитного (явного) уровня (относящегося к объекту) с имплицитным (относящимся к процессу) в репрезентации третьего, транспонированная в контексте психоаналитического универсума, могла бы изменить парадигму рамки функционирования группы.

Напомню, что Эйзольд (Eisold, 1998) сказал, когда говорил о профессиональном авторитете психоанализа и психоаналитиков: «он может быть основан не столько на том, что мы думаем и говорим, сколько на том, что знаем. И не столько на знаниях, которые мы освоили, сколько на нашей способности не знать, и не понимать и на нашей желании думать иррационально». Но когда мы это делаем, заключает он, «мы должны быть готовы взглянуть на нашу собственную институтцию иррационально и работать над восстановлением нашего сообщества».

Способность быть эмпатично любопытными и готовыми к саморефлексии оставляет пространство для открытой системы, пребывающей в трансформации, живой и динамичной. И за это каждый из нас несет ответственность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как упоминалось выше, психоаналитическая клиническая практика существенно отличается от любой другой психотерапевтической практики строгостью правил. Это не было самоцелью, но следствием, напрямую вытекающим из особенности аналитических отношений, как и самого психоанализа. Во всем мире психоаналитики следят за тем, чтобы эти строгие правила были поняты и приняты каждым из них. И это не про догму, но про рациональность, и я бы даже сказала, научность. Только хорошо выстроенная внутренняя и внешняя рамка и ее правильное поддержание превращают работу с неосознанными, смутными психическими силами в профессиональную и поддающуюся качественной оценке деятельность.

Нынешнее непринятие психоанализа другими методами психотерапии основано на том, что ему приписывается малое количество научных исследований о результатах. Но это не означает, что таких результатов не существует или они не могут стать предметом научного исследования. Исследования пока просто не были сделаны, хотя, несомненно, нашли бы свое применение и, я смею думать, без сомнений будут сделаны в будущем.

Я согласна с изложенными в литературе мнениями (Kernberg, Francois-Poncet, Green и др.), что психоанализ способен обрести свою клиническую, педагогическую и институциональную зрелость как наука: то, что в самом начале мыслилось как новая наука, часто воспринималось и практиковалось как искусство, как исследовательская лаборатория... и оно должно сделать шаг в зрелость навстречу к научным горизонтам.

Психоаналитическая институция (насколько это возможно) должна освободиться от магии, политики, и эмоционального возбуждения, с тем, чтобы в высшей степени приобрести природу, соответствующую его роли в передаче знаний и практики.

Свобода имеет смысл, когда помещена в четкие рамки, чтобы не превратиться в хаос под властью сил мощных и трудно сдерживаемых. На деле, в каждом отдельном случае психоанализа свободные ассоциации дают полную свободу, личную и уникальную. Не будем забывать, однако, что эта свобода имеет заранее установленный гарант — сеттинг. Если, полагаясь на Фрейда и наш практический опыт, разница между нашей практикой и повседневностью лишь количественная, то мы можем передавать психоанализ как профессию и как науку посредством институции, которая станет областью контакта и взаимодействия клинической практики и мира, т.е. чисто научным институтом.

Я бы сравнила эффект, который произвели открытия современной физики на классическую физику Ньютона, с изменениями в мировоззрении человека, которое принесло постулирование бессознательного в психике человека, предложенное Фрейдом и положенное в основу

психоаналитического подхода к клинике и культуре.

Благодаря первым произошла революция в представлениях человечества о внешней Вселенной, а благодаря вторым изменились представления о внутренней, психической.

Несмотря на множественные сопротивления и колебания, неоднозначные смешения реальностей, между которыми границы порой оказываются лишними, если бы не открытие бессознательного, представления о мире были бы другими, и мы были бы другими.

Чтобы иметь возможность донести до вас эти размышления, и чтобы я, мои коллеги и наши гости могли внести в это свой вклад, я воспользовалась поддержкой профессиональной институции — Румынского Психоаналитического Сообщества. ■

БИБЛИОГРАФИЯ

1. ALEXANDROV, H., CHICHEK, R. (2005). Pathological Consequences of Abused Socialism. *Organ. Soc. Dyn.* 5:91-110.
2. ARNOLD, D.R. (1999). A. A. Brill and the Politics of Exclusion. *J. Amer. Psychoanal. Assn.* 47:9-28.
3. BERNFELD, S. (1962). On Psychoanalytic Training. *Psychoanal. Q.* 31:453-482.
4. BENJAMIN, J. (2004). Beyond Doer and Done to: An Intersubjective View of Thirdness. *Psychanal. Q.* 73:5-46.
5. BION, W.R. (1961). *Experiences in Groups and Other Papers.* London. Tavistock. pp. 98-115, 166-190.
6. EISENBERG, A.M. (1997). Institutional Countertransference: The Matrix of Social Structure and Psychic Structure. *J. Amer. Acad. Psychoanal.*, 25:237-254.
7. EISOLD, K. (1994). The Intolerance of Diversity in Psychoanalytic Institutes. *Int. J. Psycho-Anal.* 75:785-800.
8. EISOLD, K. (1998). The Splitting of the New York Psychoanalytic Society and the Construction of Psychoanalytic Authority. *Int. J. Psycho-Anal.* 79:871-885.
9. FONDA, P. (2005). The progenitor's syndrome. Paper sent to PEEIs members on the occasion of New Year.
10. FRANÇOIS-PONCET, C.M. (2006). Une

- institution peut-elle être psychanalytique? *Rev. Fr. Psychanal.* 2006/4 Vol. 70, p. 1003-1013.
11. FREUD, S. (1913). Totem and Taboo. *SE*, vol. XIII, pp.100-161.
 12. FREUD, S. (1915). Observations on Transference-Love. *SE*, vol. XII, p.151-171.
 13. FREUD, S. (1921). Group Psychology and Other Works. *SE*, vol. XVIII, pp 65-144.
 14. FREUD, (1930 [1929]). Civilization and its discontents. *SE*, vol. XXI, pp.59-63.
 15. FREUD, S. (1933 [1932]). Why war? *SE*, vol. XXII, pp. 203-218.
 16. GREEN, A. (2004). Thirdness and Psychoanalytic Concepts. *Psychoanal Q.*, 73:99-135.
 17. JURGE, R. (2004). Hate and Love in Psychoanalytical Institutions. The dilemma of a Profession. Other press, New York. 108 The institution — the necessary third party that changes the paradigm of the functioning framework in the professional group
 18. KERNBERG, O.F. (1998). Ideology, Conflict and Leadership in Groups and Organizations. *Yale University Press.* p.25-44, 107-110, 224-261.
 19. KERNBERG, O.F. (2006). Le divan à la mer: la psychanalyse des organisations, *Revue française de psychanalyse.* No. 4 Vol. 70, p. 919-932.
 20. KERNBERG, O.F. (2010). A New Organization of Psychoanalytic Education. *Psychoanal. Rev.* 97:997-1020.
 21. KERNBERG, O.F. (2010). A New Organization of Psychoanalytic Education. *Psychoanal. Rev.* 97:997-1020.
 22. KERNBERG, O.F. (2004). Discussion: Problems of Power in Psychoanalytic Institutions. *Psychoanal. Inq.* 24:106-121.
 23. LEVINE, F.J. (2003). The Forbidden Quest and Slippery Spole: Roots of Authoritarianism in Psychoanalysis. *J. Amer. Psychoanal. Assn.* 51S:203-245.
 24. MEISSNER, W.W. (2006). Finding and Refinding the Therapeutic Alliance: On Thinling and Thirds. *J. Amer. Acad. Psychoanal.* 34:651-678.
 25. MODELL, A.H. (1990). Other times, other realities: Tward a theory of psychoanalytic treatment. Cambridge, MA: Harvard University Press.
 26. OGDEN, T.H. (1994). The Analytic Third: Working with Intersubjective Clinical Facts. *Int. J. Psychanal.* 75:3-19.
 27. OGDEN, T.H. (2005). Le tiers analytique: les implications pour la théorie et la technique psychanalytique. *Rev. Fr. Psychanal.* 2005/3 Vol. 69, p. 751-774.
 28. RIBAS, D. (2006). Institution thérapeutique, sclérose des institutions: quels destins pulsionnels? Un désaccord avec Benno Rosenberg. *Rev. Fr. Psychanal.* 2006/4 Vol. 70, p. 1109-1123.
 29. ROTHSTEIN, A. (1980). Psychoanalytic Paradigms and their Investment. *J. Amer. Psychoanal. Assn.* 28:385-395.
 30. SANDER, L. (2002). Thinking differently: principles of process in living systems and the specificity of being known. *Psychoanal. Dial.* 12(1):1142.
 31. SEMI, A.A. (2006). Filiation, développement théorique, éclipse de l'individu. *Rev. Fr. Psychanal.*, 2006/4 Vol. 70, p. 987-1002.
 32. SHER, M. (2009). Splits, Extrusion and Integration: The Impact of «Potential Space» for Group Relations and Sponsoring Institutions. *Organ. Soc. Dyn.* 9:138-154.
 33. WAELDER, R. (1960). *Basic Theory of Psychoanalysis.* New York: International Universities Press.

Наблюдающий участник в психотерапевтической клинике

Автор выстраивает статью на основании двух направлений работы с Робертом Хиншелвудом — больница Кассел и исследование, проведенное методом активного наблюдения. Будучи одновременно наблюдателем и сотрудником одного конкретного медицинского (психотерапевтического) учреждения, он показывает возможность более сбалансированного формата работы, дающего возможность понять, как функционирует организация на всех уровнях, а также выявляющему конфликты между этими уровнями (вместо того, чтобы быть поглощенным ими). Он описывает кризис в его отделении, а также другие организационные структуры, причастные к возникновению этого кризиса, и способы взаимодействия с ним.

Вильгельм Скогстад

[об авторе](#)

Переведено и издано с разрешения автора и British Journal of psychotherapy

Перевод с англ. Тармогиной Т.А.

ВСТУПЛЕНИЕ

Боб прошел много разных, но взаимосвязанных друг с другом путей своей профессиональной деятельности. Он часто вовлекал в работу других специалистов, поддерживая и вдохновляя их, но также творчески используя их вклад. Я присоединился к Бобу на некоторое время по двум направлениям: одно — в качестве консультанта в больнице Кассел, когда Боб был там клиническим директором; совместно мы написали работу (Хиншелвуд&Скогстад, 1998), которая привела к дальнейшему созданию моих собственных трудов (Скогстад, 2001, 2006). Другое направление — это исследовательский проект Боба, в котором стажеры в области психиатрии и психотерапии исследовали психиатрические и другие лечебные учреждения под его руководством. Я работал над исследованием клинического отделения (Скогстад, 1997) и вместе с Бобом создавал книги «Наблюдая за организациями» (Хиншелвуд&Скогстад, 2000). Мой вклад в эти работы заключался в расширении угла зрения по этим направлениям.

В нашей книге мы открыли научный диспут на тему, как будучи активным наблюдателем функционирования организации и анализируя ее культуру и динамику

с этой удаленной позиции можно помочь стать тем, кого мы называем «наблюдающим участником». Под этим мы подразумеваем непосредственную работу в этой организации со всей ее сложной динамикой и одновременно способность «думать в большей степени, чем быть под давлением» (Хиншелвуд&Скогстад, 2000, р.26). Я хотел бы поделиться впечатлением о том, как, будучи консультантом больницы, я пытался и участвовать в работе больницы, занимая лидирующую позицию, и одновременно наблюдать за этими процессами.

ЛЕЧЕБНОЕ ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ И ЕГО ВНУТРЕННИЕ ТРЕВОГИ

Больница Кассел представляет собой более сложно организованное учреждение, чем большинство лечебно-терапевтических организаций (Хиншелвуд&Маннинг, 1979). Лечение пациентов проходит на нескольких уровнях: в индивидуальной терапии, в маленьких группах по 2-3 участника в сопровождении младшего медицинского персонала, в терапевтических группах по 5-8 человек, в расширенных — до 15 человек из отделения и в больших группах, где принимают участие все пациенты больницы. Подобным же образом организуется работа с медицинским персоналом: проводятся индивидуальные супервизии, супервизии малыми группами отдельно для терапевтов и медсестер, совместные группы; также организуются отдельные собрания по командам и компетенциям, плюс еженедельно проходит общее собрание для всего персонала клиники.

Структурно клиника представляет собой несколько отделений. В недавнем прошлом это было 3 отделения: взрослое, подростковое и семейное. С недавнего времени — только 2: объединённое отделение взрослое и подростковое, которое возглавлял я, и семейное отделение. Больница относится к Фонду Национальной Службы Здравоохранения, который в свою очередь также обладает собственной динамикой и процессами. В моей работе в качестве руководителя стационара мне необходимо было быть в курсе работы всех этих уровней. Если я бы ограничивался только

отношениями пациентов с терапевтами, я бы упускал важные элементы, всплывающие в отношениях с младшим медицинским персоналом, старшим медицинским персоналом или непосредственно со мной. Если я бы смотрел только за сотрудниками клиники, я бы не замечал очень важную часть, касающуюся установлению приятельских отношений с пациентами. Если я бы фокусировался на пациентах, проходящих индивидуальную терапию, я бы упускал групповую динамику. А если я бы уделял все свое внимание только пациентам, то мимо меня проходила бы динамика, формирующаяся внутри коллектива больницы.

Важным фактором, вызывающим большую тревогу и оказывающим значительное влияние на работу клиники Кассел, является смерть — в широком понимании: умирание самой клиники и смертность среди пациентов. Закрытие Касссела стало угрозой в 1990 (Кеннеди, 2002), которая с тех пор еще несколько раз повторялась — три года назад, когда пришлось существенно сократить коечный фонд, и два года назад, когда закрыли госпиталь Хендерсон. Кончина пациентов всегда вызывает сильное волнение. Многие пациенты время от времени проявляют серьезные суицидальные намерения. За 16 лет работы в Касселе произошло 3 самоубийства (последнее всего два года назад) и предпринято много попыток. Мы часто реагируем на такие тревожные события рефлексивно, и в какой-то момент они становятся очень тяжелыми, подрывающими адекватное мышление и поведение мед персонала; в некоторых случаях игнорируется серьезность, опасность таких явлений. Эти явления и реакции на них очень взаимосвязаны — в результате регулярно совершаемых попыток атрофируются чувства медицинского персонала, а в результате такой статистики возникает риск закрытия самой клиники.

ОТ СТАБИЛЬНОСТИ ДО РАССТРОЙСТВ

Все наши пациенты обладают психопатологиями и пережили серьезные психотравмы: абьюзы, пренебрежения, попытки суицида и самоповреждения, личностные расстройства. И все это должно

быть исследовано и проработано — индивидуально или в группах. Для некоторых пациентов терапия становится слишком тяжелой, они покидают клинику и бросают лечение. До недавнего времени у нас была очень стабильная ситуация — целый год без рецидивов. В моем сознании я связал это спокойствие с хорошим рабочим альянсом, который установился у меня со старшей сестрой отделения Сандрой. Пациенты очевидно воспринимали нас как заботящуюся, крепкую родительскую пару. Они это наглядно продемонстрировали на концерте, который традиционно проходит в клинике в канун Рождества. На праздничном мероприятии пациенты представили свою версию инсценировки «12 дней Рождества». В стихах пьесы прозвучали фразы «2 звонка от Сандры утром, чтобы проснуться» и повторяющаяся рифма «Сэр Скогстад планирует встречу с вами».

И поэтому, когда Сандра объявила об уходе, это стало настоящим ударом для пациентов и лично для меня. Мы, сотрудники клиники, были в курсе ее предстоящего ухода и были уверены в нашей готовности продолжать работать так же хорошо и стабильно, как мы это делали раньше. Пациенты были очень тронуты этой утратой и устроили ей теплое прощание, при этом не проявляя сильного беспокойства.

Однако уже на следующей недели начали происходить очень странные вещи. Настроение пациентов внезапно обострилось и стало деструктивным, что застало меня врасплох. В течение последующих недель у нескольких молодых больных возобновилось аутоагрессивное поведение; некоторые подростки покидали госпиталь и напивались за его пределами или приносили алкоголь в клинику, а однажды одна семнадцатилетняя девушка предприняла попытку задушить себя очень необычным образом. Трех подростков мы были вынуждены поместить в отделение острой терапии: одна девочка снова стала слышать внутренние голоса, приказывающие ей обижать детей, у двоих других усилились суицидальные намерения. А однажды на выходных две девочки-подростка вышли за пределы клиники, взяли у незнакомца наркотики и занялись с ним сексом.

Группа молодых людей развлекались тем, что размещали уничижительные картинки на Фейсбук странице другого мальчика. В терапевтической группе подростков наблюдалось сильное возбуждение, сопровождающееся жестокими нападениями на терапевта. Очевидно, что деструктивное сознание, лежащее в основе гангстерской культуры, вышло из-под контроля и получило развитие среди молодого состава пациентов. Взрослые пациенты также сильно жаловались на это.

ИССЛЕДУЯ И АНАЛИЗИРУЯ ДИНАМИКУ

Как нам следует понимать эту целую волну разыгрывания и проявления гангстерской культуры? Было ли это все лишь совпадением, вызванным индивидуальными проблемами пациентов? Была ли это коллективная реакция на уход старшей сестры? Или же это было проявлением более сложной групповой динамики?

Безусловно индивидуальные проблемы пациентов были привнесены в эту ситуацию, этого нельзя отрицать. Подросток по имени Андреа, который был уличен в выпивке и самоповреждении, в детстве переживал сильное пренебрежение со стороны родителей, которые только претворялись заботящимися, и эта пережитая травма несомненно актуализировалась у Андреа, когда ушла Сандра. Другая пациентка, Беатрис, которая пыталась задушить себя, пережила сильное потрясение, связанное с внезапной смертью ее бабушки; Беатрис была очень чувствительна к утратам, и именно это чувство всколыхнулось в ней, когда она потеряла безопасность и устойчивость в отделении, в котором провела целый год. Молодая девушка Шарлотт, сыгравшая ключевую роль в активизации гангстерской культуры (бандитского поведения), видимо, идентифицировалась со своим отцом, который был настоящим гангстером; у нее и так уже был заложен соответствующий интроект — агрессивного и нарциссичного бандита (пользуясь логикой Розенфельд, описанной в работе 1971 г), который она в той ситуации выпустила наружу. А Дора, 17-летняя девочка, слышащая внутренние голоса, приказывающие

ей причинять вред детям, в детстве часто подвергалась домашнему насилию, в то время, как ее маленький брат рос в полной безопасности; она долго сдерживала эти голоса, но не смогла им противостоять, когда один мальчик из Семейного отделения стал слишком навязчивым и тем самым заставил ее снова чувствовать себя беззащитной, в первую очередь от ее собственной зависти и садизма.

Однако индивидуальная патология не является достаточным объяснением разразившегося расстройства. Помимо ухода Сандры, были другие события, отразившиеся на состоянии пациентов. В течение нескольких недель четверо взрослых пациентов завершили лечение, а в Подростковое отделение было принято трое новых. И это сразу же изменило баланс внутри группы подростков, многие из которых уже и так находились в уязвимом положении. Их состояние можно сравнить с тем, как если бы они оказались брошенными родителями, и одновременно столкнулись с новыми братьями и сестрами, которые также требовали к себе внимания. Всего лишь через две недели после ухода Сандры, мой старший психотерапевт объявила, что ей нужно прервать работу на какое-то время; и эту тут же оказало влияние на пациентов и группу в целом; все расстроились еще больше, чувство брошенности усилилось. Я надеялся, что приход новой старшей сестры, Хелен, изменит ситуацию в лучшую сторону. Однако Хелен с самого начала проявила себе довольно конфликтно и поэтому была воспринята не как долгожданная мать, а скорее мачехой, новой женой отца, пытающейся захватить власть в доме. Дополнительно к этому тревожные события стали происходить по всей клинике. В течение нескольких недель суд вынес решение в отношении детей трех женщин, пациенток из Семейного отделения. Дети должны были быть отлучены от матерей и распределены по другим семьям, в одном случае вопреки рекомендациям врачей. Дети — важные члены общества, а также источник идентификации для других; их изъятие из группы, даже если оно и обосновано, все равно воспринимается другими болезненно, некоторыми даже как настоящая травма.

Анализируя персонал, можно констатировать, что они также испытывали сильное чувство утраты из-за ухода старшей сестры. В первый же день без нее я почувствовал, насколько растревоженным был я сам, гораздо сильнее, чем я ожидал. Я также волновался из-за отсутствия моего старшего психотерапевта. Вскоре я увидел и изменения в команде: появились препирания между коллегами, нетерпеливые перебивания друг друга и ранее совсем не свойственное соперничество. Когда Хелен, новая старшая сестра, приступила к своим обязанностям, она проявила себя очень авторитарно и недружелюбно — в совершенно несвойственной для нашего коллектива манере. Ее поведение очень быстро дезорганизовало персонал, разозлило нас, включая меня самого. Одновременно стали происходить изменения и на другом организационном уровне. Комиссия по контролю качества медицинского обслуживания (Health Care Commission, <https://www.cqc.org.uk/>) провела расследование и выявила серьезные нарушения в работе Фонда, что привело к резкой смене его руководства. Новому директору была поставлена задача разобраться в делах учреждения. Сначала эта задача была никому не понятна, но, когда новый руководитель начал проводить беседы с персоналом, многим стало очевидно, что их сейчас будут тщательно проверять, в том числе и оказывая давление. У многих это вызвало большое волнение. Все эти события, одновременно происходящие на совершенно разных уровнях функционирования организации, свидетельствовали об одном общем переживании — чувстве провала и утраты родителей, как будто нас всех, от пациентов до топ менеджеров, бросили одних — беззащитными и уязвимыми. Гангстерская культура, столь стремительно развившаяся среди пациентов Подросткового отделения, была интерпретирована мною как коллективная защита против собственной уязвимости вследствие потери родителей. Защита, которая сознательно или бессознательно, работала не только у подростков, но и гораздо шире — у всех пациентов и персонала. Проявление такого деструктивного поведения и актов разыгрывания на самом деле было

криком о помощи, потребности в сильных и равнодушных родителях, способных проявить свою родительскую власть и обуздать деструктивность «детей»-пациентов, вышедшую у них самих из-под контроля.

Именно такую осмысленность и твердость я вместе с моей командой стремился продемонстрировать в работе - как с пациентами, индивидуально и в группах, так и с коллегами. Мне приходилось справляться и с собственными переживаниями, которые буквально затапливали меня. Так, анализируя авторитарную манеру поведения Хелен, я понял, что она сама была переполнена страхами из-за выхода на новое место и риска не справиться со своими обязанностями. Этот вывод помог мне проявить к ней понимание и поддержку вместо того, чтобы наброситься на нее с критикой, как мне изначально хотелось. Групповые собрания по рефлексии открыли нам возможность проговорить и обменяться собственными тревогами, которые скрывались за напряжением в команде, а также открыто обсудить психическую динамику среди пациентов. Постепенно нам удалось проработать и переустановить наши границы, которые подверглись эрозии, и таким образом противостоять деструктивным импульсам наших пациентов. У меня возникло ощущение, что мы начали справляться с нашими трудностями и этой сокрушающей динамикой.

ДИНАМИКА НА БОЛЕЕ ВЫСОКОМ УРОВНЕ

Вскоре, совершенно неожиданно, я получил письмо от нового руководителя. Меня поставили в копию E-mail, обращенного моей команде, старшему составу больницы и менеджерам Фонда. В этом письме новый директор выразил серьезную озабоченность произошедшими в клинике инцидентами и потребовал провести расследование, а также запросил отчет о действиях, которые мы предприняли в отношении этих случаев. Я чувствовал себя под обстрелом и совершенно подорванным. Вместо того, чтобы поговорить со мной и дать возможность команде самой разобраться с трудностями, он создал ситуацию, в которой нам всем пришлось оправдываться — перед ним

и перед Фондом. Эта ситуация вызвала в моей команде сильнейшее чувство травмы и опасности. На встречах с новым директором и главой контроля качества я буквально чувствовал угрозу. Но одновременно с этим я ощущал сильную тревогу в нем самом. Директор казался захваченным собственным страхом, а также беспокойством от действий Фонда за его спиной. Вместо того, чтобы попытаться переработать свою тревогу, он передал ее мне и моей команде. Такая реакция могла быть отражением его индивидуального восприятия, но мне показалось, что это было скорее следствием измененных условий Фонда и давлением, которое на нас всех оказывалось. Мой первоначальный импульс сказать «нет» на его требование уже не показалось мне правильным решением; это только усилило бы его тревогу и эскалировало ситуацию, вынудив его привлечь представителей Фонда к решению вопроса.

Мне пришлось искать способ вступить в сотрудничество с тревогой моего нового босса и обеспечить выполнение его запроса, одновременно стараясь предотвратить усиление беспокойства среди моих сотрудников. Без помощи моих коллег мне бы этого не удалось. В конце концов, я предоставил отчет, в котором отразил мое понимание скрытой внутренней динамики, переживаемой нашей организацией, а также описал действия, предпринятые нами в отношении индивидуальных пациентов и групп. Презентация моего отчета руководству запустила процесс, который привел к явной поддержке моей позиции и к дальнейшему анализу внутренней динамики организации в более широком смысле.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Надеюсь, мне удалось передать ощущение того, как я в своей работе пытался выполнить две задачи — быть участником процесса и его наблюдателем. В отличие от многих работающих в Национальной Службе Здравоохранения, у меня была возможность поработать с коллегами — опытными и способными к самонаблюдению, и в учреждении, которое разделяло ценность такого видения, даже если не всегда была возможность его применить.

Том Мейн (1983) ввел термин «культура запроса» — модель взаимодействия, делающей возможным изучение, понимание и разрешение напряженных конфликтных ситуаций, а также той оборонительной позиции, которая возникает в них на любом уровне (1983, р.136). Работа по такой модели позволяет создать среду, при которой каждый может как выполнять свои прямые обязанности, так и развивать свое наблюдательное «я». Боб Хиншелвуд и Питер Гриффитс (Граффитс & Хиншелвуд, 2001) описали в своей работе, как легко подорвать основы такой системы даже в тех организациях, которые изначально заточены на постоянное использование аналитического и наблюдательного подхода. Мейн (1967) также описал движение творческой мысли по лестнице «иерархического продвижения» — от доминанты эго до захвата суперэго, от полезной адекватной мысли до фанатичных убеждений, требующих безусловного подчинения.

Концепция «культуры запроса», основанная на способности быть любознательным и пытливым, может и сама трансформироваться в преследующее суперэго; так часто и происходит в сегодняшней системе господства KPI и экселевских таблиц, при которых существует только два полиса — «правильно» и «неправильно».

Я смог удовлетворить запрос моего босса, как только задача, продиктованная суперэго и его внутренней тревогой, встала в противодействие с моей внутренней реакцией; выполнение запроса стало возможным только при возвращении моей рефлексии в область думающего эго. Я помню работу Мейна (1983), в которой он описывал провал первого нортфильдского эксперимента, где Бион, будучи успешным на низших операционных уровнях отделения военного госпиталя, в котором он работал, не уделил должного внимания высшим организационным уровням, что в итоге привело к его увольнению. Таким образом, я сделал вывод, что поступил правильно, уделяя внимание процессам, происходящим не только в моем управлении, но также тем, которые происходили надо мной.

Важное замечание. Все имена, приведенные в работе, изменены. Автор получил

разрешение на публикацию от коллег, работающих в клинике Кассел. ■

БИБЛИОГРАФИЯ

Griffiths, P. & Hinshelwood, R.D. (2001) Enquiring into a culture of enquiry. In: Day, L., and Pringle, P (eds), Reflective Enquiry into Therapeutic Institutions, pp. 29-44. London: Karnac.

Hinshelwood, R.D. & Manning, N.P. (1979) Therapeutic Communities: Reflections and Progress. London: Routledge.

Hinshelwood, R.D. & Skogstad, W. (1998) The Hospital in the mind: The setting and the internal world. In-patient psychotherapy at the Cassel Hospital. In: Pestalozzi, J., et al., Psychoanalytic Psychotherapy in Institutional Settings, pp. 59-73. London: Karnac.

Hinshelwood, R.D. & Skogstad, W. (2000) Observing Organizations: Anxiety, Defense and Culture in Health Care. London: Routledge.

Kennedy, R., Psychoanalysis, History and Subjectivity, pp. 31-48. London: Routledge.

Main T. (1967) Knowledge, learning and freedom from thought. In: Day, L. and Pringle, P. (eds), Reflective Enquiry into Therapeutic Institutions, pp. 1-22. London: Karnac. 2001.

Main T. (1983) The concept of the therapeutic community: Variations and vicissitudes. In: Main, T., The Ailment and Other Psychoanalytic Essays, pp. 124-42. London: Free Association Books, 1989.

Rosenfeld, H. (1971) A clinical approach to the psychoanalytic theory of the life and death instincts: An investigation into the aggressive aspects of narcissism. International Journal of Psychoanalysis 52: 169-78

Skogstad, W. (1997) Working in a world of bodies: Defensive techniques on a medical ward — a psychoanalytical observation. Psychoanalytic Psychotherapy 11 (3): 221-41.

Skogstad, W. (2001) Internal and external reality: Enquiring into their interplay in an inpatient setting. In: Day, L. and Pringle, P. (eds), Reflective Enquiry into Therapeutic Institutions, pp. 45-65, London: Karnac.

Skogstad, W. (2006) Action and Thought: Inpatient treatment of severe personality disorders within a psychotherapeutic milieu. In: Newirth, C., Meux, C. and Taylor, P. (eds), Personality Disorder and Serious Offending, pp. 161-9. London: Hodder-Arnold.

Пандемия: мыслить под обстрелом, принимать онлайн

Савичева Елена Петровна

[об авторе](#)

«Я могу помочь пациентам, когда реалистичный страх и потеря сложены их личными триггерами и уязвимостью, но я не могу уменьшить эмоциональную боль, которая основана на реальности. Вместо этого я вижу реалистичный страх и подавляющее горе».

Н. МакВильямс, апрель 2020

«Для меня COVID-19 — загадочный объект, который тем интереснее, что вокруг него выстроились вполне узнаваемые механизмы сугубо человеческого реагирования на его вторжение. Все происходящее сегодня по форме предстает хорошей хрестоматией для изучения паранойяльных, фобических, истерических, obsessивных механизмов, выстраивающихся вокруг означаемого «коронавирус». При зыбкости любых ориентиров в медицинской симптоматике, которую несет с собой данный вирус (стоит все же особо отметить, что нет однозначного видения происходящего и в среде вирусологов), одна устойчивая связь в цепочке представлений все же есть — это смерть. Коронавирус возведен в статус смертельного вируса (по эффекту ему в пору тягаться с холерой или Эболой), да и умереть сегодня, по всей видимости,

можно только от коронавируса, других весомых причин (даже старости) для смерти быть не может».

Айтен Юран, апрель 2020

Вот уже год как объявлена пандемия. Мир переживает трудные дни борьбы с болезнью, разрывом привычных систем коммуникаций от авиасообщения до посещения кино, театров, школ, массовых встреч и поездок к родне. По очевидным причинам рисков здоровья правительство заставило всех оставаться дома. А что стало с домом, с нами и нашей работой?

Как люди, мы переживаем индуцированный стресс и дистресс от физического дистанцирования и социальной изоляции. Нас и наших близких сопровождают страх заражения, тревоги на фоне возможных потерь дохода, пропитания. Создают дополнительные трудности удаленная работа дома в присутствии детей, обучение детей на дому. Страх смерти и потери близких у одних, и горе и скорбь по утрате любимых у других. Мрачные сообщения в ленте Facebook об уходе из жизни от ковида известных коллег, посты с историями выздоровления. Перепосты странных комментариев, создающих информационный хаос, требующий от нас должной критики и даже скептицизма. Конечно, до создания вакцины и обретения опыта диагностики и лечения коронавирусной инфекции выросло недоверие к медицине и правительству. Снижение активности необходимо было компенсировать: возросло желание учиться, кто-то подписался на поддерживающую рассылку, вступил в большие группы поддержки коллег.

Дыхание для нас с вами является базовым элементом. Став сухопутными существами, мы освоили функцию дыхания, задышали воздухом, он нам жизненно необходим, поэтому мы очень чувствительны к таким формам лишений, которые связаны с проблемами с дыханием, там, где мы можем задохнуться. Для нас это очень сильный спектр ощущений в плане страха смерти.

Для чего я это говорю? Чтобы обозначить некоторые ориентиры, главенствующие

в мире. Что это заболевание не может быть внутренним соматическим, в данном случае есть реальный внешний агрессивный источник. Но мы можем сказать, что это заболевание может вызывать конверсии (мнимые болезни) и влияет на имеющиеся психосоматические и соматопсихические заболевания, которые есть у нас или наших пациентов.

Каждый раз, просыпаясь, нам приходится задавать себе вопрос: «Что день грядущий мне готовит?» Мы, естественно, всегда просыпаемся в новизну и неопределенность, но многие вещи, в силу своей повторяемости, были нам как бы гарантированы. Сейчас же с гарантиями гораздо сложнее. И это тоже заставляет нас испытывать больше тревоги.

Надо отметить, что травма сейчас происходит на всех уровнях человеческой организации: как на индивидуальном, так и на уровне сообщества. О чем говорят такие ситуации? Об эффектах резонанса, параллельных процессах, об усилении, о кумулятивных эффектах, об эффекте толпы, эмоциональном заражении, возникновении спасительных идей, новых лидеров — это все будет непредсказуемо влиять на сообщество, направляя его в сторону оздоровления, нахождения выхода.

Стресс — это давление или напряжение, которое воздействует на структуру и нарушает ее равновесие. Для нас с вами стресс является нормальной формой существования и формирует наш и психический, и физиологический иммунитет. Мы должны испытывать давление, мы должны формировать защиты, мы должны адаптироваться. Это базовая функция Эго. Но когда мы говорим о травме, то мы говорим о такой ситуации, когда стресс перегружает способность к регуляции и восстановлению равновесия. Соответственно, дальше мы можем перейти к такой форме функционирования как катастрофа. Катастрофа — это травма, которая происходит на уровне сообщества, она перегружает социально-политическую ткань и ресурсы сообщества, то есть влияет на масштабные формы организации жизни общества, а также угрожает безопасности и нарушает функционирование сообщества.

Как профессионалы многие из нас перешли на онлайн работу из дома. Офисы опустели, но работа продолжается. Если для психоанализа символом стала кушетка, то для коронавирусной болезни это две аббревиатуры: непонятный шар со множеством ножек и ИВЛ. К привычным требованиям сеттинга добавились важные параметры внешней рамки: адекватный широкополосный интернет, хорошие наушники и веб-камера, программное обеспечение, Skype, Zoom, WhatsApp.

Обстановка рабочего места — домашнего кабинета, потребовала устранить отвлекающие личные предметы на заднем плане и фоновые шумы. Стабильная обстановка — это надежность аналитической рамки, которую нам давали стены офисов.

Особенности онлайн-работы осознавались постепенно. Появились другие правила для пациентов — создание частного пространства: сессия — это время, когда нельзя входить членам семьи, нужно отключить телефон, ничего не записывать. Первая встреча требует времени на тестирование звука и видео, из-за положения видео камер привычный взгляд глаза в глаза сложно воспроизводим.

В остальном работаем как обычно: слушаем, откликаемся, интерпретируем. И вдруг обнаруживаем феномен, когда сопротивление, защиты и негативный перенос проецируются на технологии. И вот, так как теперь технология выступает частью рамки, необходимо интерпретировать все искажения рамки и все реакции на нее.

Например, работа онлайн многим кажется дистантной, механической, от головы. Двухмерное изображение создает ощущения телесного отсутствия. Когда звук проникает прямо в голову, возникает ощущение очень интенсивной глубокой связи, такая рамка поддерживает симбиоз мать-дитя.

И раньше мы были на передовой в каждой индивидуальной истории нашего пациента, но сейчас, как сказала Джилл Шарфф, «все мы в одной лодке», и выдерживаем дополнительные нагрузки с точки зрения того, какая архаика поднимается. В переносно-контрпереносном поле,

или в травматической истории пациента. Мы с коллегами обсуждали, что возможно если бы не этот кризис и не пандемия, то многие вещи в наших пациентах никогда бы не вышли наружу, не с резонировали. Система, таким образом, оздоравливается, поднимая элементы из вытесненного и изолированного.

Поэтому нужна проработка этих переживаний и реакций, интерпретация динамики, которая разворачивается через технологии. Например, конфронтация сопротивления интернет встречам: это могут быть несогласие после очной работы встречаться онлайн, минимизация пациентом нужды в терапевтических сессиях в условиях пандемии, обида на утрату очной работы, восприятие терапевта как вторгающегося из-за возросшей близости «лицом в лицо» (вместо «лицом к лицу»).

И при этом мы также исследуем влияние внешнего, общего для нас с пациентами фактора — пандемии. Приходится распознавать скрытые динамические проблемы. Например:

- как пациент переживает коронавирусное время, в чем оно повторяет его ранний опыт или травмы?
- как в реакции пациента на эпидемию проявляется его структура личности?
- как происходящее влияет на характерные для пациента симптомы?
- является ли поведение пациента адаптивным или саморазрушающим?
- какие аффекты выражаются, а какие блокируются?
- какие защиты пациент использует, чтобы справиться с тревогой и угрозой?
- как интерпретировать отрицание и игнорирование смерти — «со мной ничего не случится»?

И тем не менее, полученный за год опыт показывает, что хотя онлайн формат ощущается по-другому чем очная терапия, но аналитический процесс один и тот же. И это хорошая новость, которую мы выстрадали.

Внезапный переход на онлайн работу в условиях максимального стресса для самих психоаналитических терапевтов, для их пациентов, родителей, детей и старших родственников также

Какие реактивные образования характерны для стресса? Может быть, гиперувлеченность или невозможность от чего-то отделиться или наоборот отстраненность и ощущение холодности и безразличия. На семинаре у Шарффов был аналитик, который приводила пример пациента, который говорил, что «его это не касается, я не заболею». На что она сказала, что она обязана себя беречь, поэтому может продолжить с ним работу только онлайн.

обнаружил важность социальных структур и сообществ. Коллективная традиция, чувство сплоченности — это та рамка, которая помогает разделять настоящее, сохранять надежду и думать о будущем.

Какие **реактивные образования** характерны для стресса? Может быть, гиперувлеченность или невозможность от чего-то отделиться или наоборот отстраненность и ощущение холодности и безразличия. На семинаре у Шарффов был аналитик, который приводила пример пациента, который говорил, что «его это не касается, я не заболею». На что она сказала, что она обязана себя беречь, поэтому может продолжить с ним работу только онлайн.

Далее **фрустрация**. Во многом мы сейчас с вами вынуждены терпеть то, о чем раньше мы с вами даже не задумывались.

Ощущение перегрузки. Я, например, перегружаюсь от онлайн формата, от экрана, от сидения. Для меня это та борьба, которой я во многом посвящаю свои ресурсы.

Далее **плач** — это естественная форма катарсиса. Мы можем с вами наблюдать такую возможность разрядки.

Вторичный травматический стресс — это такие реакции и симптомы, из-за воздействия травматических переживаний другого человека в отсутствие собственного активного участия в травмирующем событии. Для нас с вами он связан с тем, что мы работаем в поле наших пациентов, и в этом отношении такая форма переработки чужой боли и горя достаточно привычна. У нас есть резонатор внутри, мы можем отличать свое от чужого, пользоваться эмпатией, если есть проективные идентификации, то у нас есть супервизии, интервизии и собственная рефлексия для того, чтобы все-таки не сливаться в «общем экстазе».

Выгорание — крайнее психическое, эмоциональное и физическое истощение, которое подавляет способность продолжать нормально работать. Не стоит отрицать его в себе. Условия работы изменились, они стали менее экологичными. Если помните хороший доклад Эдриана Роудза «Терапия онлайн: второй сорт или второй шанс», в котором он рассуждает об особенностях и перспективах работы онлайн.

Онлайн терапия не совсем для нас новая форма, мы уже некоторое время пользуемся ею для работы с теми людьми, которые по той или иной причине не могут очно присутствовать. Так или иначе, мы уже это пространство начали осваивать. Человечество до сих пор жило за счет контакта, за счет телесности, за счет присутствия, поэтому в этом месте мы будем испытывать дополнительную фрустрацию. Поэтому сегодня мы с вами поговорим о том, какие компенсаторные механизмы включаются.

Итак, какие еще защитные механизмы присутствуют у тех, кто участвует в ситуации не пассивно, а активно: **гнев, ощущение жажды, особая привязанность**

к другим ликвидаторам, эйфория, героизм, то есть снижение собственных защитных механизмов, вина выжившего, вуайеризм — возможность подглядывать за тем, что раньше было закрыто. Также идет удар по нашим увлечениям, и это важно, по нашей либидинозной сфере, что вызывает импотенцию, сексуальную холодность, аноргазмия. То есть в той области, где пара имеет возможность развивать вектор будущего, где рождаются дети. В таких стрессовых ситуациях, в катастрофах это нормальная реакция. У женщин могут пропадать месячные, у мужчин все начинает по-другому функционировать. В онтогенезе у нас это записано через латентный период, когда мы хорошо обучаемся, но не интересуемся разницей полов. Этот период записан филогенетически в наших генах через переживание человеческой популяцией Ледникового периода. Может быть, поэтому у других приматов половозрелость начинается с 5 лет, а у нас с вами с 11–12. Фрустрации задают темп нашему мышлению, поэтому мы с вами в этом месте поумнели, стали научиться, брать опыт другого через слова.

Через это мы подходим к необходимости заботиться о себе и о профилактике — это очень важный вектор. Это всегда было важно, мы с вами называем это здоровым нарциссизмом, уходом, холдингом, выживанием, адаптацией. Соответственно, что нам необходимо в таких условиях?

Во-первых, необходимо подготовиться. Мы можем разговаривать, читать, использовать чужой опыт. Необходимо ознакомиться с ожидаемыми обязанностями пока мы сидим дома, ролями: насколько наши роли поменялись в связи с физической разобщенностью, и какие риски. Если у вас есть пациенты, которые находятся в длительной терапии, то очень важно на каком динамическом этапе произошло физическое разобщение. Пациенты пограничного уровня, или с элементами психотического отклика, скорее всего, могут дать неожиданные для нас реакции. Пациент невротической организации, он и поймет и сожалеет, он выскажет словами то, что он по этому поводу переживает и думает. В случае же пограничной и психотической динамики

Если у вас есть пациенты, которые находятся в длительной терапии, то очень важно на каком динамическом этапе произошло физическое разобщение.

мы говорим о разыгрываниях, о реакциях. Для меня всегда очень важно понимать, что такой пациент может не захотеть перейти в онлайн формат. У меня были такие пациенты, которые сказали, что это просто неприемлемо. При этом они обычно пользуются Skype или Zoom для того, чтобы разговаривать с родственниками или вести свою онлайн бизнес-работу. Но в терапии они в такой формат не перешли. Это собственный, как мне кажется, сознательный выбор. Но люди с более зависимой патологией все остались со мной. Нарушение привязанности, страх разобщения способствуют выбору продолжить получать терапевтическую помощь, пускай даже виртуально.

Очень важно, чтобы мы с вами регламентировали отдых, было соответствующее питание, чтение. Например, читать вслух 10–15 минут в день. Необходимо включать дополнительные источники переживаний — это уже не внешние экраны, но это наш внутренний экран, когда звучит наша собственная речь. И музыка — это тоже вариант пополнить внутренние резервы.

Соблюдать расписание. Важно соблюдать рамки. Без этой рутины определённость невозможна, иначе возникает ощущение растерянности, потерянности.

Нам необходимо общаться с близкими, потому что семейный вектор остается очень значимым вектором поддержки. Важно обсуждать работу с коллегами, супервизорами, отслеживать выгорание, не переусердствовать. Помнить о вторичном травматическом стрессе, он может быть просто незаметным. Отслеживать чувство неадекватности. Это сложный критерий, потому что если мы внутри себя, то мы всегда правы, и все 24 ч мы можем работать, но при этом нам говорят: «что с тобой? У тебя черные круги под глазами и ты еле дышишь». Нужны хорошие «зеркала», чтобы они нас иногда останавливали. Необходимо обращать внимание на здоровье и вовремя обращаться за помощью. Когда внутри начинает стучать мысль: «А не заказать ли тест и не вызвать ли врача?», лучше это сделать. Если эта мысль уже появилась, то мы можем ее изолировать или обесценить, но она имеет под собой какую-то основу. Для этого у нас существуют внешние диагностические критерии.

В профилактике нашей устойчивости, профессиональной и личной, нужно быть внимательными к чувствам долга, чести, стыда, героизма, славы и вины. Это те чувства, которые будут нагружаться у людей тех профессий, которые сталкиваются с агрессивной человеческой природой. В этом мы с вами видим Супер-Эго. В какой форме оно нас с вами защищает, а в какой — напрягает. Например, из чувства долга пожертвовать ста людьми, чтобы рядовой Райан вернулся с войны — очень показательный пример.

Вина тоже может перегрузить и мазохизм может стать нездоровым, станет близок к скрытой суицидальности. Мы с вами все время находимся на этой границе. Мы, так или иначе, будем активно переживать чувство потери контроля, растерянность, страх, ощущение провала, какие-то формы самоуничтожения. Это естественный внутренний эмоциональный процесс, являющийся откликом на ситуацию нестабильности и разноплановости.

В РО Москва, на фоне отмен многих плановых мероприятий надежными площадками взаимопомощи стали с апреля 2020 ежемесячные онлайн-Клинические

Субботы. Семинары были посвящены разбору актуальных статей, исследующих ситуацию пандемии с аналитической точки зрения, дискуссионная площадка разворачивала возможную полемику вокруг клинических кейсов и создавала пространство для встреч. В конце года традиционно был сделан выпуск сборника статей 2020, где размещены важные переводные статьи зарубежных коллег и членов РО Москва ЕАРПП, и в электронном виде вручен как подарок членам РО на Новый 2021 год.

В заключение снова люди: «...как это ни парадоксально звучит, мы оказались в уникальном историческом моменте, который снес те воображаемые надстройки / подпорки, посредством которых была возможность прочного укоренения на прежних сценах; сегодня очень четко обнажились силовые линии каждого субъекта, различных сообществ, государств» (Айтен Юран, апрель 2020) ■

Пандемия. Попытка осмысления

**Холобесова Анастасия
Вячеславовна**

[об авторе](#)

*Но бедный, бедный мой Евгений...
Увы! его смятенный ум
Против ужасных потрясений
Не устоял. Мятежный шум
Невы и ветров раздавался
В его ушах. Ужасных дум
Безмолвно полон, он скитался.*

А. С. Пушкин, «Медный всадник»

Взрывы в метро, захват заложников, землетрясения и военные действия — события экстремальные, приводящие в ужас, надолго разрушающие нормальное течение жизни.

В экстремальных ситуациях выжить можно лишь в изменённом состоянии сознания, ибо происходящее невообразимо, немислимо, больше похоже на безумную выдумку хитрого режиссёра, чем на реальность. Подобный опыт наносит людям глубокие психологические травмы. Долго заживающие невидимые рубцы будут давать о себе знать в виде посттравматических стрессовых расстройств. Даже далёкий от психологии человек понимает, что вернувшийся из горячей точки солдат, пусть и избежавший телесных увечий, чудом ушедший от пуль, изранен внутри.

Он нуждается в помощи, чтобы вернуться в привычную жизнь и обрести покой. Это очевидно, это знает любой подросток. Потому что опыт двух мировых войн и множества локальных конфликтов проанализирован, изучен, назван словами, а значит, стал более безопасен...

25 марта 2020 президент России Владимир Путин обратился к гражданам и объявил период с 30 марта по 3 апреля нерабочим в целях борьбы с новой коронавирусной инфекцией. 9 апреля число заболевших в России перешагнуло 10-тысячный рубеж. Пандемия стремительно развивалась и внесла свои правила, изменила жизнь каждого.

Ещё в феврале 2020 нижний возрастной порог клиентов, с которыми я работала в скайпе, составлял 23–24 года. В апреле у меня появился опыт онлайн работы с 12-летними клиентами индивидуально и с детьми 6–7 лет совместно с родителями. Я начала работу с тремя клиентами в благотворительном формате без оплаты, поскольку оказались в трудной ситуации в связи с пандемией. За неделю два клиента потеряли близких. Каждый из этих фактов был бы для меня громадным событием, если бы случился до того момента, как всё перестало быть прежним, если бы это произошло до COVID-19.

В тот момент быстрые изменения порождали мысли о давно отслуживших свое, обветшалых стереотипах, и освобождение от них как будто вдохновляло. Казалось, мы стоим на пороге чего-то нового. Это интересно и страшно одновременно. Возникло чувство, которое я испытывала сама, которое, как мне кажется, я могла различить у других людей, такое пьянящее чувство потери и свободы одновременно.

Анализируя «Пир во время Чумы» М. И. Цветаева отмечает, что Чума пишется в данном произведении с заглавной буквы. «И эта заглавная буква Чумы, чума уж не как слепая стихия — как богиня, как собственное имя и лицо зла.» В прозе «Искусство при свете совести» Марина Ивановна пишет о поэте, о его предназначении и его даре. Цветаева рассуждает о стихиях, которые охватывают поэта, а вместе с ним и читателя, она говорит об очаровании

зла, смерти и разрушения. «Самое замечательное, что мы все эти стихи любим, никто не судит. Скажи кто-нибудь из нас это в жизни, или, лучше, сделай (подожги дом, например, взорви мост), мы все очнемся и закричим: преступление! Именно, очнемся от чары, проснемся от сна, того мертвого сна совести с бодрствующими в нем природными — нашими же — силами, в который нас повергли эти несколько размеренных строк» [3, 28].

Правомерно возникает вопрос: а при чём тут, собственно, пусть и гениальные, но далекие от аналитической практики, стихи Пушкина и прозрения Цветаевой? Сделаем ещё одно небольшое отступление.

Есть тенденция считать анализ художественного творчества прикладной стороной психоанализа. Однако о «поэте и поэзии» писали З. Фрейд и К. Г. Юнг, писали по-разному, парадоксально оба точно. И если Фрейда больше интересовал аспект отражения в творчестве личного бессознательного, то Юнг для анализа выбирал другие произведения: те, в которых голос личностных конфликтов автора тонул в тысячелетнем хоре коллективных пра-образов.

Вернёмся к пандемии 2020-го года. Давно мы не были столь близки не то что к средневековью... ощущался регресс к состоянию первобытной психики. Другой человек магическим образом мог нести в себе смертельную опасность и становился страшным. Желание «живого» общения офлайн приобрело амбивалентный характер и могло оказаться фатальным. Конфликты, сценарии, существовавшие в виде возможности, благодаря пандемии получили шанс на жизнь. Они ждали своего часа и молниеносно могли быть разыграны. Доподлинно не известно, насколько это правда, но в виде биографического артефакта существует история о том, как П. И. Чайковский в холерный год попросил некипячёной, колодезной воды в трактире, что привело к гибели композитора. Реактивировался и такой способ играть со смертью.

К. Г. Юнг писал: «Художественное произведение следует рассматривать как образотворчество, свободно распоряжающееся всеми своими исходными данными...

Пожалуй, можно было бы даже сказать, что оно есть самосущность, употребляющая человека как питательную среду, распорядясь его силами в соответствии со своими собственными законами и делая себя тем, чем оно хочет стать само» [4, 75]. Вспомним о словах М. И. Цветаевой о наитии на поэта стихий. О наитии этих стихий на читателя. Не это ли неосознаваемая, скрытая сторона происходящего? И если разрушительные войны и революции можно считать психическими эпидемиями, если идеи могут захватывать целые нации, если человечество в 20-м веке продолжало поклоняться страшным богам, имена которых заканчивались на «-имз», то что изменилось теперь?

«Мифологические мотивы часто прячутся за современным образным языком, т. е. вместо Зевсова орла или птицы Рок возникает самолёт, вместо битвы с драконом — железнодорожная катастрофа, вместо хтонической Матери — толстая торговка овощами, а похищающий Прозерпину Плутон предстает опасным водителем» [4, 104]. Когда-то Она приходила как Чума, когда-то звалась Холерой, сегодня Она — её величество COVID-19. Люди носят на себе маски — атрибуты, выражающее почтение. У неё есть храмы — специализированные больницы, где врачи-жрецы в белых одеждах вымаливают у неё прощение. Иногда получается и она отступает, больной выздоравливает. Иногда — нет. Я думаю, что общее состояние в пик пандемии — состояние очарованности новым воплощением Смерти.

И клиент, и аналитик равны перед коронавирусом. Равны как испытывающие страх, смятение, переживающие неизвестность и незащищенность человеческие существа. Существа, несущие внутри себя личный бессознательный опыт потерь, одиночества, предательства, вины... Для меня было бы большой ошибкой сказать, что меня это не коснулось, я не была очарована, я трезво видела происходящее. Не видела. Не знала. Не понимала. Упоевание и опьянение. Я тот автор, который еще во власти неумолимого «должно», неспособный остановиться, не окончив произведения. Я тот читатель, что еще не дочитал

книгу до конца, я еще внутри неё. И сложно отличать морок от яви. И единственное, что, казалось, могло меня спасти от психической пандемии — это признание собственной потерянности и одурманенности. Это было всё, что можно было утверждать.

Человечество боролось, но продолжало жить. В начале 2021 года началась массовая вакцинация, кажется, удалось победить болезнь. Кажется, всё закончилось? Помните воина, опьянённого битвой? Он вернулся живым. Интересно, как живется ему в состоянии психологического похмелья?

Человек уснул в стране, где слова «компьютер» и «плохо» каждый недоросль воспринимал как синонимы. А проснулся под лозунги: «Дистанционное образование — новое слово в педагогике». Мобильный телефон стал чем-то вроде внешнего органа. В нём — пропуск на выход из дома, в нём — фотокамера, с помощью которой можно доказать свою законопослушность. С помощью телефона школьнику по силам подготовиться к ЕГЭ, признаться в любви, создать видеofilm, выразить политическую позицию и раствориться в страницах социальных сетей. Пропать между поколениями обозначилась так очевидно... Взрослые ощутили свою ущербность и неспособность жить на современных скоростях. В мире, где видео дольше одной минуты слишком длинное, год — это вечность. Говорить и писать о COVID-19 уже неактуально.

«На меня не повлиял ковид», — говорит молодая женщина. «Эту проблему так преувеличили, люди умирали во все времена», — замечает мужчина средних лет. Было и прошло, можно отрицать, обесценивать, избегать... Но вот как жить дальше, если ты заразился и выжил, а твой старенький папа не справился с болезнью? Как жить девочке, которая потеряла любимую бабушку в день своего семнадцатилетия? Психологические последствия трагедии тяжелее самого события.

Пандемия — это чрезвычайная ситуация. И не важно, что «ЧС» официально так и не была объявлена. Случилось травмирующее экстремальное событие, которое рушит механизмы защиты и спасительные базовые иллюзии, оно пришло

в неожиданном облике болезни. А значит, массы людей нуждаются в психологической реабилитации. Проблема становится более трудной для восприятия, поскольку психологические последствия могут обнаруживаться не сразу, их не всегда удаётся связать с предшествующей травмой. В результате люди страдают от мигреней, панических атак, тревожных и депрессивных расстройств или вдруг начинают воспринимать социально-политические события как острую личную трагедию.

«Мир изменился, он не будет прежним», — повторяли мы. Утрата самодостовренности начинается тогда, когда индивид перестаёт понимать, что он из себя представляет. Утрата привычного знания о мире есть внутриспсихическая чрезвычайная ситуация. «Резкое преобразование ценностей в любом социуме вызывает деструктивные процессы. Если окажется порушенной даже абстрактная картина мира, которая существует в головах людей, возникает кризисная ситуация» [2, 4].

Эти рассуждения приводят к мыслям о том, что не менее, чем рекомендации о сохранении физического здоровья, нужны и инструкции о том, как распознать ментальное заболевание. О том, что делать и куда обратиться, если путается сознание или одолевают навязчивые мысли. Психологическое знание содержит в себе ценнейший ресурс. Психология может оперировать такими понятиями, как психическое онемение, мортификационный эффект, вина выжившего, виктимизация, повторение травмы, политический психоз, горевание... Это жизненно важное знание в ситуации, когда массы людей находятся в под влиянием пережитого, но еще не прожитого. Я отмечаю у клиентов, которые с разной степенью тяжести переболели коронавирусной инфекцией, некоторую избирательно развивающуюся сверхчувствительность. Кого-то раздражают и кажутся излишне резкими звуки или запахи, кто-то начинает остро ощущать косые взгляды коллег или становится сфокусированным на возможных опасностях, а кому-то начинает навязчиво казаться, что с супругом «что-то не в порядке». Как будто они не уверены, что происходящее — это

не сон, как будто не совсем ясно, где же всё-таки реальность.

Переболеть COVID-19 или пережить похожее состояние через вакцинацию (что по сути есть подконтрольное заражение, сознательное желание пережить опыт болезни), означает победить смерть. Требуется время, чтобы осознать произошедшее, чтобы обновленные ценности обрели плоть. Они не могут передаваться механически, они должны заново родиться в человеческой психике. В этот момент человек слаб, он как будто выживший в эпицентре военных действий, он дезориентирован и напуган.

Разрушение привычного порядка ужасает. Однако, я вижу, как меняются люди, постепенно встающие на ноги после недуга, пережившие страдания. Как, казалось бы, «вдруг», безотносительно болезни, принимают решения в своей жизни: делают шаги в профессиональном становлении или, наоборот, ставят точку в трудовой деятельности и уходят на пенсию, рискуют уехать в далёкое путешествие или отваживаются на ипотеку, кто-то позволяет себе влюбиться или быть неудобным. Мне сложно выстраивать эти изменения в иерархию, наделяя их тем или иным статусом значимости. Они все значимы. Они означают жизнь. Эти изменения говорят о том, что жизнь продолжается и торжествует над смертью не только в цифрах официальной статистики, но и психической реальности. По крайней мере в этот раз. ■

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гуревич, П. С. Психология чрезвычайных ситуаций. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007.
2. Гуревич П. С. Преобразование ценностей как чрезвычайная ситуация. — М.: Московский психолого-социальный институт, 2007.
3. Цветаева М. И. Собрание сочинений в 7 томах, том 5, книга 2. Статьи, эссе. Переводы. — М.: Терра, Книжная лавка — РТР, 1997.
4. Юнг К. Г. Очерки по аналитической психологии. — Мн.: ООО «Харвест», 2003.
5. Юнг К. Г. Дух в человеке, искусстве и литературе. — Мн.: ООО «Харвест», 2003.

ЛЮДЯМ ПРО ЛЮДЕЙ

Рубрика «Людям про людей» посвящена теме личности и истории жизни наших коллег, психоаналитиков и психотерапевтов как современных нам, так и видных деятелей прошлого.

Нам интересно исследовать путь профессионального становления специалиста, причины возникновения интереса к психотерапии или психоанализу, влияние личности специалиста на его творчество и выбор особого пути развития, ведь мы верим, что каждый специалист помогающих профессий работает, прежде всего, собой, своей личностью.

Фрейд не доверял биографам. А. Цвейгу, предложившему написать его биографию, Фрейд писал: «Становящийся биографом обязывается лгать, утаивать, лицемерить, приукрашивать и даже прикрывать свое непонимание, так как биографическая правда недоступна, а если бы и была доступна, не была бы использована». Он неоднократно уничтожал свои дневники и записи, считая, что биографы будут воспринимать его личность и историю искаженно. Не желая помогать им в этом, он безжалостно

заявлял: «Пусть нервничают биографы, мы не сделаем их задачу слишком легкой».

Несмотря на это, сам Фрейд с завидным постоянством выбирал себя в качестве объекта исследования, проводя изыскания неизведанных областей психики.

Мы выбрали интервью как формат рассказа о личности, там, где это возможно, считая интервью, в некоторой степени, лишенным недостатков, о которых предупреждал нас Фрейд. Там, где интервью невозможно, мы смиренно признаем и принимаем ограничения биографического описания.

Фрейд считал недостатком библиографа привязанность и идеализацию по отношению к объекту своей работы, ведь биограф не станет писать о личности, не вызывающей у него подобного позитивного переноса. Мы позволим себе не в полной мере согласиться с этим и сказать, что симпатия — лучшая форма искажения, чем неприязнь. И заранее просим наших читателей принять во внимание факт нашей вовлеченности и увлеченности личностями и судьбами описываемых людей.

«Психоанализ — это интересно! Вам я очень советую, деточка»

Сегодня мы с вами оправимся в Пензу — город в центре европейской части России, расположенный на берегах реки Суры. Численность населения в городе около 520 тысяч человек. Региональное отделение ЕАРПП в г. Пенза состоит из 12 человек.

Знакомьтесь, председатель РО-Пенза — Умная Екатерина Львовна, специалист в области психологии и психоанализа. Ее личная профессиональная практика насчитывает более 20 000 часов, а стаж работы — более 20 лет.

Екатерина Львовна активно участвует в жизни организации, проводит обучающие программы, пользуется заслуженным уважением коллег. Кроме того, это — очаровательная и харизматичная женщина, разговор с которой доставил мне огромное удовольствие и ощущение гордости за нашу профессию.

— Когда в Пензе сформировалась группа интересующихся психоанализом?

— Очень долго я была одна. Поступила в ВЕИП (Восточно-Европейский Институт Психоанализа, г. Санкт-Петербург) в 2002 г. До этого была психотерапевтом, но достойных собеседников на тему психоанализа не было. Была идея-фикс: создать региональное сообщество для того, чтобы можно было говорить на одном языке. Начала с личного примера — общалась с коллегами, делилась знаниями, возникали вопросы, интерес. Коллеги говорили, что хотят учиться вместе со мной, и уже на следующий год по моим стопам в ВЕИП поступили несколько человек из Пензы.

Я по образованию — врач, работала врачом-инфекционистом в стационаре, затем ушла в декретный отпуск в 1995 году. После него встал вопрос — возвращаться в больницу (а это 90-е годы, сложный период для работников бюджетной сферы) или нет. Хотелось развиваться. Помогли

Екатерина Львовна Умная

- психолог-психоаналитик;
- сертифицированный специалист, тренинг-аналитик и супервизор ЕАРПП (Россия) и ЕСРР (Vienna, Austria);
- председатель РО-Пенза и член Комитета по сертификации и аккредитации ЕАРПП;
- психотерапевт Единого Европейского реестра;
- преподаватель Международного уровня ОППЛ

перестроиться мои личные встречи с психотерапевтом. Это удивительная история, я нечасто ее рассказываю. Я отдыхала в Пятигорске, в санатории «Зори Ставрополя» в 2000 году, шла мимо кабинета психотерапевта и решила зайти. В прямом смысле слова — мимо проходила. Был кризисный момент в моей жизни, на душе было

тяжело. Этому психотерапевту Валентине я и обязана поворотом в моей судьбе. Было всего две встречи, но я была изумлена, как простым разговором можно «поставить мозги на место». Понимаете, я врач, привыкла заниматься лечением — операции, медикаменты, это мне было понятно. Для меня мысль о том, что человеку можно помочь простым разговором, без каких-либо специальных манипуляций — эта мысль была удивительна. Эта женщина посоветовала учиться в Москве, обозначила путь, дала книгу Виктора Викторовича Макарова «Избранные лекции по транзактному анализу». Я решила, что я тоже так хочу — разговаривать с людьми и помогать им с помощью разговора. Неоднократные мои попытки ее найти и отблагодарить не увенчались успехом, к сожалению!

Я прошла двухлетнее обучение у заведующего кафедрой психотерапии, сексологии и наркологии Виктора Викторовича Макарова в Академии Медицинского Последипломного Образования. В том же 2000 году прошла профессиональную переподготовку в Пензенском институте усовершенствования врачей по психиатрии и психотерапии. Это классический путь врача в психотерапевты — через специализацию по психиатрии. Коллеги-врачи с недоверием отнеслись к моему желанию стать психотерапевтом и «лечить словом». Но я уже начала свою терапию и поняла, что «лечить словом» возможно. Но, по-прежнему, не было единомышленников. Я продолжала ездить на конгрессы и семинары к Виктору Викторовичу Макарову. Параллельно в Пензе я училась в группе В. Ядринкина, обучавшего интегративной терапии. То есть, я с головой вошла в психотерапию.

Потом пошла дальше — на Москву (смется). За мной пошли учиться и мои друзья. В процессе обучения, на конгрессе в 2002 году познакомилась со многими психотерапевтами: М. Решетниковым, Н. Лавровой, А. Мельниковым. Был момент, когда я училась в четырех местах одновременно: у Виктора Макарова, в ВЕИПе (закончила с отличием в 2005 г.), в институте Кроля у Е. Михайловой, в институте интегративной психотерапии. Ездил на учебу и экзамены в Москву, Санкт-Петербург.

Ездил на конгрессы в Париж, Вену. Надо заметить, что тогда компьютеры так широко не использовались, не было интернета, электронных библиотек и прочего. Приходилось тяжело. Покупала книги, ходила в библиотеки. Только за первый год учебы я прочла 100 книг. Понимаете, это тоже навык, полученный за время учебы в медицинском институте — уметь запоминать огромные объемы информации, работать с литературой. Но было тяжело, я — такой человек: надо все понять, пощупать, переложить на обычную жизнь, на простой язык. А тут — общая психология! Как ее по-простому объяснить? На тот момент единственный человек, который меня профессионально поддержал, была профессор А. С. Ялдыгина с кафедры психиатрии. «Психоанализ — это так интересно! Вам я очень советую, деточка» — так она сказала мне в приватной беседе. И я бесконечно благодарна ей за поддержку.

А дальше я уже не могла вернуться в медицину, я понимала — корни болезни в другом... Естественно, за мной пошли мои друзья. С 2002 года регулярно в ВЕИП поступает 3–6 человек моих анализандов, знакомых, друзей. Они могут жить в разных городах и странах: Греция, Кипр, Рязань, Москва...

Потом, когда я уже работала в Этическом комитете ЕКПП, Татьяна Владимировна Мизинова спросила: «Где же ваши люди, почему их нет в РО Пенза?». А они «осели» в Москве и Санкт-Петербурге — пока учились, женились и выходили замуж — и оставались там. Но некоторые возвращались в Пензу. Я несколько лет была региональным представителем, т.к. была одна. На сегодняшний день в нашем РО много моих учеников, есть анализанды, друзья, обучающиеся в моих группах.

— Так или иначе, все инициированы Вами. Сейчас проще стало учиться, есть дистанционная форма обучения. Люди выбирают сами, как и где учиться.

— Люди хотят быть «как я», общаться на равных. Даже мой муж, офицер, поступил и с отличием закончил ВЕИП. Чтобы мы могли разговаривать на одном языке (смется). И вообще, вся семья у нас

в профессии — муж, дочь, сын, невестка. Все они уважаемые специалисты и мне есть, чем гордиться. А как помогали знания во время кризисов! Когда сын был подростком, только это и поддерживало. Он — ребенок психоаналитика, и вся теория на нем пройдена. Если бы не учеба, я была бы обычной среднестатистической мамой. Но учеба и свой анализ давали опору. Зато сейчас это — взрослый, состоявшийся мужчина, грамотный специалист.

— Я вас понимаю! Психоаналитические мамы — это отдельная беседа.

— В работе опираешься на знания, конечно. Я много училась, я — взрослый человек, и я — из врачей. Надо сдавать экзамены, зачеты и то, что у тебя маленький ребенок, «не прокатывало». Я родом из Саратова, в Пензу переехала уже потом. Мне в Саратовском мединституте говорили: «Распределишься в деревню на фельдшерско-акушерский пункт и больному расскажешь, что ты в это время болела и тему не выучила». Было понимание профессии и, когда я пришла в психотерапию, навык «старой школы» остался. Я училась, чтобы понимать предмет. Взять тот же дресскод. Летом в Саратове жара. И профессора говорили: «Как, ты пойдешь к пациенту с голыми ногами, без колготок? Ты же — врач!» И конечно, это отложилось на всю жизнь. Профессионал должен выглядеть соответственно. А психотерапия вообще обязывает.

Может быть, есть и минусы в том, что я — врач. Мне супервизоры иногда говорят: «Вам, Екатерина Львовна, надо вылечить, а мы должны анализировать». Но мне важен результативный итог. Если я работаю, да — мне надо вылечить. И по опыту скажу — пациенты к нам идут за помощью. Потому что у них болит, им плохо, они мучаются. Интерес к психоанализу появляется позже. Сначала надо, чтобы не болело.

В общем, я училась серьезно. Первым моим супервизором был Михаил Михайлович Решетников. Он меня «провел» в профессию. А мой аналитик Элина Николаевна Потемкина просто меня «сотворила». В институте мы благоговели перед преподавателями. Было живое общение, можно было

обратиться напрямую за любым разъяснением к преподавателю. Моим научным руководителем был Сергей Владимирович Авакумов, когда я писала диплом. Он очень подробно объяснял, поддерживал, восхищался. Перед защитой говорил, что работа отличная и мне не нужно тревожиться. Но я, конечно, тревожилась. Прошло много лет, на какой-то конференции в ВЕИПе он делал доклад: как всегда, волшебный. Я не успевала записывать, подошла к нему в перерыве, попросила его доклад. Он меня узнал, было очень приятно. Доклад через короткое время был у меня на почте. Татьяна Владимировна Мизинова на конгрессе в Баку читала прекрасный доклад о клиповом мышлении подростков. Для меня это был революционный доклад! Я подошла к Татьяне Владимировне с вопросами и получила ответы на все. Это так важно, иметь возможность спросить, пообщаться непосредственно.

Мне всегда везло на педагогов, которые щедро делились знаниями, общались по-людски. Я тоже не жадничала, делилась своими знаниями, рассказывала об институте, о психотерапии. И так обростала единомышленниками.

— Это заразительно! Живой интерес, общение, наша любовь к профессии.

— Сегодня двоих из Рязани и Липецка «сосватала» в ЕАРПП. Там у нас нет региональных отделений. Я им посоветовала через наше РО-Пенза пройти как регион развития; и обязательно дам им рекомендации. Я готова давать рекомендации тем, кто интересуется, кто хочет.

— Здорово! Будем расти! Какие у вас сейчас образовательные проекты?

— У меня есть свой центр, он работает уже 16 лет. Сайт центрекатериныумной.рф

Есть программа дополнительного образования. Я ее называю «Школа психоанализа для «чайников». На самом деле там 60 часов, 10 лекций. Я эту программу больше 10 лет читаю. Там вся база психоанализа. Задумывалась она для тех, кто поступил в ВУЗы, в чем-то не разобрался, или как подготовка к экзаменам. И когда я ее читаю, я говорю, что это — готовые

экзаменационные билеты и, если вы вот это ответите, то будет достаточно. Я дорожу тем, что объясняю доходчиво, в примерах. Некоторые психологи приходят, слушают лекции, а потом поступают в ВУЗы. Слушатели говорят, что все понятно, и перестают бояться Фрейда. Что туда входит: основы учения З. Фрейда о бессознательном, история российского и зарубежного психоанализа, стадии психосексуального развития и психический аппарат, толкование сновидений, основы психоаналитической диагностики, теория объектных отношений, психодиагностика, техника работы, перенос, сопротивление, эго-психология, которую я, кстати, очень люблю. Это один большой проект, два раза в год набирается группа, человек 10–15.

Ежегодно один раз в месяц провожу тренинги по интегративной психотерапии под названием «Моя психологическая школа». Проект включает амурологию, телесноориентированную терапию, гештальт, транзактный анализ, экзистенциальную психотерапию, работу с расстройствами пищевого поведения. Я не только в Пензе, но и в других городах вела этот проект. Итого: раз в месяц круглый год проводится 12 тренингов. Эта программа идет с 2002 года. 18 лет! Был период, когда я одни выходные вела тренинг в Пензе, следующие в Самаре, следующие в Липецке... А всю неделю я работала.

— А жить-то когда?

— Это и есть жизнь! (смеемся) Параллельно у меня идет личный прием. Работают 3 группы терапевтические, 14 лет уже. Группы все эти годы стабильные. Уходят из группы только в декрет (смеется).

Еще есть моя авторская групповая терапия. Я ее называю «Женская группа». Это короткий проект, с элементами арт-терапии. В группе 8 человек, лепят, рисуют. И по поделкам я интерпретирую. Группа может быть и мужская, формирую по полу.

Есть совместный проект с сыном, есть с дочкой. Два разных проекта.

Совместный проект с Ириной Николаевой о заветных желаниях и цветах. Идея родилась от сказки «Цветик-семицветик». Я анализирую сказку, порядок цветов,

последовательность ходов (сначала баранки, потом куклы) и т. д. Ирина Николаева интерпретирует красиво, с легендами, на объектных отношениях с цветами. Цветы ведь, так же как и деньги, и еда — это объект, с которым человек выстраивает отношения. Люди приходят поговорить вроде бы о цветах — «у меня любимый цветок роза», а находят много для себя, глубинные находки такие. Какая потребность удовлетворяется — в признании, в любви, в сепарации и т. д.

Проект с сыном, Умным Дмитрием Дмитриевичем, «Играем с Умными: Создание мира — уровень Бог». Сыном создан настольную тренинг-игру, не буду секреты открывать. Красивая игра, пользуется спросом. Каждый интерпретирует то, что он видит. Получается интересно. 5 часов игры — и ты выходишь на уровень — Бог! В силу занятости проводим раз в полгода.

Муж — тоже психоаналитик. Он ведет тренинги и семинары по телесно-ориентированной терапии. В цикле около 10 занятий, довольно популярный проект.

Ирина Николаева ведет проект по сексологии. Это цикл тренингов, одна большая программа. Ею также 15 лет проводятся киноклубы, они уже стали международными. В киноклубах 3 группы.

— Мы готовим материал по киноклубам. Многие работают в этом формате. Есть киноклубы в Хабаровске, Ярославле, Пензе, во многих городах. Вопрос: люди приходят на тренинг, а потом ходят в анализ? Как решается вопрос с границами? Еще вопрос: сейчас у людей больше потребность в психоанализе или в других форматах — тренингах и прочее?

— Обычно, если люди ходят в анализ, то на тренингах слушают только теорию. Есть люди, которые ходят только в терапию, или только на тренинги, или только в анализ. То есть границы мы соблюдаем! А потребность в психоанализе огромна. Достаточно посмотреть мой ежедневник. Он битком. Когда говорят, что это никому не нужно, я отвечаю — посмотрите в мой ежедневник! Иногда человек приходит на консультацию 1–2 раза,

потом он втягивается и сотрудничество перерастает в многолетнее. В основном, у меня люди в длительной терапии. И еще. Я никогда не давала рекламу. Я убеждена, что реклама в нашем деле ничего не дает, особенно в провинции. Только «сарафанное» радио. И это, на мой взгляд, хорошо. Люди приходят мотивированные.

Несколько лет назад меня попросили поработать психотерапевтом в наркологическом центре. Наркологи, так же как и я когда-то, ничего не слышали про психоанализ. Создала группу по работе с созависимыми. Читала коллегам-психиатрам лекции. И что вы думаете — один из них закончил ВЕИП, переехал в Москву и там работает психоаналитиком. А двое коллег пришли ко мне в анализ. Затем я передала дело ученикам и уволилась.

— **То есть, вы — пионер!**

— Я прямо натерпелась из-за этого, коллеги-врачи крутили пальцем у виска: «Ты что, бронхиальную астму собралась вылечить?». Поддержки не было и поэтому пришлось самой создавать круг общения.

Был у меня переломный момент. В 2002 году, когда я училась на 2-м курсе ВЕИПа, я арендовала кабинет. Он был скромным, но оборудованный с любовью. Кстати, преподаватели потом показывали фотографию — вот как выглядит настоящий психоаналитический кабинет. А все потому, что сделано с любовью! Но я отвлеклась. Так вот, ко мне привели больного шизофренией. Я с опаской начала работу (под супервизией, конечно), но все сложилось. Человеку в 2013 году сняли диагноз, а в 2015 году вообще сняли с учета! Да, это — длительная, кропотливая работа, которая иногда выматывает. Но результат очень вдохновляет! Даже если бы я за всю свою практику одного его вылечила — оно того бы стоило!

— **Случай просится к опубликованию!**

— Это окрыляет. Вообще, я натерпелась много, да еще Пенза — не мой родной город. Поэтому я поддерживаю всех, кто начинает интересоваться психоанализом. Когда я вижу человека с хорошей ментальностью, но не решившего, чем заниматься

в жизни, я говорю: «Идите в психоаналитики. Будете в кабинете сидеть и с людьми «за жизнь» разговаривать. Да еще за это деньги получать». Человек удивляется: «А что, так можно?». «Можно» — говорю я. «Только надо много учиться. Диплом-то тебе выдадут, но важно научиться работать. Тяжело, но я тебя научу, подскажу, разъясню — обращайся!»

— **У начинающих специалистов много тревог: нужен ли им психоанализ, как создать практику с нуля, будут ли ходить пациенты? Вы улыбаетесь, и я улыбаюсь, когда такие вопросы слышу. Но для многих начинающих коллег это — действительно важная тема. Я думаю: работай, делай свое дело — и пациенты придут, и «сарафанное радио» заработает. А вы как думаете?**

— Да. Мне эти вопросы задавали в Баку на первой конференции по психоанализу в 2019 г. Пригласил меня туда с докладом однокурсник Фариз Самедов. Было боязно, на конференции были выдающиеся личности, боги психоанализа. И я из Пензы. Фариз мне сказал: «Доклад докладом, но еще расскажи, как ты работаешь. Будут сидеть молодые психологи, педагоги, социальные работники, логопеды — и никто не знает, как работать». И как раз эти вопросы там обсуждались — где взять клиентов, поэтому я заулыбалась сейчас. Я рассказала о том, что клиенты везде, реально везде. Не надо думать, что где-то в отдельном, специальном месте есть скопище людей, на которых написано — клиенты. У всех людей есть вопросы к жизни, и если к тебе есть доверие — люди тебе эти вопросы зададут.

— **Вопросы, которые «болят» и хочется их с кем-то обсудить.**

— Конечно! Если мы отвечаем грамотно, люди придут еще, спросят, к кому еще можно обратиться. Они из этого пространства не уйдут. Все просто: учишься и тебя научат. Я, когда поступала в мединститут, тоже не знала, как лечить. А потом научилась.

— **Психотерапия — это то, чему обучают. Психоаналитиками не рождаются.**

— Да, просто надо учиться. Прочитай лекцию, выучи параграф. Когда мне говорят, что на тренинг или школу нет денег, я отвечаю: скажи преподавателю, что хочешь учиться, будешь самым прилежным учеником, что вы как преподаватель будете мной гордиться, но у меня нет денег заплатить за лекцию. И я тебя посажу, и по слогам читать учить тебя буду. В нашем деле за «благодарные уши» будешь держаться как преподаватель. Когда не просто заплатили и отсидели лекции. А когда люди спрашивают, уточняют, записывают — видно, как им это помогает. Как начать работать? Начать учиться надо, а там всему научат.

— **Я наблюдала много раз качественный и количественный скачок в развитии начинающего специалиста. Сначала человек жалуется: «Нет пациентов» — потом что-то происходит, и они есть. Стал готов, видимо. Вопрос — где их брать — отпадает. Человек научился работать.**

— Мне кажется, все упирается в знания. Можно три года работать и не понимать, что происходит с пациентом. А когда супервизор объясняет, у человека открывается второе дыхание. Не хватает знаний.

Многие боятся супервизироваться. Боятся, что их оценят негативно. Мы, как педагоги, должны вести просветительскую деятельность: супервизия — это не работа над ошибками, не оценка, не экзамен. В работе с пациентом работает и твое бессознательное тоже, а без третьего взгляда ты этого не увидишь. Приходи, обсуди — и откроется второе дыхание.

— **Когда приглашаешь в супервизионную группу, человек приходит и понимает, что боялся напрасно. Это опыт.**

— Опыт идет от преподавателей. У меня было иначе. Я готовилась к экзаменам сама, меня хвалили преподаватели, но я боялась. В этом была сложность — не у кого спросить, правильно подготовилась или нет. Помню, был вопрос: «Инкорпорация. Интроекция. Идентификация». Села перед преподавателем, Виктором Мазиным. Дрожу и понимаю, что выгляжу глупо — мне 38 лет, а я дрожу! Говорю: «Я соберусь, я знаю ответ. Инкорпорация — это кровь и плоть

Господня, просфора с кагором в церкви. Интроекция — это как выйти замуж девственницей, но ты не знаешь, почему именно так, но точно знаешь — до свадьбы — ни-ни! А идентификация — это вот я за 9 месяцев прохождения психоанализа поправилась на 9 килограмм!». Как сейчас, все выпалила ему разом. А Мазин говорит: «Все, пять. Идите». Я-то думала, что я плохо ответила, ни одного определения не назвала, ну все, завалила экзамен! А он вслед мне говорит: «Вот если все так будут сдавать, это будет здорово!».

Этот опыт мне показал — преподавателям важно, разбираетесь ли вы в предмете. Не как заучили определения, а как понимаете смысл. И еще разрешение быть собой. Это — «разрешение» быть взрослой, говорить на том языке, на котором вы говорите, оказало мне мощную поддержку и помогло преодолеть страхи. Меня не загоняли в жесткие рамки. Поэтому я лояльна к этическим нормам, я хорошо в них разобралась по сути, не по форме. Я понимаю, когда этические нормы неправильно трактуют, я против ужесточения.

— **Вы много лет работали в Этическом комитете ЕКПП, расскажите об этом.**

— Да, 8 лет. Часто защищала коллег. Но это конфиденциально.

— **Думаю, мало кто сознательно нарушает этические нормы. Мы приходим в профессию не для того, чтобы нарушать, а чтобы помогать и получать удовольствие от работы. Но иногда возникают сложные ситуации.**

— А затем это неправильно истолковывается. Поэтому мой живой язык помогает расставить все точки над «И». Терминами не прикроешься.

— **Почему выбрали членство в ЕАРПП?**

— Мне важна принадлежность к европейским коллегам: к Европейской Ассоциации Психотерапии (ЕАП) и European confederation of psychoanalytic psychotherapies (ЕСРР, Vienna, Austria). Европейская Ассоциация Развития Психоанализа и Психотерапии (ЕАРПП) является национальным отделением ЕСРР в России. Надо отметить,

что ЕСРР состоит из национальных отделений разных европейских стран: Франции, Англии, Украины и т. д. С европейскими коллегами — ректором института Зигмунда Фрейда в Вене Альфредом Притцем, с Маркусом Фаем и многими другими мы знакомы много лет, я неоднократно участвовала в европейских психоаналитических конгрессах. Я — активный член организации, много лет работала в Правлении и в Этическом комитете российского отделения — вместе с М. Д. Машовец, с И. В. Бардаковой, с Т. В. Мизиновой. Это многолетние связи, слаженная организационная работа. И когда произошел раскол, то я и мои коллеги из Пензы остались вместе со всей командой — в ЕАРПП.

— Как ваше региональное отделение будет развиваться?

— У нас есть прирост, 3 человека. Молодые коллеги сертифицируются, получают статусы. Я всегда «за» сертификацию. Это профессиональное признание. Судьба распорядилась так, что я из Саратова приехала в Пензу. Но до сих пор поддерживаю близкие отношения со своими однокашниками-врачами. Я им не говорю, что я психотерапевт. Они не оценят меня как профессионала, а отреагируют как обыватели. Мои коллеги врачи не знают, что такое психоанализ и как можно психоанализом шизофрению вылечить. И они этого не поймут. Поэтому наша общественная организация — это то пространство, где тебя могут оценить как специалиста. Сертификация необходима — это профессиональное жюри, которое стоит за тобой. Количество часов терапии говорит само за себя. То, что ты ее проходил у профессионала, затем учился там-то и там-то, а после института еще и там — все это делает тебя уважаемым специалистом, уважаемым коллегами. Мы не просто все «приличные люди», как говорил мой Учитель, а уважаемые коллеги в уважаемом сообществе.

— Уважаемые за реальные достижения.

— Поэтому я всем рекомендую сертифицироваться. Сейчас в РО Пенза 3 психотерапевта Единого Европейского Реестра (ЕАР). Я ратую за все статусы и регалии.

— Это наш здоровый нарциссизм.

— Ты же учился, надо, чтобы все знали, надо, чтобы были результативные итоги.

— Мы подошли к теме выпуска «Психоаналитические институции: зачем нужны и как пользоваться». Вы на этот вопрос ответили: зачем нужны психоаналитические сообщества. Для того, чтобы мы получали признание коллег. Мы не можем в полной мере его получить от друзей, от пациентов.

— У спортсменов есть Олимпийские игры, у врачей — показательные операции. А мы где можем показать успехи? Сертификация — это не просто документ, подписанный коллегами. За каждой подписью стоит ответственность за квалификацию специалиста. Я, когда даю рекомендацию, отвечаю за человека. Это не просто подпись, это моя репутация, опыт. Иногда мне говорят: «Я знаю, что Вы как бы психолог...». Я отвечаю: «Я Вам покажу все свои дипломы, сертификаты, «медали» и Вы мне ответите — в ком из моих педагогов Вы сомневаетесь?». Сертификация — это цепочка всех тех, кто стоит за нами, всех наших учителей. И за мной стоят педагоги, которым не стыдно за меня. И я через всю жизнь несу эту благодарность им. Мои педагоги говорят, что я — их любимая ученица. Такая связь дорогого стоит. В тебя вкладывались, и ты, будь добр, продолжи эту цепочку — выучи своих последователей.

— Мы говорим сейчас про психоаналитическую родословную?

— Да, именно. Про тех, кто стоит за нами, про наш тыл. Про тех, кто будет после нас — про наших учеников. И про преемственность знаний и профессии. Меня часто спрашивают, почему я не пишу книги. Я не умею писать книги, я оставляю своих учеников. Книги пусть напишут они! **п**

Беседовала Гридаева Галина Витальевна

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ В РУБРИКЕ ЛЮДЯМ
ПРО ЛЮДЕЙ

**РЕПОРТАЖ, ПОСВЯЩЕННЫЙ
ПАМЯТИ ХАРОЛЬДА ШТЕРНА**

1 декабря 2020 года не стало Харольда Штерна (Harold Stern). Он «заразил» идеями современного анализа Спотница Санкт-Петербург, Новосибирск, Москву, Екатеринбург, Вологду и т. д.

Харольд учил нас не только теории и техникам, он привил нам психоаналитическое любопытство. Он нас не просто учил анализировать, а получать от этого удовольствие. В нашей работе нам и сейчас помогают его яркие идеи, пронзительные интервенции, его профессиональная щедрость и великодушие. Теперь и мы сами, его ученики, «заражаем» этими идеями других.

В один из приездов Штерна в Санкт-Петербург появилась идея написать о нем книгу. Для этого надо было не так уж и много — написать тем, кто получал у него терапию и супервизии, а может просто ходил на его лекции, свой отклик от общения с ним. Потом собрать все отклики воедино и тогда мы все смогли бы ещё что-то получить от Харольда, потому что он был очень разный, и от его многообразия каждый мог брать что-то для себя. В этом я убедился на Зимней Школе ЕАРПП в 2021 году. Мой коллега, во время мастер-класса сказал, что Штерн всегда уделял много внимания запросу пациента. А я такого Штерна не знал! И этот пробел можно заполнить и воплотить задуманное ранее. Приглашаем всех, кому есть, что написать о своём опыте общения с Харольдом к совместному проекту. Заявки присылайте на почту orthodoc@mail.ru, в теме письма обязательно укажите «Филадельфийский оракул».

Вице-президент ЕАРПП Ян Олегович Федоров

ИНТЕРВЬЮ

с Председателем РО-Ярославль (ЕАРПП), психологом и психоаналитиком, тренинг-аналитиком ЕАРПП и ЕСРР, нашей коллегой — Метельской Юлией Сергеевной

ПСИХОАНАЛИЗ КУЛЬТУРЫ

Культура — это не только набор правил, которые предписывают человеку определённое поведение с присущими ему переживаниями и мыслями, оказывая на него, тем самым, управленческое воздействие. По мнению Фрейда, культура — это сумма всех достижений и общественных институций, отличающих жизнь людей от жизни животных, служащая двум целям: защита человека от природы и урегулирование отношений между людьми.

Психоаналитическая концепция культуры появилась благодаря гипотезе З. Фрейда, что индивидуальная психическая жизнь человека тесно связана с социальными формами символического обмена (язык, история, антропология, политика, культура и т.д.) и неотделима от тех способов, какими организована совместная жизнь в человеческом обществе. Уже в работе «Тотем и табу» Фрейд, рассуждая о культуре, приходит к выводу, что культура является результатом обуздания собственных чувств, коллективной выработки стратегий в обращении с наиболее мощными эмоциональными привязанностями и влечениями,

претендующими на немедленное и полное удовлетворение.

В рамках рубрики «Психоанализ культуры» мы будем знакомить вас с классическими и современными исследованиями, как отдельных культурных феноменов, так и общих тенденций развития психоаналитической концепции культуры.

Цель рубрики:

- формирование и развития общего представления о психоаналитической концепции культуры, ее теоретических основах и практическом применении;

- развитие и трансформация представления о культуральном феномене, как об избранном факте, или как о сновидении, работа с ним не как с текстом, а как формой символического обмена, где не важно «что» происходит, но важно «как».

Для этого номера мы выбрали Кино и Киноклубы как объекты для исследования и постарались передать вам через опыт переживаний людей, много лет работающих ведущими кино клубов, специфику данных феноменов.

Приятного просмотра!

Киноклуб: психоанализ культуры в пространстве кадра

**Князькова Олеся
Николаевна**

[об авторе](#)

Киноискусство (кино) — вид пространственно-временных искусств, средствами художественной выразительности которого являются изображение и звук. Кино — относительно новый самостоятельный, синкретический вид искусства, разновидность древнейшей в истории культуры «эстетической системы» — системы показа [11, с. 42], представляющий собой «одно из самых ярких и в то же время новых способов восприятия мира» [1, с. 49]. Кино — это результат эволюции и синтеза всех традиционных видов искусств, поэтому оно обладает наиболее широкой гаммой воздействия на систему восприятия человека, так как создаёт огромный эффект включённости субъекта в свою реальность. Со времён первых экспериментов сюрреалистов с чёрно-белым кино и до настоящего времени киноиндустрия проделала огромный путь, так что теперь зритель, смотря фильм, имеет возможность погружаться не просто в другую реальность, а в гиперреальность кинематографа (Ж. Бодрийяр). Язык современного цивилизованного человека и его мышление пропитаны культурой экрана — кино, медиа, многочисленные видео на просторах интернета. Человек современный обращён

к Культуре по большей части через экран, поэтому реальность в какой-то мере заменена знаком реальности, знаком экрана. В своей работе с пациентами современный психоаналитик скорее всего обратится к метафоре из фильма или телесериала, чем из литературного или музыкального произведения. В этой связи кино как «переходное пространство» в современной культуре и использует такая форма группового психоаналитического формата работы как киноклуб. В настоящей статье рассмотрим психологические особенности кино как объекта современной культуры, точки его соприкосновения с психоанализом, кино как метод работы в психоаналитической практике на примере такой формы её организации как киноклуб.

Кино как феномен современной культуры достаточно широко изучено в философии (Ж. Делёз, Р. Барт, К. Леви-Стросс, М. Фуко, Ж. Бодрийяр и др.), социологии (Э. Альтенло, Л. Муссинак, Г. Блумер, Я. Джарви и др.), киноведении (Р. Арнхейм, С. Э. Эйзенштейн, Э. Сarris и др.). В теории психоанализа кино специфически осмысливается в различных его аспектах. Существуют собственно психоаналитическая теория кино (К. Мец, Ж. Роуз, Х. Мюнстерберг, С. Жижек, В. А. Мазин и др.), исследования, посвящённые особенностям процессов взаимодействия зрителя и кино — так называемого кинозрения (Ж. Деррида, К.П. Корбут и др.); кино изучается как способ осмысления, рефлексии психоанализа как такового в поле культурных явлений; кино исследуется как средство, инструмент в работе психоаналитика (например, киноклуб). Наиболее обширно в отечественном научном пространстве область взаимосвязи психоаналитической теории и истории развития кино исследована В. А. Мазиным [7], [8]. Опираясь на эти исследования, проследим основные этапы развития психоаналитической теории кино.

Одно из первых размышлений о взаимосвязи кино и психоанализа принадлежит Лу Андреас-Саломе, которая предвосхитила в своих заметках значительную роль, которую сыграет кино для психоаналитического сообщества. Она отмечала, что «иллюзия восприятия совпадает

с иллюзией кино <...> реальность кино реальнее самой реальности» [7, с. 22]. В 1913 г. она призвала «задуматься о том, что может означать будущее кино для нашей психической конституции», сравнивала белый экран с материнской грудью, которая предлагает «богатую одаривающую чувственно-воображаемую-аффективную пищу» [7, с. 23]. Исследования Отто Ранка вдохновили теоретиков кинематографа на размышления об аналогии зеркала и экрана: «собственное я обнаруживается в отражении на экране» [7, с. 28–29]. С 1920-х годов режиссёры начали снимать кино о психоанализе как о феномене культуры, медицинской и научной практики. Режиссер Г. В. Пэбст консультировался с К. Абрахамом и Х. Сашем, когда снимал фильм «Секреты души» (1926 г.). «Они предложили режиссеру фабулу для фильма, в котором психоаналитик лечит с помощью интерпретации сновидений фобию ножей и импотенцию. В результате, в фильме показаны с удивительной точностью классические механизмы фрейдовской работы сновидения (смещение, сгущение и символическое представление)» [6]. После второй мировой войны на волне популярности психоанализа в Голливуде многие режиссёры снимали фильмы на психоаналитические темы, в которых психоанализ предлагался как «чудо метод». В 50-х психоаналитики заметили, что «киноискусство может быть также полезно в психоаналитическом обучении, как и фрейдовское психоаналитическое осмысление пьес Ибсена, Шекспира и Софокла. В последние годы развилась целая сфера психоаналитической кинокритики. Наибольший подъём был в 1960-е годы: в журналах, посвящённых кино, печатается психоаналитическая кинокритика. Основоположающими для кинокритики становятся «две теории Лакана — теория о стадии зеркала, объясняющая рождение нарциссизма, происхождения собственного я, воображаемого порядка и теория взгляда, объясняющая бессознательную оптику зрительного поля» [7, с. 37]. Во многом благодаря Ж. Лакану в теории кино нашли своё объяснение процессы, происходящие во время киносеанса. А кино, в свою очередь,

обогастило теорию психоанализа, буквально проиллюстрировав многих психические феномены. С 60-х на экран выходили фильмы о Фрейде и психоаналитиках: в 1962 году — фильм «Фрейд, тайная страсть» (режиссёр Д. Хьюстон), в 1976 — «Молодой доктор Фрейд» (режиссёр А. Корти) и др. При этом образ психоаналитика варьировался от злодея-манипулятора до наивного доктора. Образ находился и находится в прямой зависимости от положения психоаналитика в социальной иерархии, господствующей идеологии, моды [7, с. 52–53]. В 1970-е в развитие психоаналитической теории кино внесли вклад исследования Лауры Малви, которая описывала феномен взгляда кинокамеры как «патриархальный» и «садистический», а также удовольствия, получаемые от просмотра кино: «от смотрения — активное, мужское и пассивное женское», «скопофилическое, при котором другие выступают в качестве объектов сексуальной стимуляции, и нарциссическое, извлекаемое из распознавания себя» [7, с. 39]. В 1975 году Жан-Луи Бодри в статье «Аппарат» размышлял о положении зрителя на киносеансе: «зритель бессознательно возвращается в ситуацию нарциссических отношений с образом экранного другого как со своим собственным. Структура идеального образа, которая устанавливается в психике во время прохождения стадия зеркала, воспроизводится в процессе кинопросмотра» [7, с. 40]. Бодри писал о кинематографическом аппарате как об аппарате симуляции (эту и другую мысль относительно гиперреальности кино впоследствии развил Ж. Бодрийяр). Жак Деррида сравнивал кино с призраком: «структура кинообраза как такового насквозь призрачна. Когда зритель приходит на киносеанс, в нем немедленно начинается работа бессознательного <...> Зритель перед экраном — это невидимый вуайер, ему позволены любые фантазии, он может идентифицировать себя с кем и чем угодно, и все это без малейших усилий и не испрашивая ни у кого разрешения. Именно это и дарят мне фильмы: возможность уйти от запретов, а главное — забыть о работе. Вот почему кинематографическое переживание не может принять для меня форму знания,

не может быть усвоено памятью, не может само стать работой <...> Ни философия, ни ученость не в состоянии помочь мне сформулировать эти переживания. Кино остается для меня наслаждением — скрытым, потайным, жадным, ненасытным и, следовательно, инфантильным» [5].

Ближе к 1980-м разворачивается достаточно много критики в отношении позитивистского подхода к кино. Исследователи поворачивают свой взгляд к субъекту и его состояниям: «субъект — спееффект кино!», «кино, как и сновидение, зависит от способности зрителя «нормально» галлюцинировать» [7, с. 41]. Кристиан Метц размышлял о том, как кино подталкивает зрителя к психическому регрессу: от способов мышления, связанных с вторичными процессами, к процессам первичным — галлюцинаторному удовольствию; о специфике экрана как «зеркала», о «первичной кинематографической идентификации» [7, с. 40–41], которая порождает эротическую идентификацию, агрессивность и паранойяльность. Это то, что «роднит работу кино и работу сна — регрессия. Сновидение осуществляется посредством регрессии. Некоторая доля регрессии, присутствует и при просмотре фильма, особенно в темном зале кинотеатра. Все, что зритель может видеть и слышать, контролируется фильмом. Зритель в некоторой степени теряет ощущение своего реального (физического и психического) присутствия в помещении <...> роль зрителя предполагает некоторую пассивность, зритель принимает то, что ему показывают, и в такой пассивной позиции скрыто дополнительное удовольствие. И тогда, о процессе смотрения кино можно думать, как о поиске единения с объектом (никогда полностью недостижимого), как о некоем усилии поддержать невозможное единение с ним. Как спящий никогда не бывает одинок в полном смысле слова, поскольку спит со своим интроецированным хорошим объектом, так и зритель не одинок перед экраном. Киноэкран является свидетельством партнера по киновидению. И этот партнер помогает трансформировать эмоциональные переживания в мысли, в альфа-элементы по Биону» [6]. Джозан Копжек в 1989 году писала, что «критики

принимают экран за зеркало, но при этом игнорируют радикальное прозрение Лакана, касающееся травматичности стадии зеркала, обмана, заблуждения в зеркале» [7, с. 44–45]. В 1997 году в «Международный журнал психоанализа», наряду с обычными обзорами книг начал размещать и критические обзоры фильмов. «Это решение отражает мнение, что киноискусство должно рассматриваться так же серьезно, как и культурные достижения прошлого — живопись, литература, музыка и драматургия». С 2003 года в Лондоне проходит ежегодная конференция «Кино и психоанализ», в которой принимают участие и психоаналитики, и кинематографисты [6].

В настоящее время в философских и социально-гуманитарных исследованиях понимание и изучение явления «кино» идёт в контексте теорий постмодернизма¹ и постпостмодернизма². Особенно значимыми в исследовании феномена кино и его влияния на культуру и жизнь общества эпохи постмодерна являются работы Ж. Делёза, Р. Барта, К. Леви-Стросса, М. Фуко, Ж. Бодрийяра и др. Направленность основной

¹ Постмодерн (постмодернизм) — течение в культуре второй половины 20-го века — начала 21-го (в философии, гуманитарных науках, искусстве, литературе), преимущественно в странах Европы, Северной Америки. Постмодернизм обращается к культурному наследию прошлого как объекту игрового освоения, ироничного цитирования и ситуационного переосмысления (при включении его в разнообразные контексты), источнику стилизации, комбинирования его форм [9].

² Постпостмодернизм трактуется как один из этапов эпохи «постмодерности» (М. Эпштейн); свидетельство исчерпанности, усталости постмодернизма. Его эстетическая специфика состоит в создании принципиально новой художественной среды «технообразов», чье сущностное отличие от традиционных «текстур» заключается в замене интерпретации «деланием», интерактивностью, требующими знания «способа применения» художественно-эстетического инструментария, «инструкции» [10].

массы философских исследований о кино «исходила из скрытого допущения того, что именно с его появлением связан радикальный разрыв с прошлой историей» [4]. Согласно Ж. Бодрийяру киноиндустрия занимает особое положение в современной культуре. Культура периода постмодерна, пришедшая на смену эпохи войн, революций, индустриального прогресса, утратила в некоторой мере смысл своего существования. Эту утрату и образовавшуюся на её месте экзистенциальную пустоту западной культуры призвано заполнить кино. Вместе с тем, кино, согласно Бодрийяру, — это скорее развлечение, нежели пространство, направленное на порождение смыслов: «всё годится, лишь бы избежать этой пустоты, этого малокровия истории и политики, этого кровотока ценности, — именно пропорционально этой тоске вспоминают вперемешку любой контент, беспорядочно воскрешают всю предыдущую историю — ни одна идея не проходит больше квалификационного отбора, одна лишь ностальгия накапливается без конца: война, фашизм, великолепие Прекрасной эпохи или революционная борьба — всё равнозначно» [2, с. 63]. Как следствие такого (потребительского) отношения к кино меняется понятие абстрактного в искусстве (вообще нужно ли и будет ли понято это самое абстрактное?). На смену абстрактного пришла симуляция реального. «Речь идёт уже не об имитации, не о дублировании, даже не о пародии. Речь идёт о <...> подмене реального знаками реальности <...> Отныне гиперреальное экранировано от воображаемого и от какого-либо различия между реальным и воображаемым» [2, с. 7]. Эти процессы оказывают сильное влияние на процесс мышления современного зрителя — он в меньшей степени думает, осознаёт и активно выбирает, скорее пассивно воспринимает (проглатывает), всё, что захватывает его внимание. Чтобы представить себе разницу между абстракцией и симуляцией достаточно вспомнить традиционный театр с ограниченным пространством сцены, с декорациями, отсылающими зрителя самому «дополнить» картину происходящего, с актёрами в нарочитых костюмах и гриме играющих роли, с оркестром,

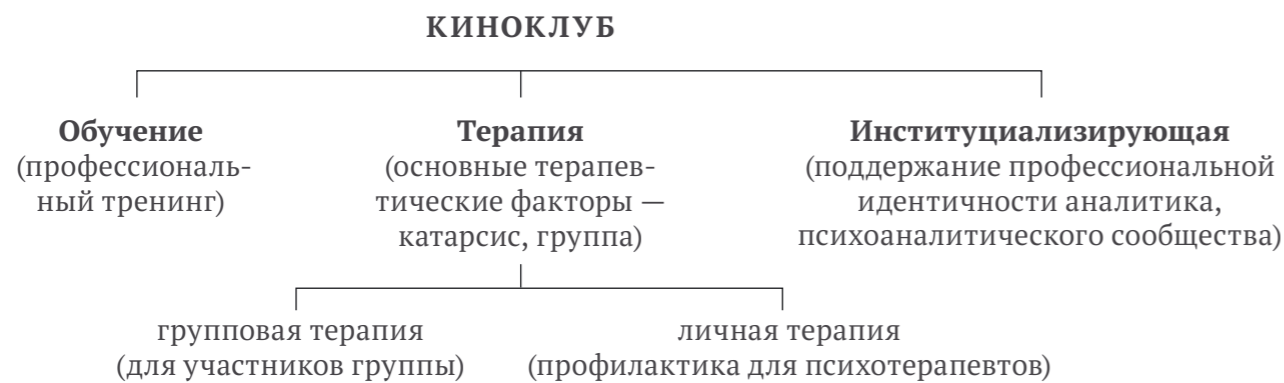

Рис. 1 Функции киноклуба

осуществляющим музыкальное сопровождение, иными словами, театр — это условность, но чувства и мысли, которые уносит с собой зритель реальны. В то же время кино — это предельное «жизнеподобие», но для достижения катарсического эффекта у зрителя от просмотра фильма требуется куда больше средств (ментальных, духовных, технических и т.д.). Современное кино и видео, в широком смысле слова (как продукты эпохи постмодерна), способны породить не только катарсис, но и антикатарсис. «Мы находимся в мире, в котором становится всё больше и больше информации и всё меньше и меньше смысла» [2, с. 109]. Следствием инфляции смысла и бесконечной симуляции (нарциссической грандиозности, иллюзии всемогущества) является меланхолия, снижение уровня и качества психического функционирования общества.

Таким образом, на протяжении существования человечества искусство и художественно-творческая деятельность были способами выражения (и отражения) человеком себя и своего бытия; средствами становления субъектности личности, её социальной и духовной саморегуляции. Любой вид искусства посредством художественного образа, метафоры и символа воздействуют на зрителя в обход рационального мышления: через эмоциональное воздействие (сопереживание, катарсис и др.), мыслительные операции идентификации, ассоциации, персонификации, трансдукции, рефлексии, сублимации и др. Является ли на современном этапе искусство (кино, в частности) средством становления

субъектности личности, средством её саморегуляции — крайнедискуссионный вопрос. Современный зритель во многом «испорчен» бесконечным соблазном смотреть, поглощать практически любой кино-, видеоконтент, не «переваривая» его. Поэтому, как нам кажется, такой современный формат групповой работы как киноклуб особенно востребован в современной психотерапевтической практике. Можно сказать, что получить опыт участия в киноклубе, для современного человека — это уникальный опыт, так как киноклуб для обывателя, не искушённого психологическим, философским или кинематографическим образованием, — это единственная площадка, где можно не только смотреть кино, но и видеть его (а через кино получить возможность увидеть и себя); это роскошь воспользоваться кино не только как средством пассивного сиюминутного удовольствия, но и как способом замедлиться, начать осознавать, рефлексировать, осмысливать, символизировать и связывать. Быть ведущим киноклуба — значит иметь в руках инструмент для решения самых разнообразных задач, которые ставит перед ведущим работа с группой.

В ЕАРПП накоплен богатый опыт организации и ведения киноклубов. Нам удалось побеседовать с их ведущими и участниками из Москвы, Санкт-Петербурга, Пензы, Хабаровска и Екатеринбурга. Киноклубы имеют свою аутентичную историю, они различаются по цели, по форме организации, по составу групп. Если попытаться схематично изобразить разнообразие типов киноклубов по их ведущим функциональным

установкам (см. Рисунок 1), то можно утверждать, что создание киноклуба может преследовать следующие задачи: обучение (профессиональный тренинг); терапия (катарсис, группа как терапевтический фактор); институционализация.

Обучение (профессиональный тренинг) использует кино как наглядный пример, как модель человеческой жизни, как иллюстрацию функционирования психических механизмов, объектных отношений и др., так как в центре внимания аналитического и кинематографического находится человек. Его внутренний мир, переживания, характер, судьба. Методы работы с фильмом в различных киноклубах, ориентированных на обучение (профессиональный тренинг), могут отличаться. Многообразие школ и подходов в психоанализе влияет на выбор ведущим киноклуба модели работы с группой и фильмом. Кинокартина способна быть мощным стимулом для личностного роста и профессионального развития. Именно так это и происходит на киноклубе у Евгении Ароновны Зоткиной, кандидата психологических наук, клинического психолога, психоаналитического психотерапевта, психолога-сексолога, специалиста ЕАРПП, члена Российского Научного Сексологического Общества.

Институционализирующая функция киноклуба направлена на формирование профессионального пространства, сообщества как такового, на поддержание идентичности профессиональной группы и её участников. В этом отношении богат опыт организации и ведения киноклуба коллег из Хабаровска и Екатеринбурга.

Киноклуб как разновидность психотерапевтической группы ориентирован на работу с широкой аудиторией. Кино как переходное пространство позволяет включать в киноклубные группы участников, для которых иной вид психотерапевтической работы может быть не доступен. Терапевтические факторы обусловлены групповой работой как таковой (группа сама по себе — инструмент), катарсическим эффектом, оказываемым фильмом как произведением искусства, а также рамкой — кадром (сеттингом), и конечно же — личностью ведущего. ■

БИБЛИОГРАФИЯ:

- Бегалимов А. С. «Педагогика перцепции», или кинофилософия Ж. Делёза // *Философия образования*. — № 4 (49). — 2013. — С. 44–53.
- Бодрийяр Ж. *Симулякры и симуляции*. — М.: Издательский дом «Постум», 2015. — 240 с.
- Делёз Ж. *Кино*. — М.: Ad Marginem, 2004. — 622 с.
- Жиль Делёз: «Кино в свете философии» // *Искусство кино*. — 1997. — №4. — [Электронный ресурс] : <https://old.kinoart.ru/archive/1997/04/n4-article23>. — (дата обращения 01.03.2021 г.).
- Кино и его призраки. Интервью с Жаком Деррида // *Сеанс*. — 2006. — № 21/22. — [Электронный ресурс] : <https://seance.ru/articles/kino-i-ego-prizraki>. — (дата обращения 01.03.2021 г.).
- Корбут К. П. *Психоанализ о кино и кино о психоанализе* // *Журнал Практической Психологии и Психоанализа*. — 2005, №2. [Электронный ресурс] : <https://psyjournal.ru/articles/psihoanaliz-o-kino-i-kino-o-psihoanalize>. — (дата обращения 01.03.2021 г.).
- Мазин В. *Сновидения кино и психоанализа*. — СПб.: Скифия-принт, 2012. — 256 с.
- Мазин В. А. *Лу Андрес-Саломе и Жак Лакан смотрят «Стыд» Стива Маккуина*. Ижевск: издательский дом «ERGO», 2014. — 160 с.
- Постмодернизм // *Большая российская энциклопедия* [Электронный ресурс] : <https://bigenc.ru/philosophy/text/3162376> — (дата обращения 01.03.2021 г.).
- Постпостмодернизм // *Энциклопедия культурологии* [Электронный ресурс] : https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1089/Постпостмодернизм. — (дата обращения 01.03.2021 г.).
- Хренов Н. А. *Кино: реабилитация архетипической реальности*. — М.: Аграф, 2006. — 704 с.

О проекте «Свободной Ассоциации» «Фильм-Анализ»

Князева Алена Викторовна

Лёвина Вера Андреевна

Черникова Анастасия Юрьевна

[об авторах](#)

Непрерывность профессионального развития сначала является необходимостью, затем привычкой, а однажды превращается в потребность.

Создание совместного с коллегами пространства позволяет продолжать психоаналитическое обучение и углублять понимание движений человеческой души.

На основе этих идей чуть больше трех лет назад был создан клуб психоаналитиков «Свободная Ассоциация» — пространство, предназначенное для чтения и слушания докладов, обсуждения книг и анализа фильмов. Т. е. всего того, что само по себе может быть интересно, и что способствует освоению и развитию психоаналитического мастерства.

О ПРОЕКТЕ «ФИЛЬМ-АНАЛИЗ»

Одним из первых проектов, родившихся в пространстве клуба, был «Фильм-анализ». Странно было бы не использовать тот символический материал, который содержится в фильмах, отражает многие жизненно важные темы и глубоко затрагивает чувства. В фильм-анализе главным является именно проживание, а не только интеллектуальное понимание того или иного сюжета.

Этот проект представляет собой групповой формат работы. Совместное проживание углубляет не только понимание символического языка фильма через внутренний резонанс, но, прежде всего, позволяет безопасно встретиться с собственными чувствами, осознать собственную позицию относительно той или иной жизненной темы.

Предполагается, что такая работа в группе может расширить видение темы, позволит участникам найти собственный взгляд на обсуждаемое явление, усложнить и обогатить его через собственные переживания и размышления, и через отклик на высказывания других участников.

ЭТАПЫ РАБОТЫ

Обычно работа проекта «Фильм-Анализ» строится следующим образом.

На первом, вводном этапе модератор дискуссии, человек, который предложил фильм к просмотру, говорит несколько слов о фильме, о темах, которые в нем затрагиваются, и о том, в связи с чем он предложил именно этот фильм. А участники кратко сообщают о своем интересе.

Второй этап посвящен непосредственному просмотру фильма в кабинете, который на это время превращается в кинозал.

На третьем этапе, после небольшого перерыва, начинается обсуждение, которое происходит в два круга.

На первом круге обсуждения участники говорят о переживаниях, возникающих в связи с просмотром. О том, какие сцены эмоционально задели, какие возникли чувства.

На втором круге постепенно собирается понимание, делаются предположения о ситуациях героев, о причинах этих ситуаций и о том, для чего они складываются, о возможных прогнозах развития героев и сюжета. Понимание, формируемое на втором круге, во многом опирается на переживания, озвученные участниками во время первого круга, т. е. основная задача каждого участника — позволить фильму повлиять на себя, на эмоциональном уровне переработать это влияние и выразить это в виде понимания.

Особенно интересно бывает, когда кто-то из участников подхватывает мысль

другого и по-своему развивает ее, делая еще несколько шагов в понимании, и высказывания одних в этом случае становятся основой для инсайтов у других.

Завершающий, четвертый этап работы, позволяет подвести итоги, выделить самое значимое, сказать о чувствах, с которыми участники заканчивают встречу, т. е. «заземлиться».

ПРАВИЛА РАБОТЫ

Для того, чтобы процесс обсуждения был экологичным, существуют определённые правила:

1. Соблюдение очередности этапов работы. Поскольку фильм может затронуть очень глубокие чувства, велико искушение защититься интеллектуализацией на этапе обмена чувствами. Соблюдение очередности этапов позволяет удерживать рамку, сохраняя пространство как для переживаний, так и для обмена идеями.

2. Я-высказывание, акцент на собственном переживании и восприятии — необходимая составляющая любой групповой работы.

3. Взаимное уважение, возможность высказаться всем участникам. Модератор ведёт групповой процесс, давая место каждому участнику.

4. Добровольность самораскрытия — условие безопасности в открытой группе. Каждый участник сам определяет, насколько активно готов участвовать, а также меру выражения своих чувств.

5. Конфиденциальность — за пределами встречи можно рассказывать про себя, но не про высказывания и детали, раскрывающие других.

Совместное проживание ... позволяет безопасно встретиться с собственными чувствами, осознать собственную позицию относительно той или иной жизненной темы.

Глубокий процесс совместного переживания часто приводит к тому, что осознание продолжается ещё некоторое время после встречи. Поэтому есть еще один, дополнительный этап, пятый, который остается на усмотрение участников. В течение ближайших дней после просмотра мы рекомендуем написать небольшую рецензию на увиденный и совместно переработанный фильм. Несколько рецензий приведены в конце статьи для примера.

Проект «Фильм-Анализ» в рамках клуба стал одним из самых посещаемых, что позволяет сделать вывод о ценности подобного формата групповой работы для участников. На протяжении трех лет работы неоднократно тема, поднимаемая в одном фильме, спонтанно раскрывалась далее на следующих мероприятиях,

в соответствии с принципами проработки в психоаналитическом процессе. Мы смогли отследить несколько таких «серийных» тем: мужская, женская, травматическая и т. д. При этом специальной цели создавать такие подборки не ставилось.

Посещение мероприятий проекта открыто для всех интересующихся. По большей части аудитория — студенты-психоаналитики и выпускники, но приходят и люди, не связанные с психоанализом. На итоговом круге они как правило дают положительную обратную связь, отмечая, что их понимание расширилось, и при этом они не чувствовали себя еловко или изолированно. Формат «сначала переживание, потом осмысление» позволяет принять содержательное участие, как профессионалам, так и просто интересующимся. ■

Свободный киноклуб

**Анна Александровна
Фогт**

[об авторе](#)

Как известно, кино и психоанализ появились почти одновременно, но какое-то время развивались обособленно. Психоанализ зародился одновременно с кинематографом — в 1895 году была написана работа Фрейда «Изучение истерии», и в том же году братья Люмьер изобрели кинопроектор. Писатель и поэт Андре Бретон, считающийся основоположником сюрреализма, увидел в кинематографе средство выражения подсознательного. Уже тогда с помощью кино можно было рассказывать истории, используя наложения кадров друг на друга, замедление движения и другие кинематографические приемы. Сюрреалисты видели в этом подражание сновидениям. Однако серьезные научные попытки совместить теории психоанализа и кино получили распространение лишь после Второй мировой войны.

В настоящее время существуют целые направления кинотерапии. И, на мой взгляд, не случайно. Говорить о жизни героя в кино безопаснее, чем говорить о себе от первого лица. Кино может вызывать ассоциации и поднимать те чувства, с которыми в обычной жизни мы стараемся не сталкиваться, оно помогает обратить наше внимание на внутренние процессы.

Наши клиенты часто в терапии рассказывают нам о фильмах, у многих это замена исследования собственных сновидений. Особенно это важно тогда, когда у человека выраженные сопротивления, и он не запоминает сны. А кино — это более приемлемая и доступная форма, через которую можно приблизиться к своим бессознательным процессам. И у фильма есть еще одно преимущество: человек может в любой момент его выключить или перемотать, или посмотреть снова. То есть здесь он контролирует этот процесс и может постепенно приближаться к травматическому переживанию, тогда как кошмарный сон отключить нельзя, его можно только забыть, или организовать себе бессонницу, чтобы избежать этого столкновения. Кино — это еще и возможность рассказать другому что-то о себе, поделиться видимой частичкой бессознательного (люди очень любят рекомендовать друг другу фильмы или ходить вместе в кинотеатр). Поэтому кино клуб в рамках проекта СПОЛ¹ стал уникальным пространством для собственного развития и обучения одновременно. Ведь в фокусе находится человеческий субъект, которого мы постигаем, идентифицируясь с ним на экране. Также как и в психоанализе, с той лишь разницей, что процесс постижения субъекта происходит в рамках кабинета.

Кино клуб — это почти группа «общего сна», где все смотрят один и тот же сон, а затем в процессе обсуждения вместе переживают его эмоционально и пытаются проинтерпретировать с позиции психологических теорий, а также с точки зрения возникших в процессе просмотра фильма собственных чувств и ассоциаций.

Кино клуб — это почти группа «общего сна», где все смотрят один и тот же сон

«Нимфоманка»

Мы собираемся онлайн в зуме каждый третий четверг месяца. Приглашаем к участию специалистов разных психотерапевтических направлений. Наши встречи происходят в дружеской обстановке в форме обсуждения и дискуссии. Участники делятся своими идеями, примерами, иногда это вызывает личный отклик, и человек может поделиться своей личной историей или чувствами. Мы подходим к процессу творчески: участники могут свободно ассоциировать, а ведущий помогает поддерживать групповой процесс, иногда задавая какое-то новое направление в обсуждении. Нет правильных или неправильных мнений, есть живой диалог. Мы приглашаем разных ведущих кино клуба, так как особенно интересен разный взгляд на проблематику в кинематографе, разный опыт специалистов в их практике, разный подход к исследованию кино. Например, в один четверг мы попробовали разобраться в психологических предпосылках сексуальных перверсий и аутоагрессии на примере фильма режиссера Ларса Фон Триера, «Нимфоманка». В другой раз рассуждали о переживании разлуки и одиночества ребёнком, о механизмах формирования детских травм на примере документального фильма последователей А. Фрейда и Д. Боулби «Маленькие дети в краткосрочной разлуке». Каждый спикер проводит кино клуб в своей особой манере — кто-то дополняет обсуждение краткой лекцией на поднимаемые в фильме

«Маленькие дети в краткосрочной разлуке»

проблемы, другой стимулирует активно работать группу, третий предлагает совместный просмотр и обсуждение по свежим впечатлениям.

Участники тоже разные, из разных психологических направлений, с различными взглядами и идеями. Многие участники являются постоянными посетителями кино клуба. «Новички» с каждой группой становятся увереннее в высказывании своих мыслей, и уже сами начинают предлагать фильмы для обсуждения. Дискуссии каждый раз происходят в разном ключе: иногда это более клинически-ориентированное обсуждение с примерами из реальной практики, иногда это более душевный разговор и личный отклик. А иногда бывает, что пришедший участник не успел посмотреть фильм и тогда начинается очень интересный групповой пересказ фильма — «групповой сон наяву», где сюжет обрастает интересными подробностями, нюансами и новыми «режиссерскими версиями». Это помогает тренировать ассоциативное и образное мышление, т. е. кино клуб выполняет и роль психоаналитического тренинга.

Многие участники отмечают, что формат интересный, они возьмут его на вооружение в практике и занятиях со студентами. Для меня самой такой формат исследования фильмов оказался очень интересным, навел на некоторые инсайты в своей работе с клиентами и в личной истории.

Мне также, кажется, важным, что в нашем кино клубе нет четкой

привязки к психоанализу, и что для входа не нужно цитировать Фрейда или разбираться во всех видах сопротивлений. Именно через свободный диалог специалисты других направлений заинтересовываются психоанализом, а все участники расширяют профессиональный кругозор за счет знакомства с мнениями и откликами разных специалистов.

Весь проект СПОЛ¹ — это большая творческая площадка, и кино клуб, как его часть, это пространство, где мы получаем интересный опыт. Мы смеемся, и грустим, сопереживаем героям и размышляем о себе. После завершения встречи уходим с какими-то ответами или, наоборот, с вопросами, идем пересматривать фильм или готовимся к следующей встрече. ■

¹ Свободная Психотерапевтическая Образовательная Лаборатория

«Всё не то, чем кажется»

Евгения Ароновна Зоткина

- клинический психолог-сексолог
 - психоаналитически ориентированный психотерапевт
- Кандидат психологических наук
- сертифицированный специалист ЕАРПП (Россия) и ЕСРР (Vienna, Austria)
 - преподаватель Московского Института Психоанализа (МИП) и Университета Сексологии РНСО

Кино и психоанализ почти ровесники. Их сравнивают, противопоставляют, изучают друг через друга. В центре внимания, аналитического и кинематографического, находится человек. Его внутренний мир, переживания, характер, судьба. Приходя на киносеанс, зритель встречается не столько с сюжетом фильма или актёрами, он встречается с самим собой. Сеанс психоанализа также предполагает движение в истинному Я, к осознанию личной истории, сценариев, смыслов.

Как и психоанализ, кино за свою историю подверглось колоссальным изменениям. Менялись темы, жанры, менялась индустрия, технический прогресс заставил считаться с собой — поменялась роль зрителя: сегодня можно смотреть фильмы на смартфоне где угодно. Зрительный зал в кармане у каждого? Справедливости ради нужно сказать, что и кабинет аналитика может размещаться там же: сессии онлайн уже не считаются чем-то диковинным. Или все-таки не в кармане, а в фантазийном пространстве?

Всё чаще психоаналитическое знание обогащает кино: режиссёры сотрудничают с аналитиками, их приглашают на съемки в качестве консультантов.

Про психоаналитиков снимают фильмы. Психоаналитики анализируют кино, вооружившись методологией изучают литературную составляющую кинокартины, отражение субъективности режиссёра, зрительское отношение и интерес.

В чём причина такой популярности кино? В возможности подглядывать за кем-то? Экран — это окно в другой мир, в который можно проникнуть взглядом? Или он — простыня родительской спальни? А притаившиеся в темноте зала зрители-дети наблюдают за взрослой жизнью? Идентифицируясь с героями кинокартин, можно пережить любое запретное желание, будь то инцест или убийство. Экран — это контейнер для непереносимых аффектов?

Кинематографическая реальность легко проникает в психическое пространство и грань между грёзой и жизнью до конца киносеанса становится почти неощутимой, при условии, что происходящее на экране завладело вниманием зрителя. Тогда, кино — это сон? Оба говорят на языке бессознательного. Оба используют регрессию, сгущение, смещение, символизацию. Сон часто несет в себе куда больше психологической правды, чем длинные тирады бодрствующего человека. Чьи сны отражаются в зеркале фильма? Режиссёра? Сценариста? Зрителя? Это отпечатки личной психопатологии авторов кинокартины или послания коллективного бессознательного?

Зритель — пассивный участник процесса? Кино — это насилие? Нам показывают нечто, что, возможно чуждо и вызывает отторжение. Нас пытаются в чем-то убедить. Взламывают черепную коробку и внедряют туда инородные идеи. Или, наоборот, мы, зрители, контролируем происходящее: можем выйти из кинозала или нажать на паузу, перемотать назад и посмотреть вновь? Зритель может сам решать, когда наступает конец фильма...

Однако кино можно не только изучать, его можно смотреть, чувствовать, понимать. Кинокартина способна быть мощным стимулом для личностного роста и профессионального развития. Как это происходит на практике мы узнаем у Евгении Ароновны Зоткиной, кандидата психологических наук, клинического психолога,

психоаналитического психотерапевта, психолога-сексолога, специалиста ЕАРПП, члена РНСО.

Дискуссионный Исследовательский «КИНОклуб» — проект Российского Научного Сексологического Общества и Евгении Ароновны Зоткиной (Москва)

— Как возникла идея открытия «КИНОклуба»?

— Идея «киноклуба» как пространства для дискуссии «стара как мир».

Я бывала на разных встречах подобного формата, все они были увлекательны и интересны, но чего-то в них не хватало и захотелось сделать что-то свое. Яркие и живые воспоминания о времени обучения психоанализу: отношения между психоаналитиком и пациентом, погружение в супервизионные группы, драматургия клинических случаев вдохновили меня на использование больших возможностей кинематографа для создания похожей атмосферы увлеченности и эмоциональной искренности в нашем проекте по исследованию сферы сексуального поведения.

Сфера сексуального поведения — своеобразный индикатор внутренних проблем человека. Рассматривая историю киногероев как клинический случай, мы исследуем: богатство внутреннего мира человека, многообразие форм отношений и причудливых переплетений проблем психосексуальной организации, желания и фрустрации, неразделимую природу любви и агрессии, из которых складывается неотъемлемая часть жизни, в которой любовь, ненависть, страдание и радость всегда рядом.

— В чём своеобразие дискуссионного исследовательского «КИНОклуба» с Евгенией Зоткиной?

— На встречах «КИНОклуба» мы смотрим и анализируем выбранные киноленты, обсуждаем нелинейность и амбивалентность «закулисья» человеческой сексуальности, одного из самых важных, ярких и захватывающих проявлений человеческой жизни, в котором отражается сложный мир индивидуальных различий, сексуальных сценариев и разнообразных стратегий

взаимоотношений. Сложнейшее явление, зависящее от причудливых переплетений биологических, социальных, культурных и психологических факторов.

Сексуальность — это область, где особенно ярко проявляется наша уникальность. Сфера неограниченных открытий, изобретений и страхов. Именно в этом эмоционально заряженном пространстве, наполненном драматизмом и страстью, возникают глубинные вопросы существования: кто я, какой я. Все эти вопросы не перестают волновать и вдохновлять исследователей тайн человеческой сексуальности, в том числе величайших режиссеров.

Рассказанную автором фильма историю можно рассматривать как реальный клинический случай с использованием примеров из сексологической практики. В свободной и творческой атмосфере открывать и исследовать внутренний мир человека и скрытые грани сексуальности: мотивы, парадоксы и движущие силы влечения, связь желания и страха в психологической мозаике, взаимосвязь успеха, удовольствия с опасностью и запретами. Как стремление к удовольствию, к достижению признания и благополучия в любви приводит к ощущению тревоги или вины? Какую неосознаваемую цель преследует разрушение всего того, что создавалось с огромным желанием и усердием? Почему агрессия эротична как влечение к жизни, как завоевание пространства для самовыражения? Как человеческая сексуальность сопряжена с особым импульсом влечения, превращающим её в мощный фактор «работы воображения», с которым не может сравниться ни один другой аспект человеческой психики?

— Кто может принимать участие в работе «КИНОклуба»? Есть ли какие-то требования к образованию, например?

— Создавался этот проект в рамках обучающих программ РНСО, но и далёкие от психологии и психоанализа люди, всем, кому интересно «закулисье» человеческой сексуальности с большим интересом присоединяются к нашему проекту. Наблюдая за игрой актеров и поворотами сюжета, мы все можем испытывать сильные эмоции

разной интенсивности и модальности. Злость, ярость, отвращение, боль, радость, восхищение и нежность. Через идентификацию с героями кинофильма мы переживаем свои собственные конфликты и травмы безопасным образом. Это может помочь осознанию текущей жизненной ситуации, разрешению того или иного конфликта. Вне зависимости от знаний и жизненного опыта, у всех возникают свои индивидуальные отклики, личные чувства. Каждый «спотыкается» о своё, и может исследовать, познать себя. Часто приходится слышать в процессе обсуждения: «А я совсем не так видел эту ситуацию». Фильм всегда становится другим, более глубоким и многогранным после обсуждения, в процессе которого внутренний мир каждого участника соприкасается с внешней реальностью. Можно сказать, что встречи «КИНОклуба» — это своеобразное путешествие в свой собственный внутренний мир.

— Как происходит подбор киноматериала?

— Процесс отбора обычно происходит на основании личных пристрастий, рекомендаций друзей и коллег. Критерием отбора становятся талантливо рассказанные истории, авторы которых в высокохудожественной форме представляют исследование отношений, выбивающихся из «условной нормы», двойственность и конфликтность человеческой природы, динамику скрытых конфликтов и разрушительный характер зависимого поведения. Рассказ о том, как реагируют люди, оказавшись в состоянии интенсивных эмоциональных переживаний, стирающих на время границы «Я» и наполняющих жизнь чувством выхода за пределы допустимого. Я выбираю те фильмы, в которых точно деталям и достоверностью эмоциональных переживаний создателям удается показать тонкую грань между нормой и патологией. Мастерски создать возможность увидеть общие законы человеческого устройства, которые неотвратимо приводят к трагедии. Когда выжить в «ситуации невозможного» удается лишь при условии безжалостного разрушения себя и другого.

«Жизнь чувств у людей всегда

складывается из противоположностей» — Зигмунд Фрейд. Разные темы, разные жанры, в которых интересно рассказаны истории о сомнениях в собственной ценности, растерянности и одиночестве в эпоху глобальных перемен и нарастающей неопределенности. Часто в психологической драме в художественной форме пронзительно и достоверно описан настоящий клинический случай.

Обычно бывает три просмотра фильма: при первичном отборе, при написании анонса и уже на встрече «КИНОклуба». Каждый раз видишь что-то новое, не замеченное ранее. Присутствие других зрителей, калейдоскоп различных чувств и мнений, порой диаметрально противоположных, позволяет обратить внимание на «слепые пятна», то, что было незаметным и неважным прежде, каким-то образом обозначенное и замеченное кем-то, помогает изменить угол зрения и восприятия. «Почему я не увидел это?», «Почему я не хочу замечать?» — вопросы, которые стоит задавать, чтобы глубже заглянуть в свой внутренний мир.

Именно полифония мнений и подлинная эмоциональная включённость создает возможность почувствовать всю сложность, противоречивость и неоднозначность человеческих мотивов и поступков. Позволяет раздвинуть внутренние границы собственной осознанности, обнаружить сначала свою «изнанку» и полноту бытия. Через радость и трепет открытия, через постижение — обрести себя.

Сколько жарких дискуссий и парадоксальных открытий вызывало обсуждение таких фильмов как: «Безумие» (2005), «Дикая грация» (2007), «Стыд» (2011), «Воображаемая любовь» (2010), «Влюбленные» (2012), «Хлоя» (2009), «Призрачная нить» (2017), «Та, которой не было» (2019), «Верность» (2019) и многих других.

— Как участие во встречах «КИНОклуба» отражается на профессиональном становлении психолога, психоаналитика?

— Анализируя киноисторию как клинический случай, наши дискуссии можно рассматривать как «художественную супервизию». Использование этого приема

позволяет разобраться в психодинамике отношений в паре, лучше понимать свои собственные эмоциональные состояния и чувства других, что является необходимым условием как личного, так и профессионального развития.

Если талантливые кинематографисты тонко улавливают суть и показывают взаимосвязь событий, такой фильм порой раскрывает больше смыслов, чем хотел сказать автор.

Когда мы наблюдаем психологическую драму отношений в кино или встречаемся с ней в реальной жизни, мы снова ощущаем нашу детскую боль. И тогда мы переживаем все те чувства, которые преобладали в детстве в наших реакциях на травмирующее событие: беспомощность, отверженность, растерянность, ненависть и злость. Мы воспринимаем не мир как таковой, а историю своих взаимоотношений с этим миром.

Обучающим материалом становится богатство проявлений человеческой психики, воссозданное в формате кинофильма, и наши собственные реакции на происходящее. Когда участники «КИНОклуба» задаются вопросами: «Почему я отреагировал именно так?», «Почему я не хочу говорить?», «Как выразить своё состояние беспомощности, если нет сил и желания смотреть дальше?». И эти вопросы — точка роста, точка развития. Неосознаваемые эмоциональные проблемы дают о себе знать. В какой-то степени в этом процессе — элементы личной терапии.

Исследуя и анализируя фильм, углубляясь в стихию человеческой драмы, можно увидеть динамику скрытых конфликтов через искаженные отношения. Задуматься о том, что заставляет человека поступать именно так? И можно увидеть как человек неосознанно и неизбежно выстраивает свою жизнь в соответствии с характером внутренних объектных отношений, поддерживая один и тот же уровень эмоционального реагирования. Во всех своих отношениях воспроизводя только тот тип привязанности, который был у него в детстве. Мы ограничены пространством и временем, как в жизни, так и в кино. В момент выбора для героя — единственный вариант,

«Дикая грация»

«Призрачная нить»

«Безумие»

«Та, которой не было»

самый доступный способ поведения. Мы можем наблюдать, как герои кино разрушают всё вокруг, чтобы выжить в ситуации невозможного. Непереносимые чувства заставляют их проигрывать травму, чтобы овладеть ситуацией. Это часто отражение не только индивидуальных внутриличностных конфликтов, но и состояние общества, основных тенденций происходящих в нём процессов.

— Кино и психоанализ: что общего?

— Герои фильмов, как и наши клиенты в психотерапии пытаются найти свой путь, свои собственные жизненные стратегии. Ищут подлинную «встречу», которая наполняет жизнь смыслом. Разрыв между желаемым и доступным, между фантазией и реальностью создает психическое напряжение. В этом «эксперименте под названием жизнь» и возникают главные вопросы бытия.

Как часто и в кино, и в психотерапии можно наблюдать жёстко закреплённые паттерны, невозможность выхода из состояния туннельного сознания, выхода за пределы внутренней реальности. Когда человек теряет способность осознанно воспринимать окружающее пространство, видеть красоту и испытывать радость. Повторяя один и тот же сценарий отвержения и обесценивания. «Мы не можем избежать взлётов и падений в жизни, но мы можем использовать уникальную способность нашего организма исцеляться и восстанавливаться. Наши эмоции — это не досадная неприятность, а естественный способ, которым природа заботится о нас, пронося сквозь жизненные невзгоды. Чем активнее мы принимаем и проживаем наши эмоции, тем более исцеляющее действие они оказывают на нас, и тем активнее происходит самовосстановление. Заложенная в нас способность к самоисцелению — это то, что мы должны себе позволить, чтобы открыть для себя подлинную ценность мира чувств и отношений» (Гордон Ньюфелд).

— Как работа «КИНОклуба» складывается в сегодняшних обстоятельствах и есть ли возможность вступить в него?

— С начала пандемии работа «КИНОклуба» была временно приостановлена, наш проект как и весь мир «на паузе». В онлайн формате, как мне кажется, невозможно сохранить и передать искреннее эмоциональное пространство и ту атмосферу исследовательского драйва, эмоциональной вовлечённости, которое удалось создать. Мы обязательно продолжим разговор о многообразии форм отношений и причудливых переплетениях неизбежных проблем психосексуальной организации, из которых складывается неотъемлемая часть жизни, в которой любовь, ненависть, страдание и радость всегда рядом. И мы снова отправимся в увлекательное путешествие под названием «тайны и мифы человеческой сексуальности», в мир парадоксальных открытий и жарких дискуссий, как только эпидемиологическая ситуация станет безопасной. ■

Беседовала Анастасия Вячеславовна Холубесова.

Киноклуб — уже не проект, мы этим живём

Владимирова Елена Юрьевна

[об авторе](#)

История хабаровского психоаналитического киноклуба «Ежевика» началась в 2013 году с моего аккаунта в Instagram и профиля в Facebook, посвящённых фильмам. Вначале там были друзья, люди, которые меня знали. Через посты я делилась впечатлениями от просмотренных фильмов.

В то время наше РО возглавлял глубокоуважаемый коллега Давид Львович Бекер. Давид Львович спросил меня, не хочу ли я заняться киноклубом в рамках РО. Я ответила «да», так как его предложение удивительным образом совпало с моим желанием.

Мы начали с формата кинолектория, людей приходило немного, в основном это были коллеги, человек семь. Кинолекторий собирался один раз в месяц. Через шесть месяцев я увидела, что наш кинолекторий трансформировался в психоаналитический киноклуб, собирающий 8-10 человек. Встречи были именно клубными, и даже пару раз мы делали новогодние утренники, т. е. это какая-то реальная человеческая коммуникация для профессионалов, некое корпоративное поле и создание атмосферы для чего-то ещё.

Благодаря опыту работы в групповой психотерапии, я начала понимать правила

«Девушка с жемчужной серёжкой»

«Жестяной барабан»

организации групп-аналитических процессов. Наши ежемесячные встречи очень похожи на то, как проходит групповая психотерапия. Конечно, немного иная динамика, кино клуб — это всё-таки не терапевтическая группа, а группа самопознания, к тому же открытая.

С самого начала у нас получилось создать безопасную среду для того, чтобы коллеги приходили, и им было безопасно не контролировать свои чувства во время просмотра фильмов. Мощное влияние видео и звуковых рядов создаёт групповой полем, в которое можно проецировать свои чувства, травмы, «белые пятна». Заранее выбирая конкретных режиссёров, заведомо предполагаешь какая музыка подобрана. Потому можно точно утверждать, что музыка создаёт конкретное напряжение или разрядку. Много катарсисов сразу. Иногда — просто огромное эстетическое удовольствие. Как, например, с фильмом «Девушка с жемчужной серёжкой» (реж. Питер Веббер, 2003).

Мы смотрим фильмы на серьёзные темы, и участники сталкиваются с собственными сильными чувствами и чувствами своих коллег. Но мы смогли создать безопасную среду и стараемся ее поддерживать.

Вспомните фильм «Пианистка» (реж. Михаэль Хенеке, 2001), где мы видим то, что в современном обществе не принято обсуждать, в частности, личностную деформацию высших слоёв общества; фильм «Антихрист» (реж. Ларс фон Триер, 2009), где психотерапевт взаимодействует

со своей женой и применяет к ней манипулятивные техники; фильм «Жестяной барабан» (реж. Фолькер Шлёндорф, 1979) в котором звучит тема войны, фильм «Девочка» (реж. Лукас Донт, 2018) — затрагивает то, как работают психологи в разных странах, и то, как нам возможно предстоит потом работать.

В наших психотерапевтических кабинетах есть темы насилия, и самоповреждающего поведения, и тема войны. Как снивелировать свои чувства, которые во время работы могут активироваться? Мы живые люди. Поэтому, на мой взгляд, кино клуб — подходящая для этого площадка.

В современном мире до некоторых времён было принято путешествовать, и не принято было задумываться о том, что происходит в момент таких путешествий, чем живут люди между путешествиями, чем живут во время путешествия. Например, мы смотрели фильм «Под покровом небес» (Бернардо Бертолуччи, 1990) — тема путешествия меняется, но не очень сильно. Даже коронавирус в некотором смысле ничего не поменял. Что ищут люди, когда они куда-то мчатся? Психианализ, как методология, позволяет порассуждать об этом. Одна из причин — поиск того, кто бы и где бы о нас так позаботился, как нам хотелось бы, чтобы о нас позаботилась наша мать. Мы выбираем какие-то отели, побережья, где нас будет ласкать волна морская, или мы почувствуем свободу, когда, например, взбираемся в гору, — это уже про поиск отца, которого

«Под покровом небес»

«Пианистка»

у кого-то, возможно, не было. Что ищут современники, когда предаются экстремальным видам спорта? Получается, что настолько много современных интересных тем мы могли обсуждать через фильмы. И с удивлением обнаруживать, что темы эти звучат не одну сотню лет.

В какой-то момент я поняла, что у меня закончились диски с интересными фильмами. Я чувствовала напряжение — как быть дальше? Это уже не проект, мы этим уже живём. И представляете, нам подарили много дисков. Не конкретно кому-то, а клубу подарили. Психианалитик из Новосибирска Гришанов Александр Николаевич, который возглавляет психианалитическую мастерскую «Полдень» и выпускает сборники статей по прикладному психианализу. Удивительно работают социальные сети, каким-то образом он нас нашёл.

Не психианалитики не задерживались в нашем сообществе, хотя попытки были у разных людей. Основу клуба составляют специалисты, получившие психианалитическое образование. Те, кто не имел этого образования, отмечали, что они никогда не пошли бы той дорогой, которой идёт психианалитик, обсуждая тот или иной фильм. Глубина, смелость в обсуждении тем, способность увидеть замысел автора, иногда это просто переработка событий собственной жизни. У каждого автора своя история создания фильма, контекст, культуральные особенности. Мы обсуждали, что в нас, как в россиянах, может откликнуться в фильмах с западным

менталитетом. Что может откликаться в нас, в отличие от испанцев, французов, и где стыки каких-то исторических разворотов, которые влияли на нас какое-то время. А где чужое, и поэтому мы чувствуем неприятие. Хотя 2020 внес свои коррективы. Стирание границ между государствами, стирание культурных границ также можно увидеть через фильмы. Например, фильм «Английский пациент» (реж. Энтони Мингелла, 1996) и «Под покровом небес».

Киноклуб внёс большой вклад в объединение нашего регионального отделения. Помимо киноклуба, ещё есть две встречи в месяц. И одни и те же люди ходят и стараются ходить три раза в месяц. Сообщество у нас тихое, настоящее, безопасное, интеллектуальное, дружелюбное. У нас есть коллеги, которые не являются членами ЕАРПП, они только что закончили психианалитическую подготовку в ВУЗе год назад, два года назад. В рамках наших встреч они получали и получают профессиональную поддержку.

Мы чего-то лишаемся с развитием общества, но что-то обретаем, например, понимание того, что профессиональная среда — это драгоценные минуты нашей жизни. В субботу выделить три часа (плюс дорога — около четырёх часов), чтобы участвовать ежемесячно в таком мероприятии, как киноклуб для коллег, у которых есть семья, дети — это всегда непростой выбор. Каждый раз мы решаем продолжать, сохранять единение в рамках профессионального сообщества. ■

«Фильмы перестают быть развлечением»

Николаева Ирина Ивановна

- психолог, сексолог, психоаналитик
- сертифицированный специалист и тренинг-аналитик ЕАРПП (Россия) и ЕСРР (Vienna, Austria)
- специалист Единого Европейского Реестра (ЕАР)
- член Комитета по развитию регионов (ЕАРПП)

— Как возникла идея (желание) вести кино клуб? На какие теории, возможно, Вы, как ведущая кино клуба, опираетесь?

— Однажды я присутствовала на кино клубе. Мне понравился такой формат, и я тоже захотела в нём работать. На тот момент у меня было базовое психологическое образование, я опиралась на общие закономерности работы групп. В самом начале предварительно обсуждала фильмы с коллегами на предмет того, правильно ли я увидела, поняла, не ошиблась ли я в понимании поведения, образа героя. Сейчас уже увереннее опираюсь на себя, на своё понимание. Конечно, иногда супервизируюсь, когда сомневаюсь. Работая предварительно с фильмом, я беру комментарии режиссёра, автора сценария, психоаналитическую теорию.

Сначала с участниками кино группы мы смотрим фильм, я спрашиваю, какие чувства они вызывают. Я очень большое значение придаю этим чувствам, переживаниям, хоть в терапии, хоть в кино клубе, хоть на тренинге. Так что, самое главное — какие чувства испытывает участник, насколько они соотносятся с элементами фильма или, наоборот, им противоречат? Затем идём глубже, в небольшую личную

терапию, но очень кратко, так как формат не про это. И тогда человек видит, как его история преломила сюжет, тогда возможен разговор о том, что мы здесь видим и как. Для меня феномен кино клуба определяется тем, что мы исследуем вопрос — почему каждый из нас смотрит своё кино? Я не знаю, как работают другие ведущие кино клубов, и, может быть, я сознательно избегаю этого подсматривания.

— По опыту бесед с ведущими кино клубов очевидно, что нет единого шаблона. По большей части многое определяется личностью ведущего.

— Согласна. На каком языке я сама разговариваю, так и веду. Фильмы я беру не из интернета, уже разобранные. Когда начинала вести кино клуб и только проходила личный анализ, я работала как психолог, а там другое погружение. Теорию психоаналитическую знала как клиент. С обретением психоаналитического образования открываются другие смыслы, целое поле. Они перестали быть развлечением.

— И таковыми они должны перестать быть для участников кино клуба?

— Фильм становится чем-то большим, чем просто история. И фильмы не забываются после просмотра. И люди начинают понимать, что вот эти фильмы я смотрю, когда мне плохо, вот эти, когда мне хорошо, а вот эти, например, фэнтези, когда мне надо «отключить» голову и я не хочу думать о драконах, я просто хочу смотреть на драконов. К сожалению, большинство людей все фильмы смотрят как про драконов, даже если там нет драконов. Но, ведь если фильм снят, если в него вложены деньги, то там есть идея. Как например, с фильмом «Красота по-американски» (режиссёр Сэм Мендес, 1999). Все видят девочку-искусительницу, но не обращают внимание на фрагмент в самом начале фильма про летающий пустой пакет, который носит ветром. И если смотреть на фильм с этого ракурса, то понимание меняется, осознаёшь, что фильм не про девочку-нимфетку.

— Интересно было бы услышать про динамику, трансформацию процессов,

участников и группы, например, о чём говорят мужчины в мужской группе?

— О том же, о чём и женщины, только стесняются. У них намного больше стыда за норму. Женщины плачут, женщины горюют, женщины печалются, женщины боятся открыто, а мужчинам, будто никто не сказал, что это норма — и бояться, и печалиться, и плакать. И на кино клубах у них очень часто акцентирована именно печаль. Это может быть печаль о каких-то собственных потерях или сопереживание героям, но я вижу, что они эту печаль в реальной жизни вообще никому не показывают. Это тенденция для молодых мужчин не показывать свои грустные чувства, т. е. можно злиться, можно радоваться, а вот с этим-то что делать? Многие научились бороться с завистью, со стыдом. Многие научились откупаться от вины, но никто не умеет бояться и теряться напрочь в этом чувстве.

— Вести кино клуб — это труд. Фильм, чувства по поводу фильма, его обсуждение в группе — это множество экранов для проекций: то, что буквально разыгрывается на экране, что остаётся за кадром, что происходит на внутреннем «экране» ведущего, то, как участники воспринимают фильм на своих «экранах» и что проецируют и на фильм, и в группу, и в общее поле группы... Сколько смыслов надо осмыслить... Как это происходит во взаимодействии участников группы?

— Обсуждение обычно проходит очень эмоционально. Понятно, что каждый говорит про своё, и основное, что приходится повторять, что у нас кино — стимул нейтральный, что кино — это картинка, а твои чувства — это про тебя история, а не про героя.

Недавно фильм смотрели о переживании мамы девочки, которую избил мужчина, находившийся под действием наркотика. Далее этот герой, выйдя из тюрьмы, ведёт себя как нормальный человек — защищает друзей, налаживает отношения с дочерью, которая выросла, пока он сидел в тюрьме. А у мужчин в группе он вызвал только агрессию, потому что он бил ребёнка. Говорили о том, что у нас есть «плохость»,

«Горбатая гора»

«Венера в мехах»

«Красота по-американски»

«Лучшее предложение»

но есть и «хорошость», которую мы игнорируем. По обсуждению в группе было видно, что нет принятия агрессии в себе, нет принятия несовершенства в себе, нет понимания того, что, совершив плохой поступок, ты не становишься тотально плохим. А здесь это расщепление (плохое — хорошее) ярко сработало, хотя группа за три года сработавшаяся.

— Какие фильмы тронули мужчин или повлияли на мышление, что группа повернулась к некоему новому направлению?

— Фильм «Лучшее предложение» (режиссёр Джузеппе Торнаторе, 2012) был очень значимым. Мы говорили о том, что даже когда у тебя что-то забирают, значит тебе это надо, тебя не обокрали. Ты зачем-то это отдал. Тема фильма — «плата». Женщина, зная, что у мужчины есть ресурсы, уходя от него, что-то себе забирает. А то, сколько она дала ему взамен мужчина игнорирует.

Очень тяжелым, но на мой взгляд, очень полезным был фильм «Венера в мехах» (режиссёр Роман Полански, 2013) про власть женщин. Фильм вызвал очень большой отклик.

Или фильм «Горбатая гора» (режиссёр Энг Ли, 2005), о котором мы три года говорили, как о чём-то невозможном, не вызвал особенной реакции. Первоначально у них была фантазия о том, что то, что сейчас они будут смотреть, вызовет шок. А посмотрев, испытывали сочувствие героям. Когда мужчина в контакте со своими чувствами, социальные стереотипы уже не срабатывают.

— Пандемия как-то повлияла на то, что происходит в киногруппах?

— Вначале было нелегко, так как перешли в формат онлайн работы. Но сейчас новых участников стало даже больше. Больше дополнительных страхов нет. Наоборот, они будто убегают вот от этого всего в нормальный привычный ритм. Единственное требование, которое появилось сейчас — это то, чтобы участники реально смотрели фильм, а не попутно гладили бельё, мыли посуду, делали уроки. Говорю: «Представьте, что Вы у меня, Вы сидите и смотрите». Важно, чтобы это были свежие

чувства. Варианты, что они посмотрят заранее не работают — аффект уходит.

— Какое значение кино клуб имел для РО-Пенза на протяжении 11,5 лет?

— Клуб был создан для коллег, многие из которых ранее были его участниками, а впоследствии стали членами ЕАРПП, как среда для идентификации.

Кино клуб дал им возможность что-то понять о себе, вырасти профессионально, а мне не потерять в них уникальность, равноправность профессиональную, я вижу их отдельность. Понимание, что и до того, как они выучились на аналитиков и стали коллегами, членами РО, они были умными и достойными людьми. Это даёт дополнительное уважение. Сейчас никто из них не является участником кино клуба, все переросли формат. Но это осталось нашим общим тёплым воспоминанием. Иногда, кто-то из коллег из РО приходит на традиционный предновогодний просмотр фильма «Снежная королева», чтобы вернуться, посидеть, посмотреть, чем-то поделиться.

У нас много в жизни про «удерживание» и мало поводов выплеснуть, заявить о чём-то, в том числе и о своей «плохости». А на кино клубе можно. Нет правил. С одной стороны, какие-то защиты приглушаются, с другой стороны, я понимаю, что участники так и меня поглощают, чуть-чуть меня «съедают»; они могут говорить что угодно. Разрешение даёт им право быть любимыми, и они видят, что эта группа принимает их. В кино клубе есть точка опоры и мне приятно, что она сформировалась, так как почти всегда первоначально новыми участниками кино клуб рассматривается как развлечение.

— Страх перед своим же психическим вначале трансформируется в игру переживаний. В этом смысле кино клуб напоминает психоанализ детей, когда и печенье есть, и чай и можно делать с аналитиком всё, что хочешь...

— Да, но мы же все регрессируем, когда слушаем сказки...

— Особенно страшные.

— У нас тяжело идут российские фильмы.

Они трудны для осмысления. Не потому, что они неправильные. А потому что там про нас. Там же коврик как у моей бабушки в деревне. Какие-то ещё похожие ассоциации и не срабатывает дистанцирование. Сваливаемся в травматические процессы, а всё-таки формат кино клуба их не выводит. В личной терапии мы как раз можем туда идти, а тут пространство для того, чтобы понаблюдать, но не переработать.

Я показывала «Человек, который удивил всех» (режиссёры Наташа Меркулова, Алексей Чупов, 2018). Был эффект разорвавшейся бомбы. Потому что сначала фильм смотрится про мужчину, а потом, например, на первый план выходит роль жены или роль отца, которого весь фильм все дебилом считают, а он ведёт себя достойно. А это же сразу к своим историям относит: а я, как жена, как себя веду, а мой муж как? Это реально захватывает очень глубоко.

— Какой интересный аспект — пугающей, материнской части российской реальности. Вопрос про отцовскую часть — что участников укрепляет?

— Сеттинг, конечно. Сеттинг, границы выдерживают участники с более высокой психической организацией. Те, кто приходил с пограничной организацией, как правило, параллельно ходили на личную терапию, поэтому они удерживаются в группе. В основном среди участников депрессивные, нарциссические, мазохистические личности, шизоидные молча подсматривают, истерические приходят повозмущаться. Обсессивно-компульсивные чаще всего не выдерживают. Среди нарциссов и истериков, обсессивно-компульсивный сидит и раздумывает «а как правильно?», «а какие тут правила?».

— Каковы границы возможностей клуба?

— Я думаю, что границы возможностей находятся на пересечении терапевта и формата: какой формат предлагает терапевт, сеттинг, обсуждение, как развернётся групповая динамика. Насколько я, как ведущий, могу всё это «вывести», настолько и границы работают. То, что не могу дать или не «вывезу» и клиент не удерживает.

— Как себя ведёт руководитель на кино клубе возможно ли там молчать?

— Невозможно, потому что чаще всего огромное количество вопросов после просмотра. Первый кино клуб в новой группе, обычно сопровождается комментариями: «очень хороший фильм», «ну мне понравилась режиссёрская мысль, как он вот это и вот это придумал», а с обретением опыта на первый план выходит сопереживание.

К ведущему вопросы, конечно, адресуются, но понятно, что каждый про себя спрашивает. Они реально ждут, чтобы им объяснили или хотя бы взяли на себя ответственность проговорить вслух ответ. Другого ответа может и не быть, но им нужно, чтобы я это сказала.

— Вносит ли опыт ведения кино клуба вклад в индивидуальную работу с клиентами? Как это обогащает практику психоаналитика вообще?

— Появляется дополнительный язык, чтобы объяснить какой-то процесс клиенту, особенно на примере популярных фильмов. Метафоры какие-то показывать проще. За это время, благодаря ведению кино клуба, я стала лучше понимать мужчин. Наверное, из-за этого я не побоялась пойти в сексологию и мужское здоровье. Фильмы сделали меня более лояльной ко всему. И когда мне рассказывают о каких-то проблемах, я могу не только на примере психоаналитической теории объяснить, но и фильм привести в пример.

Мне кажется, работа в формате кино клуба является в любом случае отражением личности аналитика, проявлением его языка. Если он умеет разговаривать метафорами, если он их видит, умеет слышать. Через 11,5 лет ведения кино клубов я понимаю, что многое вижу по-другому в тех же фильмах, которые десять лет назад смотрела, вижу больше акцентов, полутонов. За это время я настолько полюбила этот метод, что сейчас это стало уже просто. **П**

Беседовала Князькова Олеся Николаевна.

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Литературный обзор или повествовательный обзор — это научная статья, которая освещает текущие знания, включая основные выводы, а также теоретический и методологический вклад в определенную тему. Литературные обзоры являются вторичными источниками и не сообщают новых, оригинальных данных, но помогают нам открыть для себя новый источник знаний по той или иной теме.

С нашей точки зрения, обзор — это удобная и практичная форма распространения новых знаний. Количество новых статей и книг по психоанализу и психотерапии в современном мире столь велико, что практически невозможно уследить за всеми новинками и не упустить ничего из классики. Мы считаем, что обзоры могут помочь тем, кто стремится знать и понимать как тенденции современного психоанализа, так и переосмысливать классические работы.

Рецензия же относится к числу аналитических жанров, представляя собой исследование, истолкование процессов, теоретических и методологических материалов,

их краткий анализ и оценку. Рецензия ставит своей целью познакомить с произведением (книгой, статьей) или культурным феноменом (фильмом, картиной) и ответить на вопрос о том, стоит ли изучать его в оригинале.

Известный журналист Дмитрий Костюков отвечает на этот вопрос однозначно: отрицательные рецензии не нужны. «Я для себя так определяю место отрицательной рецензии в современном процессе: подойди к 637-му стеллажу, залезь на 8-ю полку, найди 268-ю книгу. Нашел? Так вот, не бери её [...]. Кроме того, положительная рецензия имеет в своей основе впечатление читательского восторга, говоря иначе, глубокий литературный контакт или, говоря проще, литературу. Факт искусства. Отрицательная сообщает нам об отсутствии контакта. Отсутствии чуда».

Соглашаясь с Дмитрием, мы ставим своей целью в рамках данной рубрики знакомить вас с новыми и давно известными произведениями, передавая свой восторг от непосредственно-эмоционального контакта с ними.

Рецензии

**Черникова Анастасия
Юрьевна**

**Лёвина Вера
Андреевна**

**Метельская Юлия
Сергеевна**

[об авторах](#)

РЕЦЕНЗИЯ НА АНИМАЦИОННЫЙ ФИЛЬМ ХАЯО МИЯДЗАКИ «УНЕСЕННЫЕ ПРИЗРАКАМИ»

Черникова Анастасия Юрьевна

В «Свободной Ассоциации» мы смотрели и обсуждали мультфильм Хаяо Миядзаки «Унесенные призраками».

Это история о 10-ти летней девочке, которая вместе с семьей, по решению родителей, переезжает на новое место, и в процессе переезда они все неожиданно оказываются в пространстве, населенном призраками и другими странными существами. Только попадают они туда не через кроличью нору, как Алиса, а через темный тоннель, вход в который помечен странным каменным существом. Родители идут туда из любопытства, посмотреть, что за заброшенное место встретилось им на пути, а перепуганной девочке ничего не остается, кроме как последовать за ними.

Тоннель выводит Тихиро (так зовут главную героиню) на 1-й уровень сновидческого пространства (всего в мультфильме-сновидении их три), напоминающего заброшенный парк аттракционов, где родители, вдруг обнаружив много вкусной еды, жадно

Кадры из фильма «Унесенные призраками»

набрасываются на нее, и, по мере ее познания, незаметно для себя и к ужасу девочки, превращаются в огромных свиней.

История с переездом, потерей друзей, прежней школы в сновидческой реальности символически выражает послание родителям: «Ну, и свиньи же вы! На вас нельзя положиться».

Дальше нарастающий ужас создает провал во второй слой сна, символизирующийся переходом через мост. Тихиро попадает в еще более странное место — в купальню, которыми владеет колдунья Юбаба. Здесь проходят очищение духи и призраки.

В мультфильме вообще показано довольно много погружений, слоев и подводных течений, что неудивительно, особенно, если знать имя героини. «Тихиро» можно перевести с японского как «Бездонная Глубина».

Первый, кого встречает Тихиро в процессе перехода — мальчик Хаку. Хаку неоднозначный персонаж (как и все другие). Он предстает перед Тихиро в облике 12-летнего мальчика, но одновременно Хаку — водный дракон, который пришел к Юбабе, чтобы обучиться магии.

Хаку находится в тягостной зависимости от колдуньи — «плохой матери», под власть которой попадает и Тихиро в процессе превращения родителей в свиней (родители тоже «плохие»).

Единственный шанс выжить в этом мире — делать тяжелую работу в купальнях, буквально вопреки испытываемому ужасу. И чем больше Тихиро включается в работу (при поддержке других персонажей: Хаку, деда Камази, более старшей и опытной девушки-напарницы), тем легче ей становится, и тем она сама становится сильнее.

По мере развития сюжета видно, как Тихиро сначала переходит к переживанию печали, плачет по утраченным родителям, затем начинает удивляться происходящему, а не бояться его, а дальше — все больше интересуется другими, проявляет любовь, заботится о Хаку, о родителях. И в процессе этого движения к значимости других, к переживанию их субъектности, к способности любить заклятье Юбабы растворяется.

Юбаба не видит других. Ее негативное влияние связано с искажением их

субъектности. Первое, что делает Юбаба при попадании в ее купальни — лишает существо его имени. Например, она забирает у Тихиро ее имя, называя ее Сэн. Но в этом искажении тоже есть хитрость, т. к. Сэн — это сокращение от Тихиро, то есть искажение, скорее, тоже лишь иллюзия.

При этом сама деятельность Юбабы связана с очищением духов. Ведь она тоже неоднозначный персонаж. Юбаба изменяется по мере изменений самой Тихиро. Скорее, Тихиро начинает смотреть на нее, не искажая, поэтому Юбаба предстает другой.

По мере развития сюжета Тихиро открывает в себе способность любить. Это слово несколько раз звучит на протяжении мультфильма, но что оно значит? Миядзакэ дает на этот вопрос очень интересный ответ. Любить — значит знать настоящее имя другого. Так, Хаку, мальчик-дракон, сохраняет для Тихиро ее настоящее имя, а Тихиро вспоминает его (забытое им самим) имя, которое звучит как Коакугава — Хозяин Янтарной Реки.

Первое (и единственное) задание, которое Тихиро получает в купальнях — искупать зловонного гостя, от запаха которого волосы встают дыбом на теле, а еда превращается в сами догадайтесь что. Этого гостя Юбаба принимает за Духа Помоек, но на самом деле он оказывается Духом Рек и Озер.

Все они — Дух Рек и Озер, Хозяин Янтарной Реки — это глубинные внутренние аспекты самой девочки, нуждающиеся в очищении, состоящем в освобождении ее истинной сути — сохранении настоящего имени — Тихиро, этой связи с Бездонной Глубиной, бытия Бездонной Глубиной — бытия тем, кем она является.

Переломным моментом в фильме становится появление еще одного персонажа — Безликого. В японской мифологии бог Каонаси — безликий бог-бродяга, вечно ищущий имя и дом. Каонаси, как любой дух, не может воплотиться напрямую, он всегда ищет человека, и аффекты, на которые он ловит людей — это жадность, алчность и ужас. Каонаси может материализовать неограниченное количество копий любого предмета и отдать их человеку, ведомому жадностью, а проявляющаяся одержимость человека позволяет Каонаси

сожрать его, и перенять его последнее состояние, «лик».

Каонаси представляет собой ненасыщаемую и бесполезную жадность — чем больше он съедает, тем ненасытнее становится. Предметы, предлагаемые им — тоже подделка, ведь он создает их из грязи.

Сможет ли Тихиро принять свою ненасытную жадность и невыразимый ужас, отнестись к ним с сочувствием, но без подчинения им?

Каонаси меняет свой облик, как и Юбаба, как и Хаку, по мере изменений самой Тихиро. Но не без участия Духа Рек, в благодарности подарившего Тихиро горький пирожок. Часть этого пирожка Тихиро отдает отравленному колдуньей Хаку, другую часть скормливает разожравшемуся в купальнях Каонаси (нетрудно догадаться, что происходит с ними дальше).

Станция «Дно Болота» — 3-й уровень сновидческой реальности — место обитания Дзенибы — другой могущественной колдуньи, сестры-близнеца Юбабы. Дзениба неотличима от Юбабы, но ведет себя иначе. На дне болота обычно не бывает места всемогуществу, да на него и надежды уже нет. «Одним колдовством-то многого не сделаешь», — говорит Дзениба, демонстрируя скромную и простую жизнь, удовлетворенность тем, что есть, теплое отношение. Каонаси, неотступно следующий за Тихиро, обретает на Дне Болота дом, а Тихиро теперь и Дзенибу, и Юбабу видит как обычных бабушек, а не могущественных и страшных колдуний. Может быть, Юбаба и Дзениба — и вовсе одно и то же существо.

Родители, кстати, тоже перестают быть свиньями. «Среди свиней нет моих родителей», — отвечает Тихиро на последнем испытании, которое делает ее свободной. От всемогущества, идеализаций, обесцениваний, обвинений, от черно-белого, расщепляющего, «шизо-параноидного» восприятия Тихиро делает выбор в пользу реалистичного, учитывающего других, более сложного и цельного, «депрессивного».

Конечно, она возвращается из этого многоуровневого сновидения ребенком, той же 10-летней девчонкой, но эта девчонка смотрит на мир иначе.

РЕЦЕНЗИЯ НА ФИЛЬМ А. В. ХАНСЕНА «Я УБИВАЮ ВЕЛИКАНОВ»

Лёвина Вера Андреевна

Главная героиня, Барбара, сталкивается с запредельным переживанием: ее мать умирает. Смертельная болезнь матери оказалась тяжким бременем для всей семьи, где трое детей разного возраста оказались предоставлены сами себе.

Старшая сестра пытается взять на себя функции матери, но эта нагрузка слишком тяжела для нее. Она вынуждена жертвовать собой, и такая жизнь, которую она не выбирала, становится ее бременем.

Брат уходит в компьютерные игры. Он проводит время с друзьями, но на самом деле закрыт для живого контакта.

У Барбары, младшей в семье, другая защита. Она борется со смертью, образ которой предстает в виде ужасных великанов. Девочка не осознает, с чем и почему она борется, но у нее есть миссия: спасти мир, что символически означает спасти маму.

В фильме показано, как близкие люди, вместо поддержки друг друга начинают защищаться от контактов с другими, изолируясь в страдании. Барбара — единственная в семье, кто пытается установить контакт с братом и сестрой. Она делает это по-своему — через фантазии и игры. Но ни брат, ни сестра не готовы ответить ей взаимностью. В результате каждый справляется с общим горем как может. При этом брат и старшая сестра выглядят более адекватными, с точки зрения социума: они общаются с людьми, заняты делами. Но на самом деле они также отрицают приближающуюся смерть матери, уходят от переживания своих чувств. Никто из членов семьи не говорит о том, что происходит. Самое важное и болезненное игнорируется.

Барбара тоже борется с невыносимой реальностью. Но ее способ отличается от того, что выбрали брат с сестрой. Она не отрицает чувств, не прячет их, но находит им объяснение и способ выражения через погружение в архетипическое. Связь девочки с реальностью нарушается, она выглядит странной и балансирует на грани безумия. Однако ее психика продолжает

Кадры из фильма «Я убиваю великанов»

бессознательно искать способ переживать, и Барбара идет навстречу этому опыту.

Явление, которое можно редко наблюдать в реальной жизни: психика изобретает способ переживания, который бы позволил переработать невыносимый опыт. В своей борьбе Барбара проходит стадии горя. В начале фильма девочка чувствует себя могущественным воином. Постепенно ее связь с реальностью крепнет. Этому способствует установление эмоциональных связей с Софией и психологом. Барбара отстранилась от людей, но не потеряла способности устанавливать связи. Девочка не одинока, но вместе с тем связь с людьми — это связь с реальностью. Более того, ни София, ни психолог не поддерживают бред Барбары о великанах, но при этом интересуются ей самой. Связь лишает Барбару всемогущества, но позволяет проявиться реальным чувствам девочки в живом контакте.

Барбара проявляет агрессию: ударяет обоих людей, пытающихся наладить с ней контакт. Тут происходит самое важное для любых отношений: хотя София и психолог расстроены поведением Барбары, они прощают ее. Такая связь позволяет Барбаре ощутить себя всего лишь человеком, оказавшимся перед тяжелейшим испытанием. В этом состоянии девочка идет на решающую битву — встречу со смертью. В какой-то момент ей даже кажется, что она победила. Ведь она была такой сильной и отважной. Но смерть нельзя победить.

Здесь Барбара сталкивается с запредельным для любого, независимо от возраста, человека переживанием — она встречается с собственной смертью. Смерть в образе великана называет вещи своими именами. Барбара все это время отказывается от жизни, надеясь победить смерть. Отрицая смерть, невозможно оставаться живым.

Пройдя сквозь психоз, погрузившись в бессознательное, девочка принимает решение жить. Происходит трансформация, в результате которой Барбара возвращается в мир возрожденной. Больше нет необходимости бороться и жертвовать. Барбара нашла в себе опору: чтобы по-настоящему жить необходимо принять смерть, чтобы по-настоящему любить необходимо принять возможность утраты.

АНАЛИЗ ФИЛЬМА «ЭСКОРТ»¹. «СЕКС — НЕ ТАЙНА, ТАЙНА — ОТНОШЕНИЯ»²

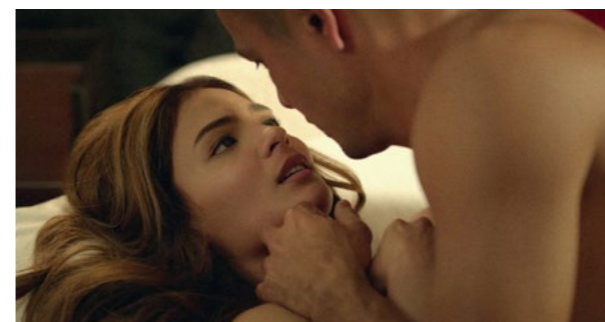
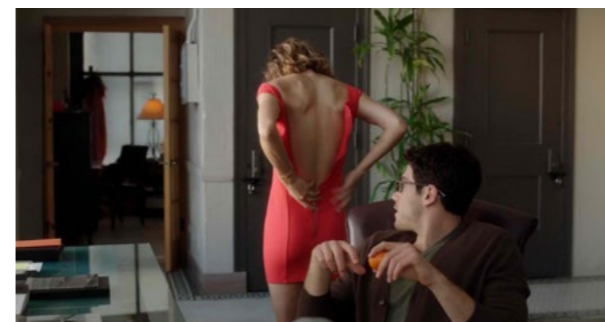
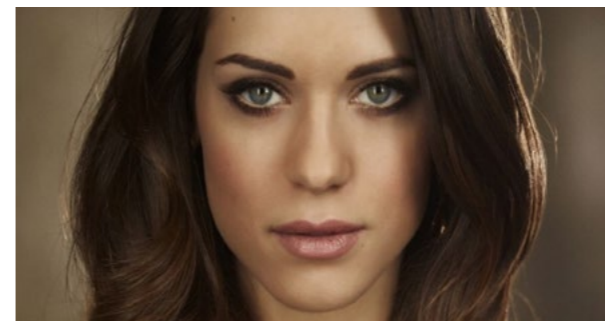
Метельская Юлия Сергеевна

«40-летний мужчина, отягощенный кризисом среднего возраста, приезжает в Лондон, чтобы написать книгу, но волею судьбы начинает работать мужчиной-эскортом и обслуживать богатых дам. Он будет вашим другом, он будет вашим любовником, но только если вы готовы платить строго по часам». Примерно такое описание содержания фильма встречается на различных сайтах в интернете. Но мы попробуем посмотреть на происходящее в точки зрения психоанализа и разобраться в глубинных переживаниях героев фильма. На протяжении всего фильма мы можем наблюдать, как постепенно, кадр за кадром разворачивается картина «инфантильного невроза» Пьера — главного героя, которая усиливается освещением аналогичного невротического конфликта и у остальных героев.

Есть точка зрения, что уже в первых фразах пациента на сессии можно услышать суть его конфликта. Аналогичный подход можно применить и в кино — в первой сцене фильма мы видим всю суть жизненной ситуации Пьера — картину неустроенной/неудавшейся жизни мужчины среднего возраста. Он сам руками стирает рубашку, вокруг крайне бедная обстановка. Демонстрация жизни неудачника. Это потом мы узнаем, что Пьер имеет высшее образование, квартиру в центре Парижа, что у его отца дом в Бордо. Но здесь создается образ человека, потерпевшего жизненную неудачу. Его жизнь и вправду не удалась, но в другом. И это станет ясно потом.

¹ Режиссер Мишель Блан, 1999

² Доклад прочитан на XLVI (46) клиническом Семинаре под руководством члена Парижского психоаналитического общества, члена IPA Dr. Alexandre Nepomiachty (France). Тема: «Психоанализ Андре Грина». 2-3 марта 2019, (СПб).

Кадры из фильма «Эскорт»

В следующей сцене Пьер кому-то звонит. Отвечает явно обеспокоенная женщина, но Пьер молчит. Его все-равно узнают, и Пьер пугается, как ребенок. У него абсолютно детское выражение лица, он даже берет в рот палец (детский жест). Можно догадаться, что Пьер звонит жене и по ее репликам определяется иерархия в семье Пьера: «Что я скажу Николаю, когда он возвратится?» (Николя — сын Пьера) Так спрашивают провинившегося ребенка о том, как доложить о его проступке отцу. Пьер — сбежавший ребенок, о поступке которого жена/мать должна сказать Николаю-родителю? Потом место Пьера в семье подтверждается еще раз, в середине фильма, записью на автоответчике в его парижской квартире «Вы позвонили Катрин и Николаю...», как будто Катрин (жена Пьера) и Николая (его сын) и есть супружеская пара. Пьер даже не упоминается. И не важно, была ли эта запись изначально, или была переписана после «побега» Пьера, она указывает на то, что Пьер исключен из триады, и есть пара — его жена и сын. Пьер в этот раз так и не поговорил с женой...

После этого Пьер попадает в «бордель». Не сам. Ему фактически навязывают услуги, и Пьер не может отказаться. Выбранное имя «Зигмунд» отсылает нас, конечно, к Фрейду и к Эдипову комплексу. Пьер не проявляет никакого интереса к женщинам борделя и на его лице читается скорее досада. Последней точкой в их взаимодействии становится фраза одной из проституток о сексуальности французов, после которой Пьер решает уходить. В конфликте, который затем развязывается с охранником вокруг счета за оплату «услуг», Пьер ведет себя как человек, который не может за себя постоять. Он убегает от охранника, и вся сцена это не драка, а избивание Пьера. Уже по этой сцене, до того как сам Пьер сказал о проблемах с потенцией, он демонстрирует ее отсутствие в более широком смысле.

В этот момент происходит знакомство Пьера с Томом, начинающееся с демонстрации Пьером беспомощности и попытки получить заботу со стороны Тома. При этом Том показывает другие черты: задав Пьеру вопрос «вы не умираете?», он уходит. Его

реакция демонстрирует — если взрослый мужчина не умирает, то не нуждается в помощи. При этом Пьер «цепляется» за Тома, призывая к помощи детским способом — говорит «кровь идет». Так мог бы сказать ребенок. Иерархия между Томом и Пьером устанавливается быстро и отражается в обращении на «ты» к Пьеру и на «вы» к Тому. Можно сказать, что это разница в воспитании, но это и указание на иерархию в отношениях. Пьер оправдывается за пребывание в борделе. В диалоге выясняется, что Пьер приехал в Лондон «писать роман» и именно в этот момент он вызывает интерес Тома. Что означает это — «приехать в Лондон писать роман»? Во-первых — это перейти через реку (пролив), перейти Рубикон. Метафора невозврата усиливается жестом сжигания банковской карты (что тоже может рассматриваться как метафора — нет карты территории) — чтобы не было возможности воспользоваться старыми способами, ресурсами. Пьер переходит к какой-то другой части себя. Он приехал «написать роман» — какой? Переписать «семейный роман»? В дальнейшем мы увидим, что Пьер действительно переходит к той части себя, что не была им прожита. Том вызывает явный интерес Пьера — жизнь Тома загадочна: звонки, приглашение куда-то, где нужны презервативы. Пьер явно стремится к продолжению знакомства с Томом. Но что вызывает это его желание — готовность Тома помогать и выступать в качестве опорного объекта, или намек на активную интригующую жизнь Тома. В это же момент появляется другая мужская фигура в жизни Пьера — его отец, с которым Пьер говорит по телефону, тревожась, и явно стремясь закончить разговор как можно быстрее, так как надо врать и оправдываться. Впрочем, Пьер в дальнейшем врет всем.

Рассмотрим отношения Пьера и Тома на этом этапе. Они интересуются друг другом, рассказывают о себе. Мы узнаем, что Пьер — учитель французской литературы. Это весьма духовно. Но при этом он не написал ни одного произведения (творческая импотенция). Пьер говорит: «чтобы заинтересовать людей моей жизнью, надо быть гением». Так он сообщает

о пустоте своей жизни, обесценивая ее. Преподавая литературу, Пьер живет фантазиями других людей о приключениях, о жизни, наполненной событиями. Он — специалист по чужим «романам». Можно предположить, что в Томе Пьера привлекает асоциальный образ жизни. Пьер испытывает любопытство к Тому, как к теневой стороне себя. У Тома уж точно жизнь такая, которая может заинтересовать читателя. Они оба это понимают, и Том говорит — «посвяти книгу мне», что в последствии Пьер и реализует.

Сцена в бане — символическое обнажение и обновление — оба героя начинают окончательно раскрываться друг перед другом. Мы узнаем, что Пьер 40 лет живет как насекомое, «хороший ученик, сын, отец» (именно в такой последовательности). Но Пьеру 45 лет! И это очень важная информация для нас о том, когда прекратилась жизнь Пьера. В 5 лет. Что же произошло, что его жизнь остановилась, и он застрял в роли ребенка-латентника («хороший ученик»). Пять лет — это возраст Эдипа. Можем предположить, что Пьер так подавил агрессивность и сексуальность в 5 лет, что даже подростковый возраст не переломил установку на искупление вины перед отцом за эдипальные желания. Пьер уехал в Лондон, чтобы вдали от отца и семьи решить что-то, «найти себя» (того, который был до 5-ти лет). «Роман — только предлог» — предполагает Том. Пьер: «без фантазии трудно жить» — (что подтверждает, что его фантазии были подавлены и заменены французской литературой) — «жизнь без риска и удовольствия».

Том тоже сообщает о себе важное, когда говорит о семейном порно — что интересен не секс, интересно то, что за ним — семейные отношения, которые проступают в виде фото, мебели и т. д. Своеобразный «негатив первичной сцены» — секс не тайна, тайна — отношения. Это то, что не знакомо Тому — у него нет отношений. По выражению Тома, те, кто его трахает, «трахают не его, а свои фантазии», них отношения с каким-то другим Объектом, а Том — «резинковая кукла». «Это — просто секс, это — работа». Том так же, как и Пьер, чувствует свою пустоту — «хоть к чему-то у меня талант».

Тема отношений, семьи и секса предстает здесь как история расщепления «чувственной» и «нежной» линий в развитии психосексуальности.

Тема отношений, семьи и секса предстает здесь как история расщепления «чувственной» и «нежной» линий в развитии психосексуальности. В этом и есть суть «инфантильного невроза» Пьера, то есть того интервала регрессивной защиты, который формируется на эдипальной стадии и определяет собой на всю оставшуюся жизнь характерные сценарии отреагирования травматических ситуаций.

Итак, тема обозначена и далее она начинает развиваться через историю Пьера как человека из эскорта.

Первый раз Пьер едет на вечеринку, не зная, в каком он качестве. Пьер и Том служат ширмой для подружек-лесбиянок. Семья одной из них не должна знать о сексуальных пристрастиях девушки. Но тут же, вместе с желанием скрыть свою сексуальность, проявляется и желание быть раскрытой (она занимается сексом во время вечеринки в доме родителей, рискуя быть застигнутой) как своеобразное проявление желания найти место для сексуальности в своей семье. У Пьера возникает вопрос «интересно, но что я способен?», который звучит в контексте похода в спортзал, но может быть понят шире. Том вводит Пьера в тонкости своей работы, и тут мы явно узнаем (хотя на самом деле давно догадывались), что у Пьера проблема с потенцией — 7 месяцев не было эрекции. Появляется тема Эроса. Эрос — безнравственен, там царит желание, а не долг. Интересно, что когда Пьер решает стать более способным на что-то (более потентным),

он вновь звонит жене и уже может с ней разговаривать и сказать о своем желании «найти себя». (Кстати, именно в этот момент мы слышим ранее упоминаемую запись на автоответчике, свидетельствующую о положении Пьера внутри семьи). Катрин привычно давит на чувство вины Пьера перед сыном, (что, видимо, является привычным паттерном их отношений), говоря, что Николая «жалеет, что он родился». Она задает вопрос Пьеру «Пьер! Сколько тебе лет?». Но ответ на этот вопрос мы уже знаем, а призывы Катрин уже не влияют на Пьера. Когда в фильме появляется Николая, он ведет себя так же, как до этого Пьер — молчит, его экспрессия подавлена.

Тема женщин в фильме. Женщин в фильме условно можно разделить на две категории. Первая — это женщины, которые нанимают эскорт. Они уверенные, прагматичные, распоряжаются, у них нет проблем в сексе, они раскрепощены и не стесняются («давно я ни у кого не была первой»). Им присуща мужская гендерная роль в отношениях. Вторая категория — это женщины, которые ищут партнера в «Одиноких сердцах» (издание, где по объявлениям люди ищут друг друга). Они, как правило, не уверенные, идеалистки, ищут отношения, а не секс, имеют проблемы в сексе, не представляют секс без отношений. Кстати, как потом выяснится, Катрин принадлежит ко второй группе, она тоже ищет мужчину по объявлению в «Одиноких сердцах». Та же проблема, которая ранее была представлена в мужской теме — чувственная и нежная линии развития психосексуальности — появляется в женском варианте. Ни у кого из героев фильма нет соединения этих линий. Все они, так или иначе, потерпели неудачу в решении этой задачи. У людей в данном фильме — либо секс, либо семья. Некоторые пытаются соединить это механически, включая в свои отношения людей-девайсов для секса, таких, как Том, Ким и ее муж и др. Это расщепление мы наблюдаем у всех героев: Пьер — хороший семьянин, нет секса; Том — только мужчина, «член», нет отношений; Патрисия — «святая женщина», есть семья, нет удовлетворяющего секса. Кстати именно она наводит Пьера на мысль предлагать свои

услуги женщинам из «Одиноких сердец». Возможно, через это Пьер пытается установить символическое соединение двух линий. Обслуживает и тех, и других женщин.

Итак, Пьер встает на путь Эроса, заканчивая жизнь «без риска и удовольствий», и после удачи в сексе меняется на глазах. У него появляются уверенные манеры, командные нотки в общении с прислугой, исчезает заискивающая манера поведения. В его жизни появляется Ким. Ким — тоже иллюстрация неудачи формирования зрелой генитальной сексуальности. Джей и Ким — супружеская пара, которая работает с парами. Ее объяснение, почему она занимается проституцией — «я не хотела жить в бедности» (мадам Бовари современности). Джей сразу говорит Пьеру, что у них с Ким нет отношений (что нас совершенно уже не удивляет, мы помним о расщеплении у всех героев фильма) — только секс — «мы трахаемся по работе». Между тем, Ким представляет для нас интерес как образец сгустка проблем женской сексуальности. Ким мазохистична — она, по ее собственному выражению, «втянута» в проституцию Джем, и так же пассивно ждет, что другой мужчина, Пьер, спасет ее. Сначала в ее отношениях с Пьером все хорошо, кажется, что она принимает реальность. Но постепенно Ким скатывается к разыгрыванию привычного сценария мазохистического страдания и жертвенного поведения (либидо всегда идет проторенными путями): ревность, подозрения, требования от партнера пожертвовать чем-то ради нее.

С появлением Ким начинается своеобразная динамика в отношениях Пьера и Тома. Том не верит в отношения Пьера и Ким. Ревность и агрессия проявляются в выражении сомнения в «потенциале» Пьера как писателя, появляется соперничество и разочарование в Пьере. Секс не за деньги вызывает раздражение, зависть. Том говорит Пьеру «ты все перепутал», что можно понимать как «нельзя смешивать отношения и секс». Отношения со шлюхой невозможны. Появление любого рода триад вызывает напряжение у всех героев. Напряженность от триады максимально представлена в сцене несостоявшегося секса Пьера с семейной парой, когда

Поскольку по замыслу сценариста и режиссера фильма у героев не предполагается счастливой интеграции чувств и сексуальных отношений, то у Пьера с Ким быстро нарастают проблемы в отношениях.

Пьер отказался от предоставления своих услуг после «проверки» его мужчиной.

На этом этапе своей истории Пьер становится готов не только говорить с женой, но и встретиться с ней. Сцена посещения Пьером своей парижской квартиры интересна нам только тем, что подтверждает тезис об отсутствии места для Пьера в его семье (нет кабинета, но есть детская, хотя Пьеру, по роду деятельности, необходим кабинет) и застоя (15 лет ничего не делали в квартире). Жена Пьера так же при встрече не говорит с Пьером, как до этого их сын. Но если сын просто молчал, то речь Катрин — монолог, направленный на усиление чувства вины перед сыном («его настоящий отец умер», «к черту философию» — это про мотив искать себя). Во всем этом мы наблюдаем полное отсутствие Пьера для нее как субъекта, игнорирование его желаний. Все мысли и переживания Катрин — о сыне, его интересах.

Поскольку по замыслу сценариста и режиссера фильма у героев не предполагается счастливой интеграции чувств и сексуальных отношений, то у Пьера с Ким быстро нарастают проблемы в отношениях. Джей требует, чтобы Ким продолжала «работать» с ним, а Пьер не может «забрать» Ким у Джея. Он оправдывается и извиняется, испытывает чувство вины. Пьер попадает в ту же ситуацию обязательств, что в своей семье, хотя и сопротивляется этому. Отношения не выдерживают накала страстей

в треугольнике — Пьер не может отнять женщину у другого мужчины, и не может в отношениях с ней быть мужчиной. Поскольку для своей жены он всегда был сыном, Пьера пугает перспектива слияния с Ким и он призывает ее «жить своей жизнью». В силу существующего расщепления, появляются проблемы с потенцией в сексе с Ким. Попытки Ким успокоить Пьера, что «секс не важен», что «она любит его» — последний гвоздь в крышку гроба их отношений. Это возврат в семейную ситуацию с Катрин, и Пьер отказывается от этого. Чтобы поддерживать себя на определенном уровне активности, которая становится вымученной, Пьер употребляет наркотики, увеличивая их дозу. Не имея возможности разрешить нарастающие противоречия в отношениях, Пьер прибегает к отработанному механизму ухода — лжи. Он лжет всем: Тому, Ком, Патрисии. Ким стала для него обычной домохозяйкой, начавшей говорить словами Катрин про то, что «ей нужен ответственный мужчина, а не ищущий себя подросток». Том все больше занимает роль отца, разочаровавшегося в сыне «ты все перепутал», «я в тебе ошибся».

На пике развернувшихся конфликтов Пьер посещает умирающего отца. Отец в больнице означает Логос и мораль в кризисе. Пьер признает свое поражение — «это я плох» и остается в доме отца, чтобы наконец-то дописать там свою книгу (закончить семейный роман). То есть конфликт разрешен, поиск закончен? И каков результат? Частично ответ дан в сцене последней встречи с Томом. Она происходит, скорее всего, после смерти отца Пьера. Роман написан. Главному герою дано имя Том, но пишет Пьер о себе. Он приносит книгу Тому, что можно рассматривать как символический триумф над соперником, так и как интеграцию с частью, которую символизирует Том. Пьер получил, вернее, дал себе право жить так, как ему нравится, «писать свои романы» и реализовывать свои сексуальные желания. Расщепление осталось, но Пьер частично идентифицировался с Томом, символизирующим отщепенную сексуальность.

И, скорее всего, никаких отношений... ■

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кернберг Отто Ф. Отношения любви: норма и патология. М., 2004.
2. Мазин В.А. Сновидения кино и психоанализа. СПб., 2012.
3. Фрейд З. Художник и фантазирование. М., 1995.
4. Эльячэфф К., Эйниш Н. Дочки-матери. Третий лишний? М., 2006.

Супергерои в поисках депрессивной позиции

«Мстители» (англ. *Avengers*) — элитная команда супергероев из комиксов компании *Marvel Comics*. Она была создана писателем С. Ли и художником Д. Кирби и впервые появилась в комиксе «*The Avengers*» №1 в сентябре 1963 года.

Кинематографическая вселенная Марвел появляется в 2006 г., за прошедший период вышло несколько фильмов — «Мстители» 2012 г., «Мстители: эра Альтрона», 2015 г., «Первый мститель: противостояние», 2016 г., «Мстители: война бесконечности» 2018 г., «Мстители: финал», 2019 г. Кроме кинофильмов про команду Мстителей есть фильмы, посвященные отдельным героям. Например, «Железный человек», «Невероятный Халк» и т. д. Всего вышло 20 фильмов.

Кроме кинофильмов, есть мультипликационные фильмы, аниме и видеоигры с теми же героями. Герои вселенной Марвел широко известны детям и подросткам, выпускается много игрушек, одежды, обуви и другой продукции с логотипом и изображениями героев Марвел.

**Гридаева
Галина Витальевна**

[об авторе](#)

Цель нашей работы — найти ответ на вопрос: может ли Супергерой-Мститель достичь депрессивной позиции? И если ответ «да, может», то при каких условиях это возможно? Для того, чтобы ответить на основной вопрос, нам потребуется задать два дополнительных вопроса и обсудить сначала их. Первый дополнительный вопрос: кому мстят Мстители? Эту тему мы рассмотрим в первой части статьи. Второй дополнительный вопрос: при каких условиях человек становится Супергероем? Во второй части статьи мы выделим критерии, на основании которых можно говорить о «комплексе Супергероя». И, наконец, в третьей части статьи мы займемся основным вопросом — поисками депрессивной позиции. Материалом для анализа нам послужат персонажи кинематографической вселенной Марвел и фильм «Мстители: финал» (2019 г.).

Команда супергероев

Почему супергерои из вселенной Марвел называются именно Мстители? Кому они мстят? Опросив большое количество людей, в том числе подростков, я не получила ответа на этот вопрос. По сюжету Мстители, скорее, защищают Землю, другие планеты или почти всю Вселенную. Спасают людей, воюют со Злом, являются Щитом, защищающим мир от глобального разрушения, конца света, Армагеддона. Но называются они не Защитники, Спасатели или Охранники (что было бы понятно и логично), а почему-то именно Мстители.

Причем и на английском, и на русском языках.

Месть, если верить словарю, — это вредящие действия, произведенные из побуждения покарать за реальную или мнимую несправедливость, причиненную ранее. Таким образом, для того, чтобы стать мстителем, нужно: а) помнить о причиненной ранее несправедливости, от которой ты пострадал; б) найти виновника твоих страданий; в) намеренно причинить ему вред, и желательно объяснить, за что конкретно ты заставляешь его страдать, т. е. именно

отомстить. Удивительно, но ни один из этих критериев не подходит для Мстителей-супергероев. Они не вспоминают о прошлой несправедливости, не ищут виноватых и никому не хотят намеренно причинить вред. Наоборот, они борются со Злом и спасают мир. Более того, зачастую их враг, нападающий злой Разрушитель Мира не имеет никаких личных мотивов, но действует под влиянием своего понимания жизни и смерти в целом (например, Танос, которого лишь один слог отделяет от неизвестного Танатоса). «Ничего личного, нам просто нужна эта планета» — говорит злодей в фильме про Супермена (это не вселенная Марвел, но супергеройская логика всемогущества очевидна). Итак, голливудские сценаристы не объясняют, кому и за что мстят Мстители. Зрители в большинстве своем тоже не знают ответа на этот вопрос, и даже таким вопросом не задаются, принимая название команды супергероев как данность.

Прояснить это нам поможет психоаналитическая теория и реконструкция личной истории супергероев. Подавляющее большинство Мстителей — сироты; и по-человечески это понятно: от хорошей жизни сверхспособности не обрести — просто незачем. В основе супергеройства лежит детская травма.

Ребенок осиротел. Он переживает крушение своей семьи, своего маленького мира, после чего обретает сверхспособности, и затем он вынужден компульсивно, вновь и вновь предотвращать крушение большого Мира. Навязчиво отыгрывается детская травма и те чувства, которые испытывал ребенок, когда его мир рушился. Мы видим это во всех красках и ужасе, на которые только способна компьютерная графика. Однако в фильмах Мстители не мстят конкретным убийцам своих родителей. Зачастую эти конкретные убийцы или неизвестны, или их вообще не существует: например, родители погибли в «случайной» автокатастрофе (как у Тони Старка, переживающего посттравматическое стрессовое расстройство с характерными для него симптомами).

Но кто же тогда разрушитель, кто убийца родителей?

Детская зависть к счастливой родительской паре, его ненависть, его яростное нежелание быть изгнанным из родительской спальни, невозможность быть «исключенным третьим» — все это атакует родительскую пару в его голове. Тогда ребенок становится сиротой при живых родителях, и утешает себя грандиозными фантазиями о своем супергеройстве. То есть речь идет о деструктивном процессе атаки на родительскую пару.

Психоаналитическая теория, в отличие от голливудских сценаристов, может нам дать ответ на этот вопрос. Разрушитель-убийца — это сам ребенок. На первый взгляд, звучит абсурдно: ребенок-сирота, потерявший родителей, и ребенок-монстр, убивший родителей — как можно уравнивать их? Но клиническая практика подтверждает, что в психической реальности разницы практически нет. Спектр чувств — ужас, ярость, вина, горе, потеря, одиночество, беспомощность и другие невыносимые переживания — будет одинаков. Нам известна особенность детской психики — считать себя причиной всего происходящего, например, «родители развелись, потому что я плохо себя вел». Поэтому с точки зрения внутренней реальности, действительно, разницы практически нет.

Детская зависть к счастливой родительской паре, его ненависть, его яростное

нежелание быть изгнанным из родительской спальни, невозможность быть «исключенным третьим» — все это атакует родительскую пару в его голове. Тогда ребенок становится сиротой при живых родителях и утешает себя фантазиями о своем супергеройстве. Речь идет о деструктивном процессе атаки на родительскую пару. Очень сложно ограничить свое всемогущество, признать, что ты — не центр вселенной (а кто же тогда?!) и принять факт, что другие могут быть счастливыми без тебя. Вообще могут БЫТЬ без тебя. Хотя это естественный путь развития. Это и есть та страшная несправедливость (с точки зрения ребенка, конечно), которая требует отмщения. Так ребенок, переживающий весь спектр чувств «исключенного третьего», становится убийцей. Но грамотные калифорнийские психоаналитики, очевидно, проконсультировали голливудских «создателей грез» и предложили им свалить убийство родителей на внешнего врага или на банальную автокатастрофу (впоследствии выяснится, что в «банальной» катастрофе виновен все же внешний враг). Убийственные импульсы благополучно спроецированы и остается лишь мстить. Так, ребенок превращается в Мстителя и приобретает суперспособности как доказательство собственного всемогущества.

Одновременно с потерей одного или обоих родителей и обретением суперспособностей новорожденный Супергерой берет себе новое имя, символизирующее новую идентичность. Доктор Брюс Беннер становится Халком, Стивен Роджерс становится Капитаном Америка, Клинтон Бартон становится Соколиным Глазом и т.д. Сохраняет свое имя и фамилию лишь Тор Одинсон, сын бога Одина — его фамилия слишком известная, чтобы ее менять. Если в древних мифических сюжетах отец героя великий Зевс, то герой, его сын — полубог. Несмотря на то, что древний герой мог в жизни не видеть своего отца и отец не принимал участия в его воспитании, герой чтит его и гордится своим божественным происхождением. Герой поддерживает свою идентичность, опираясь (фантазийно) на Всемогущего Отца и свое божественное происхождение (Геракл, сын Зевса).

Тони Старк с дочкой

В сюжетах современных «мифов» родители героя мертвы, от них не остаётся даже имен. Супергерой сам берёт себе новое имя — Железный Человек, Человек-Паук, Халк и т.д. — и поддерживает свою идентичность через отказ от связи с родителями. В его новом имени и в новой идентичности будет что-то нечеловеческое, а значит, герой не будет больше страдать. Новое имя также означает разрыв с прошлым, со своей семьей и своими корнями. Такое своеобразное отречение от родителей, фамилии, от рода, в том числе и человеческого.

Так кому же мстят Мстители? Своим собственным родителям. За что же? За самую ужасную несправедливость на свете, которую так сложно пережить — родители могут быть счастливыми и наслаждаться жизнью и без ребенка. Ребёнок переживает эту свою «ненужность». И это переживание для него сродни концу света.

Анализируя вселенную Марвел в целом и психодинамику отдельных персонажей, можно выделить признаки, характерные для личности супергероя. Признаков достаточно для того, чтобы объединить их в характерный «комплекс супергероя». И лишь в последнем фильме «Мстители: финал» 2019 г. мы можем наблюдать «человечивание» персонажей и отказ от супергеройской логики всемогущества. Это происходит через процесс горевания, принятие ограничений, через поиски депрессивной позиции. Об этом чуть позже.

Комплекс супергероя включает в себя обязательные анамнестические, поведенческие, структурные и психодинамические критерии:

1) детская травма, чаще всего сиротство: потеря одного или обоих родителей (анамнестический критерий);

2) формирование защитного ложного Я, обладающего сверхспособностями. Юридически ложное Я закрепляется принятием псевдонима, указывающего на нечеловеческое происхождение (Халк, Капитан Америка, Соколиный Глаз и т.д.);

3) коммуникация с миром через ложное Я, соответственно известным становится псевдоним, а не настоящее имя (исключение — Тор Одинсон, сын бога Одина). Герои испытывают соответствующие сложности в построении близких и интимных отношений;

4) потребность в навязчивом повторении, за которым стоит отыгрывание детской травмы, а именно регулярные концы света и их героическое предотвращение;

5) работа в качестве супергероя, которая позволяет канализировать сильнейшие аффекты и структурирует поведение. Возможность работать супергероем становится организующим и поддерживающим «внутренним стержнем», без которого рассыпается и личность, и поведение супергероя. Можно смело говорить о формировании зависимости от супергеройского образа жизни. Использование роли супергероя (а не суперзлодея или жертвы конца света) помогает укрепить дефицитарную самооценку и реализовать омнипотентные тенденции, спроецировав ярость и боль в других участников действия;

6) на внутриспсихическом уровне очевидна работа примитивных защитных механизмов: расщепление, идеализация и обесценивание, всемогущий контроль, отрицание, примитивная проекция. В целом для супергеройского существования характерно преобладание параноидно-шизоидной позиции и полное отсутствие депрессивной позиции (в концепции Мелани Кляйн);

7) как следствие тяжелой детской травмы, в функционировании психики супергероев мы наблюдаем отсутствие горевания,

Вверху: Доктор Бреннер и Халк

Внизу: Наташа Романофф в фильме «Мстители: финал» — депрессия и готовность к жертве

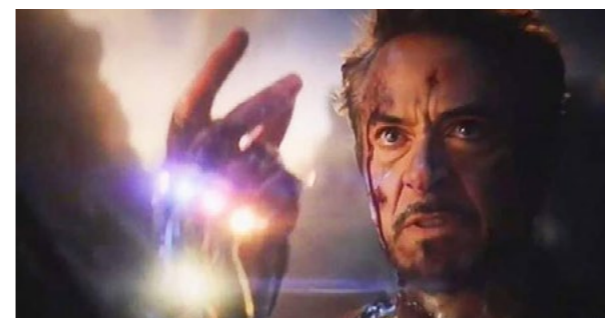
атаку на связи (концепция У. Биона) и атаку на родительскую пару, в целом: преобладание бета-элементов, провал альфа-функции и ментализации.

Финальный фильм про Мстителей не похож на предыдущие. Дело не в спецэффектах или актёрах. Дело в психодинамической логике происходящего. В киноповествовании возникли качественно новые смысловые категории. Если глубоко не вдумываться, то можно сказать: «ну, сценаристы и напридумывали!». В сочетании с попкорном и пивом этого может быть достаточно. Но если мы задействуем психоаналитическое мышление и посмотрим фильм через эту волшебную призму, то увидим гораздо больше.

В последнем фильме появились такие категории, как ВРЕМЯ, СТАРЕНИЕ, ЖЕРТВА, СМЕРТЬ И ГОРЕВАНИЕ. И это не игрушки и не фантазии, это необратимость. Это принцип реальности и отказ

Вверху: Тор Одинсон и его трансформация

Внизу: Железный человек Тони Старк

от всемогущества. И это совсем другая логика, логика качественно иного уровня. Это депрессивная позиция (концепт М. Кляйн). Поэтому совершенно не удивляет появление в кадре групповой психотерапии. Пришло время осмыслить и горевать. А в группе это делать легче, чем в одиночку.

В предыдущих фильмах мы снова и снова наблюдали расщепление, персекуторную тревогу, всемогущество, т.е. логику параноидно-шизоидной позиции по М. Кляйн. Никакой необратимости, конечности не было, не было и горевания. Фильмы почти клишировано повторяли один и тот же сюжет бесконечное число раз, сливаясь в восприятии зрителя в сплошной, почти недифференцированный поток. Теперь все иначе.

Проследуем по сюжету. Все начинается с проигрыша. С глобального супергеройского провала. Это состояние переживал каждый из нас: когда не смог чего-то, и все

это видели. И тебе надо как-то с этим жить. Но у нас обычные, человеческие провалы, а у супергероев, соответственно, и масштаб, и размах огромный. Танос (идейный Суперзлодей) уничтожил половину человечества. Практически в каждой семье есть потери. И все супергерои оказались бессильны, не смогли ему помешать. Армагеддон, которого так долго ждали, наконец, свершился. И тем, кто остался в живых, приходится жить по ту сторону конца света.

Мы видим Землю через пять лет после глобальной катастрофы. И как по-разному переживают случившееся герои.

Соколиный Глаз становится убийцей. Неудивительно, ведь он потерял всю свою семью, и ему остается жить только ненавистью и местью.

Капитан Америка ходит в психотерапевтические группы и, благодаря терапии, неплохо справляется.

Тор спивается. Почему именно Тор оказывается во власти зеленого змия? Все логично, ведь он убил Таноса — виновника Армагеддона. Причем убил молниеносно, в состоянии аффекта, в тот же миг, как увидел его. Не успел расспросить, узнать важные для исправления ситуации детали. Однозначно, погорячился. Фактически именно Тор ставит точку, делая ситуацию абсолютно неисправимой. До убийства Таноса была надежда на то, что расспросив

Все начинается с проигрыша. С глобального супергеройского провала. Это состояние переживал каждый из нас: когда не смог чего-то, и все это видели. И тебе надо как-то с этим жить.

Старение Капитана Америка

тирана, можно было как-то повлиять на произошедшее и «отменить» конец света. Окончателюность, бесповоротность трагедии становится очевидной именно после неразумных действий Тора. Полмира умерло, а тот, кто это сделал — убит божественной рукой Тора Одинсона. The end. Есть от чего спиться — такая огромная ответственность и вина. Визуально трансформация героя показана с нарочитой иронией — располневший, опустившийся Тор с немьтыми волосами, потягивающий пиво с собутыльниками в захлавленной квартирке. Вот так сын великого Одина! Бог грома, плачущий пьяными глупыми слезами и переживающий панические атаки. Но вообще-то — ничего смешного, даже Бог может сломаться.

С Халком, наоборот, чудеса интеграции — он смог преодолеть свое расщепление на умника и громилу. Длинная череда экспериментов, и он соединил свои субличности в большом зеленом теле с головой доктора Беннера. Естественно, от этого воссоединения он потерял часть интеллектуальных функций: даже в Голливуде невозможно быть супер-умным и супер-сильным одновременно. Возможно, он потерял еще и мужские качества, но об этом можно лишь косвенно догадываться. Ведь они расстались с Наташей Романофф. То ли он из-за интеграции субличностей потерял интерес к женщинам, то ли ей не нравятся мужчины без расщепления — история умалчивает. Казалось

С Халком, наоборот, чудеса интеграции — он смог преодолеть свое расщепление на умника и громилу. Длинная череда экспериментов, и он соединил свои субличности в большом зеленом теле с головой доктора Беннера. Естественно, от этого воссоединения он потерял часть интеллектуальных функций: даже в Голливуде невозможно быть супер-умным и супер-сильным одновременно.

бы, они оба выжили в глобальной катастрофе — чем не повод любить друг друга сильнее! Но их любовь умерла, и теперь каждый сам по себе. Он счастлив от нового себя, явно предпочитая селфи и прочие нарциссические радости любовным.

Наташа — в депрессии, но не подает виду. Воюет из последних сил, плачет скупыми слезами, правда, не в подушку, а в дружеское плечо Капитана Америки. «И вечный бой, покой нам только снится». Много отрицания в ее горе, много ярости. До принятия далеко.

А как там Тони Старк? У него одного всё отлично. Он и его любимая выжили, у них есть дом и прелестная дочка. Ему одному

Последний бой Тони Старка

удалось начать новую жизнь. Для Железного Человека конец света стал лечебным, раны его детских травм затянулись, он отказался от защитного супергеройства и живет обычной человеческой жизнью. «Хороший дом, хорошая жена — что еще нужно, чтобы встретить старость?» Можно было бы за него порадоваться, но есть одно НО. Есть психоаналитические закономерности. В мире, где царствует логика параноидно-шизоидной позиции, для благополучной семьи и спокойной жизни места нет. Очевидно, что живую полную и счастливую семью голливудские сценаристы просто обязаны разрушить. Таковы законы голливудского жанра. Все страдают, каждая семья кого-то потеряла. А эти Старки живут и радуются, будто ничего не случилось. Не бывать этому! Возможно, именно это ощущение «как-будто ничего не случилось» становится ключевым, решающим. Отрицание не может длиться вечно.

Ради всех погибших для отмены конца света нужна финальная ЖЕРТВА. А в жертву нельзя принести кого угодно. Древние Афины отправляли Минотавру двенадцать самых красивых девушек и двенадцать самых сильных юношей. Могли бы выбирать самых страшненьких и слабых, но нет, Минотавр таких не ест. Жертвовать надо самым ценным, самым дорогим, иначе это — не жертва с большой буквы Ж. Поэтому Тони Старк обречен. И самая красивая, хоть и слегка потускневшая в депрессии, Наташа Романофф обречена тоже.

Сравним женскую и мужскую жертвы: гендерная асимметрия налицо. Женщине нечего терять, она абсолютно опустошена эмоционально, и она сама жертвует своей жизнью. Такое своеобразное самоубийство. Обратите внимание: когда герои играют со временем, то почти все персонажи встречаются с собой или со своими любимыми из Прошлого. Формат встречи зависит от персонажа. Капитан Америка сам с собой дерется, например. И еще в прошлом он видит свою любимую, его чувства оживают, и эта встреча определит его дальнейшую судьбу. Дочь Таноса Небула пытается (безуспешно) образумить сама себя: молодую, глупую и захваченную отцовским комплексом. Соколиный Глаз возвращается в свой дом и встречает своих родных еще живыми, не погибшими. Очень трогательный момент фильма. И только Наташа никуда не возвращается и никого не встречает — ни саму себя, ни значимых людей из прошлого. Абсолютное опустошение, смерть внутреннего объектного мира. Ее финальная жертва очень понятна. Женщина умирает, потому что ей не для кого жить.

Тони Старку, наоборот, есть, что терять — жену, дочь, спокойную счастливую жизнь, будущее, детей, которые могли бы еще родиться в его семье. Первое, что он говорит, — у меня семья, я не готов жертвовать собой. Он борется до последнего, он хочет жить. Но мужчина умирает, потому что ему есть ради кого умереть. Его финальная

Похороны Железного человека Тони Старка

жертва неизбежна, очевидна и трагична до невероятности. До последнего зритель не верит в смерть Железного Человека, ожидает внезапного чудесного спасения. Но Старк действительно умирает, и его хоронят. Слишком много человеческого в этом супергерое, даже в его псевдониме есть «человек», хоть и железный. И ГОРЕВАНИЕ о нем естественное, и траурная церемония: мы видим работу горя в лучших фрейдовских традициях.

Пожалуй, окончательность, неисправимость СМЕТРИ Тони Старка становится переломным моментом, запускающим нормальную работу горя и помогающим обрести депрессивную позицию в бесконечном (до момента смерти) круговороте параноидно-шизоидной логики.

Объектом СТАРЕНИЯ ироничные голливудские сценаристы выбрали вечно молодого, сохранившегося во льдах Капитана Америка. Возвращаясь ненадолго в свое прошлое, он видит свою любимую и делает

свой выбор. Отказывается от супергеройства, отдает свой щит, становится простым смертным и — стареет. Красиво стареет, надо отметить.

«А как же ВРЕМЯ?» — спросите вы. Так именно с помощью манипуляций со временем и удается вернуть к жизни невинно убиенную половину человечества. Хронос пожрал Жертву. Можно жить дальше. Очевидно — парадигма изменилась, депрессивная позиция появилась и исчезнуть не может. Психология безлимитности, всемогущества и супергеройства обречена. Комплекс супергероя отброшен за ненужностью. Травмы переработаны. Можно вернуться с войны и жить обычной человеческую жизнь. Да здравствует ментализация и впервые обретенная депрессивная позиция!

Хотелось бы на этой радостной ноте и закончить, но есть сомнения: возможно ли надолго сохранить депрессивную позицию в мире Супергероев? Или будет, как в стихотворении А. Блока: «Умрешь — начнешь опять сначала, и повторится все,

как встарь». Манипуляции со временем остаться без последствий не могут. Признание окончательности фактов жизни — рождения, смерти, своего места в семейной системе, осмысление их и переживание сильных чувств, вызываемых этими фактами — с одной стороны. Всемогущество, супергеройская логика параноидно-шизоидной позиции, безлимитность, отрицание времени и манипуляции с ним — с другой. Кстати, один из фильмов про Мстителей так и назывался «Война бесконечности».

Подводя итоги, мы можем сказать, что нашли ответы на дополнительные вопросы нашего исследования. Кому мстят Мстители? Своим собственным родителям. За что? За самую ужасную несправедливость на свете, которую так сложно пережить — родители могут быть счастливыми и наслаждаться жизнью и без ребенка. Отвечая на второй дополнительный

вопрос — при каких условиях человек становится Супергероем — мы выделили специфические критерии, совокупность которых мы условно обозначили как «комплекс Супергероя». В основе этого комплекса лежит детская травма «исключенного третьего», которая запускает примитивные защитные механизмы и формирует логику параноидно-шизоидной позиции.

Ответ на основной вопрос, по нашему мнению, звучит так: достижение депрессивной позиции требует отказа от супергеройства. Супергеройство, супер-способности и супер-амбиции придется принести в жертву, признать обычные человеческие слабости и ограничения и отгоревать потерю. Иными словами, достигая депрессивной позиции, Супергерой становится обычным человеком — стареющим, ограниченным, горящим. Простым смертным. И перестает быть Мстителем. ■

Обзор книги Каролы Ленэке «Сексуальные преступления и симбиотические отношения: научное психоаналитическое исследование»

**Лемешко Константин
Александрович**

[об авторе](#)

На нескольких конференциях я докладывал результаты наблюдений за так называемыми симбиотическими диадами — очень своеобразной группой взрослых пациентов, неразлучных со своим родителем. Сталкиваясь с одним подобным пациентом в клинике психозов, поначалу удивляешься, с интересом изучаешь детали, пытаешься как-то повлиять на наблюдаемое бесчинство. Но когда количество таких наблюдений переваливает за два десятка, то сомнений не остается — это не случайность, а закономерное следствие особых внутриспсихических процессов. И возникает естественное желание проанализировать зарубежную литературу. Ведь наверняка уже исследовано и описано, каким образом, например, возникает противостественная сверхзависимость взрослого мужчины от своей старушки-матери.

К моему удивлению обзор англоязычных публикаций, несмотря на распространённость прилагательного «симбиотический», не дал каких-либо серьёзных плодов. О «симбиотичности» много рассуждают как о гипотетическом внутриспсихическом качестве, но не как о способе межличностных отношений. Уже отчаявшись найти ответы, я увидел книгу с интересным

ЦИТАТА: «Решающее значение имеет то, удалось ли ребёнку избавиться от полиморфно-перверсной тенденции, с которой он родился, на эдипальной стадии либидинального влечения. Этому может помешать ярко выраженная симбиотическая связь с матерью и явная некомпетентность отца. Подобный опыт имеет непосредственное отношение к сексуальным преступникам...»

названием на нидерландском языке: «De rol van moeder-zoon symbiose in perversie en zedendelinquentie». Вот это заголовок! «Роль симбиоза мать-сын при перверсии и сексуальных преступлениях». А ещё через несколько дней меня ошеломил быстрый ответ на мое письмо автора, некой Каролы Ленэке. Уже спустя пару недель мы сидели в небольшом ресторане в Утрехте, обсуждая подробности психогенеза гендерных ролей, психотических симптомов, судебную психиатрию и многое другое.

Как ни странно, но для написания «Трёх очерков по теории сексуальности» З.Фрейд обратился к наблюдениям судебных психиатров, и в первую очередь Рихарда фон Крафт-Эбинга. Его подробные описания очень хорошо иллюстрировали те механизмы, которые вскрыл Фрейд у своих пациентов, доверивших ему свои истории, сновидения и фантазии. Но как ни странно, именно судебная психиатрия сильнее всего отвергает психоаналитические концепции, за редким исключением в лице Дж.Р. Меллоя, М. Стоуна, Э. Уэллдон, Б. Кара и ещё небольшого количества энтузиастов. Поэтому познакомиться с особенностями психоаналитической судебной психиатрии в Нидерландах было вдвойне интересно.

Карола Ленэке в 1995 году возглавила психотерапевтическую группу в нидерландской клинике Олденкотте. Особенность этого стационара в том, что в нём проходят принудительное лечение люди, совершившие преступление и признанные невменяемыми в связи с психическими расстройствами. К этому времени Карола уже была членом Международной психоаналитической ассоциации (IPA) с опытом аналитической работы в государственном здравоохранении.

Конечно же, судебная психиатрия Нидерландов отличается от российской. Но существование принудительного психоанализа для лиц, признанных невменяемыми, стало для меня открытием. Да, нужны дополнительные оговорки. Прежде чем порекомендовать принудительное психотерапевтическое лечение, с подэкспертным будет работать комиссия. Как правило, не ранее чем через 2–3 года принудительного лечения. Комиссия внимательно анализирует обстоятельства, анамнез, заключение патопсихолога, результаты достигнутого медикаментозного лечения. То есть, происходит взвешенная оценка, а нужно ли психотерапевтическое лечение вообще? Потом комиссия представляет

свои выводы суду, который и выносит окончательное решение.

В результате нашего знакомства д-р Ленэке в марте 2020 г. приехала в Москву, где провела открытую лекцию и два семинара. Публикация книги «Сексуальные преступления и симбиотические отношения: научное психоаналитическое исследование» является продолжением нашего долгосрочного сотрудничества. В ней обобщён опыт судебно-психиатрической экспертизы лиц, совершивших сексуальные преступления. В книге также рассматривается патология сексуального влечения с психодинамической точки зрения, учитывающей не только особенности раннего взаимодействия с семейным окружением, но и роль других аспектов социализации индивида.

Само по себе примечательно то, что нидерландский психоаналитик пользуется термином «перверсия». Ведь Нидерланды с обывательской точки зрения можно назвать эталоном терпимости к любым проявлениям индивидуальности: чего стоит только легализация конопли или проституции? Последняя с 1988 года официально является профессией, ей посвящены различные конференции, часто претендующие на статус научных. Как может в столь прогрессивном государстве сохраниться столь нагруженным моральным осуждением термин? Да ещё и в столь своеобразной отрасли, как судебная психиатрия?

Ответ нетривиален, поскольку требует сохранения нейтральности в бурях социальных возмущений по поводу поправок прав представителей различного рода меньшинств. Эмоциональный резонанс всегда препятствует рассмотрению происхождения того или иного явления. Вдумчивый же анализ, основы которого были заложены ещё З. Фрейдом в начале прошлого столетия, позволяет Кароле Ленэке считать, что перверсия и парафилия (более медицинский термин) — не взаимозаменяемые синонимы.

«Мы должны быть осторожны, пишет она, чтобы не путать наши гражданские права с критериями психического здоровья. Критерии психического здоровья

не должны быть адаптированы к современной моде или изменяться под влиянием текущих событий. То, что «совершеннолетние лица» имеют полное (юридическое) право в частном порядке вступать в определённые сексуальные отношения, не означает, что такие действия не сопровождаются патологическими симптомами. <...> В 1965-1975 годах наступил переломный момент в проявлении и принятии сексуального опыта. Сексуальному опыту предстояло стать легкодоступным, бесплатным и публичным, и в настоящее время «секс-игры» не только вышли из темноты, но и оказались помещены в центр внимания. Секс и порнография встречаются повсюду, их можно непосредственно созерцать в Интернете и на телевидении. По щелчку пульта дистанционного управления мы можем наблюдать, как секс и секс-партнёры объективируются индустрией развлечений для большой анонимной аудитории. Тот факт, что в рамках одного поколения мы перешли от одной крайности к другой, показывает, что мы не имеем чёткого контроля над положением секса в нашем обществе. Мы живём в обществе, где всё можно купить, и секс стал одним из многих потребительских товаров. Конечно, порнография, промискуитет, проституция и другие формы не относятся к исключительным явлениям нашего времени. Новинкой является широко распространённый доступ к ним, привычка рассматривать секс как (очередной) пригодный к употреблению продукт с отношением «можно всё»... Согласно Фрейдю, мы склонны демонстрировать поведение, не поддающееся нашему контролю, а потому нам недоступное. Наше преувеличенное проявление секса и озабоченности им указывают на то, что мы не обрели действительной интимности в сексуальных отношениях, не сумели достаточно интегрировать их в наше индивидуальное и социальное существование. Это описание применимо к людям с перверсией. <...> Человек, страдающий перверсией, интегрировал сексуальное напряжение в часть своего существа, в свою личностную структуру. Это не просто неудобная жалоба или симптом, который появляется время от времени. Перверсия — это неотъемлемая часть

ЦИТАТА: **«Человек, страдающий перверсией, интегрировал сексуальное напряжение в часть своего существа, в свою личностную структуру. Это не просто неудобная жалоба или симптом, который появляется время от времени. Перверсия — это неотъемлемая часть личности (личностного расстройства), которая всегда присутствует и играет определяющую роль на различных уровнях функционирования»**

личности (личностного расстройства), которая всегда присутствует и играет определяющую роль на различных уровнях функционирования. Тяжесть нарушения перверсного характера играет более значимую роль в неконтролируемом выражении сексуальных желаний, чем парафильное (изолированный симптом) поведение как таковое. С психоаналитической точки зрения термин «парафилия» является недостаточным. Перверсия означает наличие проблемы переживания интенсивного сексуального удовольствия, испытываемого в процессе девальвации, победы и причинения боли другому. То есть сексуальное удовлетворение достигается, когда партнёр эксплуатируется или используется посредством применения силы, агрессии и манипулирования. Часто речь идёт о садомазохизме или открытой ненависти. Эти аспекты можно проследить до индивидуальных пожеланий и принципов, как и в случае невротических симптомов. Приобретение любви партнёра не имеет первостепенного значения: суть перверсии заключается в дегуманизации партнёра. Как будет видно на примере клинических случаев, партнёр превращается в объект в рамках обязательного сексуализированного жестокого сценария. В большинстве

случаев формирование перверсии берёт своё начало в раннем детстве, на доэдипальной и эдипальной стадиях развития».

Другая особенность состоит в том, что д-р Ленэке успешно интегрирует в одну картину теоретические воззрения разных моделей, что впрочем, продиктовано не стремлением к эклектизму, а сложностью самого поведения сексуальных преступников.

«Психоаналитическая теория предлагает подходящие отправные точки для объяснения перверсных процессов развития. Модель либидо чётко обрисовывает стадии развития ребёнка вплоть до достижения им половой зрелости. Модель Эго описывает организацию психической деятельности как «коалицию» различных компонентов, которые постоянно взаимодействуют друг с другом. Модель объектных отношений показывает важность связи с лицами, осуществляющими первичный уход, для внутреннего формирования и утверждения психологического образа самости. Модель психологии самости иллюстрирует развитие чувства самости через нарциссизм. Эти отправные точки подчеркивают важность требуемых и усвоенных поведенческих паттернов и объектных предпочтений

при формировании сексуально девиантного поведения. Решающее значение имеет то, удалось ли ребёнку избавиться от полиморфно-перверсной тенденции, с которой он родился, на эдипальной стадии либидинального влечения. Этому может помешать ярко выраженная симбиотическая связь с матерью и явная некомпетентность отца. Подобный опыт имеет непосредственное отношение к сексуальным преступникам, заставляя их усваивать в детстве образ Собственного Я, который может стать причиной тяжёлой патологии на более позднем этапе жизни».

Материал книги разделён на семь частей. В первых двух главах даётся введение в проблематику и методологию. В третьей и четвёртой главе, опираясь на различные психодинамические модели и свой опыт эксперта, автор исследует специфику становления типа привязанности, механизмов психической защиты, личностной структуры и их влияние на искажение когнитивных механизмов и сознания, характерных для сексуальных правонарушителей. Используемые термины согласованы в переводе и комментариях с традиционными для отечественной судебной психиатрии. Приводятся сноски и пояснения по поводу некоторых разногласий в терминологии, ссылки на переводные издания и отечественные монографии. Постулируемые механизмы трансформации в противоправное поведение иллюстрируются случаями из практики.

«Важность первичных объектных отношений для становления молодого мужчины хорошо прослеживается на примере истории Джона. Сейчас ему 40 лет, и он описывает свою мать как активную, эмоциональную, доминирующую женщину, ключевую фигуру в семье. Она эгоцентрична и постоянно уверяет сына, что он её любимчик. Семья же состоит из матери, отца и ещё 7 детей: шести братьев и сестры. Мать требовала от Джона полной отдачи. По её словам, она была вынуждена это делать, потому что дважды спасла сына жизнь. Впервые это произошло почти сразу после рождения, когда он лежал в кювезе с нарушениями дыхания. Мать заметила,

что с медицинским оборудованием возникли какие-то неполадки. Благодаря её бдительности поломку починили, и ребёнок быстро пошёл на поправку. Второй раз это случилось, когда Джону было 4 года, он попал в аварию, и ему наложили гипс на ногу. В небольшую ранку попала инфекция, и был велик риск развития гангрены. Мать вовремя это заметила, и благодаря её вмешательству удалось своевременно принять меры. С завидной периодичностью она напоминала Джону, как он должен быть благодарен матери за её заботу и самоотверженность. Джону нравилось быть рядом с ней. Он не любил школу и старался проводить дома как можно больше времени. Но когда он оставался там, то должен был существовать ради матери. Отношения Джона с ней отягощались своего рода бартерными обязательствами. Сама мысль о том, что он находится рядом с матерью только ради неё, вызывала в нём беспомощность и ярость. Он никогда не сможет высвободиться из этих отношений. На протяжении всей жизни все прочие отношения оставались такими же бартерными. Симбиотические, извращённые отношения с матерью стали основой жестокой драмы, которая позже разыгралась в его жизни.

Отец Джона почти не поддерживал его, питая презрение к своему несколько феминному сыну, избегал его и больше заботился о братьях Джона. В 13 лет Джон впервые заработал деньги проституцией. Его партнёром стал 34-летний мужчина, заплативший ему. «Моё призвание — удовлетворять других людей. Я знаю это из своих отношений с матерью», — так говорит сам Джон. За этим эпизодом последовали другие гомосексуальные контакты, которые были всё более жестокими и садомазохистскими. Все партнёры Джона были существенно старше него, потому что, по его словам, он искал в них стабильность и спокойствие. Ему был необходим хороший отец, способный защитить и освободить от симбиоза с матерью. Но как бы ни старался Джон добиться иного, он всегда выступал в роли подчинённого раба, катамита — мальчика, состоящего в гомосексуальной связи со взрослым мужчиной. Со временем в нём стали крепнуть разочарование

и злость. После бесчисленного количества садомазохистских игр ярость Джона прорвалась наружу. «Внезапно я почувствовал ярость из-за всей своей жизни, всех этих обменов и эксплуатации». В тот момент он схватил нож и ударил своего партнёра 26 раз. Когда он, наконец, остановился, то почувствовал ясность и облегчение. Джон говорит, что это чувство, что ему постоянно надо быть при ком-то, родилось из его отношений с матерью. «Я живу ради удовольствия других. Это сводит меня с ума. Я жажду мести, вся моя жизнь была наполнена чувством возмездия».

Достоинством книги является представление результатов сравнительного анализа различных групп испытуемых, представленных в виде таблиц и диаграмм. Автор показывает уместность использования психоаналитической методологии в судебно-психиатрической экспертизе, приводя пример экспертного заключения испытуемого, который обвиняется в педофилии. В этом заключении подробно анализируются поведение испытуемого во время обследования, результаты психометрических тестов, сценарий преступлений и возможные механизмы развития противоправного поведения.

Ленэке Карола
(К. М. Lehnecke)

Ph. D., судебный эксперт, патопсихолог, член IPA, тренинг-аналитик Утрехтского психоаналитического общества (Нидерланды), руководитель психотерапевтической группы судебно-психиатрической клиники Олденкотте, консультант клинического центра Гелдерсе Роос. Более 30 лет посвятила психоаналитической терапии лиц, совершивших сексуальные преступления.

АНОНСЫ

Анонс — это предварительное оповещение о каком-либо событии, а в случае журнала также и о вышедших в свет печатных изданиях по психоанализу и психотерапии.

Анонс не подразумевает подробного рассказа о своем объекте, но лишь изложение основных сведений о дате, времени и месте мероприятия, или, в случае печатного издания, его выходных данных, превью и информации о том, как вы можете его приобрести.

Целями данной рубрики являются:

— распространение информации, способствующей повышению квалификации и профессиональному развитию членов сообщества;

— налаживание коммуникаций в сообществе, в том числе через перекрестное участие членов сообщества в мероприятиях других регионов.

К сожалению, мы не сможем предоставить вам информацию обо всех событиях сообщества — журнал выходит раз в квартал, а информация в современном мире обновляется намного быстрее. Но мы стараемся со временем стать для вас Навигатором в мире событий ЕАРПП, находить и публиковать данные об открытых семинарах отечественных и иностранных специалистов, программах дополнительного образования ЕАРПП, об интересных средне- и долгосрочных образовательных программах по психоанализу и психотерапии, проходящих как в ЕАРПП, так и в ряде других психоаналитических сообществ.

Библиотека — часть нашей жизни. Пополнение библиотеки — процесс длинной в жизнь. Анонсы книг помогут вам в этом процессе.

Давайте расти и развиваться вместе!

Навигатор событий

15 марта — 31 августа 2021

Дата, город	Тема	Формат, оплата	Подробная информация и запись
Постоянный набор, Москва	Программа переподготовки Международной Школы Группового Психоанализа (ЕСРР, EGATIN, COIRAG) «Теория группового и индивидуального психоанализа»	онлайн/ очно (очный набор до сентября 2021)	https://www.group-analysis.ru/school/treningi/on-line-teory/teoriya-i-praktika-gruppovogo-i-individualnogo-psikhoanaliza99201313/
Постоянный набор, Москва	Программа переподготовки Международной Школы Группового Психоанализа (ЕСРР, EGATIN, COIRAG) «Психоанализ в бизнесе»	онлайн	https://www.group-analysis.ru/school/treningi/on-line-teory/psikhodinamicheskij-kouching/
Постоянный набор, Москва	Программа переподготовки Международной Школы Группового Психоанализа (ЕСРР, EGATIN, COIRAG) «Семейное консультирование»	онлайн	https://www.group-analysis.ru/school/treningi/on-line-teory/semeynoe-konsultirovanie91322919/
13 марта, Москва	Образовательный проект «Путешествие по галактике психоанализа — БТП (Бионианская теория поля)», II блок	онлайн	https://groupanalysischool.timepad.ru/event/1557107/
13–14 марта, Уфа	VI Уфимская научно-практическая конференция по психоанализу	онлайн	https://psyconferenceufa.timepad.ru/event/1553441/
20–21 марта, Москва	Практический онлайн курс переподготовки «Сексология и сексопатология» Международной Школы Группового Психоанализа (ЕСРР, EGATIN, COIRAG)	онлайн	https://www.group-analysis.ru/school/treningi/on-line/prakticheskij-onlayn-kurs-seksologiya-i-seksopatologiya/
20–21 марта, Москва	Сертификационный практический курс Международной Школы Группового Психоанализа (ЕСРР, EGATIN, COIRAG) «Групп-анализ практика, 1 уровень»	очно	https://www.group-analysis.ru/school/treningi/ochniye/grupp-analiz-praktika-1-uroven-psikhoterapevticheskaya-i-obuchayushchaya-gruppa/
21 марта, Москва	Проект молодёжной секции ЕАРПП «Группа интервизий»	онлайн, бесплатно для членов ЕАРПП	https://groupanalysischool.timepad.ru/event/1529188/

27 марта, Москва	Кляйнианские чтения	очно	https://groupanalysischool.timepad.ru/event/1561155/ http://web.facebook.com/moscow.earpp.ecpp
27 марта, Симферополь	Семинар Яна Федорова «Трудный пациент»	очно, платно	http://simf.tilda.ws/2703
31 марта, Москва	Проект Комитета по работе с молодыми специалистами ЕАРПП «Группа рефлексии для начинающих терапевтов» Тема: «Деньги и их символическое значение в терапии»	онлайн, бесплатно для членов ЕАРПП	https://groupanalysischool.timepad.ru/event/1529157/
4 апреля, Москва	Проект Комитета по работе с молодыми специалистами ЕАРПП ЕАРПП «Группа интервизий»	онлайн, бесплатно для членов ЕАРПП	https://groupanalysischool.timepad.ru/event/1529188/
10–11 апреля, СПб	Международный семинар доктора Хорхе К. Ульника «Кожа в психоанализе: от Я- кожи к мыслящему –Я. Теория и клиническая практика»	очно, заочно, онлайн	https://karpovka19.ru/events/mezhdunarodnyy-seminar-doktora-khorkhe-k-ulnika/
10 апреля, СПб	9-я конференция «Психиатрия и психоанализ: клинические диалоги». Тема «ПроТесты внутри и снаружи»	Онлайн, бесплатная и платная форма участия	https://www.facebook.com/groups/clinical.dialogues
10 апреля, Москва	Проект Комитета по работе с молодыми специалистами ЕАРПП «Личный бренд и продвижение психоаналитика в социальных сетях» Тема: «Формирование профессиональной идентичности психолога в социальных сетях»	онлайн, бесплатно для членов ЕАРПП	https://groupanalysischool.timepad.ru/event/1539338/
11 апреля, Москва	Дискуссионный форум Журнала ЕАРПП по материалам первого номера «Психоаналитические институты: зачем нужны и как пользоваться»	онлайн, бесплатно	https://groupanalysischool.timepad.ru/event/1550175/
13 апреля, Москва	Литературно-дискуссионный клуб Комитета по работе с молодыми специалистами ЕАРПП. Тема: «Самораскрытие терапевта. Польза или вред? Дискуссия по книге И. Ялома «Лжец на кушетке»	онлайн, бесплатно для членов ЕАРПП	https://groupanalysischool.timepad.ru/event/1539329/

17 апреля, Москва	Клиническая суббота РО Москва Тема: «Перенос как особенные человеческие отношения между аналитиком и пациентом»	онлайн, для членов ЕАРПП - бесплатно	http://ecpp-moscow.ru/events/klinicheskie-subbotyi/
17–18 апреля, Самара	IV Межрегиональная научно-практическая онлайн-конференция «Границы родительской любви: дозволенное, недозволенное»	онлайн	https://vk.com/club202828658/ https://samarakonf.com/
22 апреля, СПб	СПОЛ (Свободная Психотерапевтическая Образовательная Лаборатория). Матрица сновидений или Лаборатория сновидений	онлайн, бесплатно	spol.su или https://www.facebook.com/groups/628838404619696
24–25 апреля, Новосибирск	Семинар Яна Федорова «Работа с деструктивными и регрессивными пациентами»	очно, заочно, онлайн, платно	https://www.skafyan.com/
25 апреля, Москва	Проект Комитета по работе с молодыми специалистами ЕАРПП «Группа интервизий»	онлайн, бесплатно для членов ЕАРПП	https://groupanalysisisschool.timepad.ru/event/1529188/
28 апреля, Москва	Проект Комитета по работе с молодыми специалистами ЕАРПП «Группа рефлексии для начинающих терапевтов» Тема: «Кто такие «сложные клиенты»	онлайн, бесплатно для членов ЕАРПП	https://groupanalysisisschool.timepad.ru/event/1529157/
15 мая, Москва	Клиническая суббота РО Москва Тема: «Перенос как особенные человеческие отношения между аналитиком и пациентом»	онлайн, для членов ЕАРПП - бесплатно	http://ecpp-moscow.ru/events/klinicheskie-subbotyi/
16 мая, Москва	Проект Комитета по работе с молодыми специалистами ЕАРПП «Группа интервизий»	онлайн, бесплатно для членов ЕАРПП	https://groupanalysisisschool.timepad.ru/event/1529188/
26 мая, Москва	Проект Комитета по работе с молодыми специалистами ЕАРПП «Группа рефлексии для начинающих терапевтов» Тема: «Завершение терапии»	онлайн, для членов ЕАРПП - бесплатно	https://groupanalysisisschool.timepad.ru/event/1529157/
27 мая, СПб	СПОЛ (Свободная Психотерапевтическая Образовательная Лаборатория). Матрица сновидений или Лаборатория сновидений	онлайн, бесплатно	https://spol.su/ или https://www.facebook.com/groups/628838404619696

30 мая, Москва	Проект Комитета по работе с молодыми специалистами ЕАРПП «Группа интервизий»	онлайн, бесплатно для членов ЕАРПП	https://groupanalysisisschool.timepad.ru/event/1529188/
4–6 июня, СПб	Международная Российско–Израильская конференция «Гендерные идентификации, роли, концепции в групповом анализе»	очно	http://www.iga.msk.ru/events/conferences/russian-israel_gender
5 июня, Москва	Проект Комитета по работе с молодыми специалистами ЕАРПП «Личный бренд и продвижение психоаналитика в социальных сетях» Тема: «Продвижение в социальных сетях: разбор профиля специалиста»	онлайн, бесплатно для членов ЕАРПП	https://groupanalysisisschool.timepad.ru/event/1539338/
5–6 июня, Москва	IX Межрегиональная Психоаналитическая Конференция. «Аналитическая ситуация: прошлое и будущее в настоящем»	очно онлайн	Следите за новостями на http://web.facebook.com/moscow.earpp.ecpp
12 июня, СПб	«Гарольдовские чтения» Конференция, посвященная памяти Г. Стерна Организуется секцией современного анализа РО–Санкт-Петербург	онлайн, бесплатно для членов ЕАРПП	Информация в Телеграмканале, ВКонтакте, FB «ЕАРПП РО Санкт-Петербург» Запись по адресу: harold-95@yandex.ru
18 июня, Ставрополь	Онлайн-семинар «Некоторые соображения о психосоматических процессах: клянианский подход», семинар Каталины Бронштейн	онлайн	Для регистрации необходимо выслать заполненную анкету на эл.почту: yeninvik@mail.ru https://www.facebook.com/profile.php?id=100009254362538
24 июня, СПб	СПОЛ (Свободная Психотерапевтическая Образовательная Лаборатория). Матрица сновидений или Лаборатория сновидений	онлайн, бесплатно	spol.su или https://www.facebook.com/groups/628838404619696

Ленэке К.

Сексуальные преступления и симбиотические отношения: научное психоаналитическое исследование

Перевод с англ. под общей ред. К. А. Лемешко
М.: Академический проект, 2021. — 306 с.
Твердый переплет.
ISBN: 978-5-8291-3837-0

О КНИГЕ

В издании обобщён опыт судебно-психиатрической экспертизы лиц, совершивших сексуальный преступления. Новым для отечественного читателя является подход, рассматривающий патологию сексуального влечения с психодинамической точки зрения, учитывающей не только особенности раннего взаимодействия с семейным окружением, но и роль других аспектов социализации индивида.

Несомненным достоинством книги является представление результатов сравнительного анализа различных групп испытуемых, представленных в виде таблиц и диаграмм. Автор показывает уместность использования психоаналитической методологии в судебно-психиатрической экспертизе, приводя пример экспертного заключения испытуемого, который обвиняется в педофилии. В этом заключении подробно анализируются поведение испытуемого во время обследования, результаты психометрических тестов, сценарий преступлений и возможные механизмы развития противоправного поведения.

Книга написана простым и доступным языком, и адресована широкому кругу специалистов: медицинским психологам, врачам-психиатрам, психотерапевтам, психоаналитикам, неврологам, а также ординаторам и студентам, осваивающим профильные дисциплины.

Как заказать книгу

Приобрести можно в книжной лавке «Листва»:

В Москве: м. Чистые Пруды, ул. Жуковского, дом 4, кор. 1, вход со двора.

В Санкт-Петербурге: Литейный проспект, 33 (м. Чернышевская, Маяковская), во дворе.

Стоимость - 700 рублей

По вопросам доставки в другие города России, пожалуйста, свяжитесь с представителями магазинов: <https://chernaya100.com/contacts>.

Федоров Я. О.

На грани современного анализа

СПб.: ООО «ИПК «БИОНТ», 2020. — 392 с.
Твердый переплет.
ISBN: 978-5-904681-64-7

О КНИГЕ

Книга о современном психоанализе, и даже скорее о современном анализе как его определял Х. Спотниц: «Мы говорим именно «современный анализ», а не «современный психоанализ», поскольку анализируем не только психику тех, с кем работаем, но и социальные, биологические и медицинские факторы¹». Я рассмотрел психоанализ с четырех сторон или граней. Сначала со стороны самого психоаналитика — через содержание его профессионального становления. Постарался показать психоанализ через его приверженцев, через непростой путь их становления, их преимущества и уязвимости. Потом современный анализ раскрылся с его клинической стороны, как он «работает» в кабинете. Я рассмотрел 10 условных групп пациентов, с которыми психотерапевты имеют дело постоянно или наоборот, предпочитают «не связываться». Затем заглянул за ширму психоаналитического тренинга и поделился наблюдениями: от рекомендаций как сделать преподавание теории интересным до вариантов супервизий с описанием их структуры. Подробнее рассмотрел вариант, который можно назвать авторским — «демовизию». Демонстрационные группы я использую в качестве супервизионного формата, отсюда и такой «профессиональный неологизм». Хотя такие группы скрывают в себе огромный обучающий потенциал. В заключении я попробовал шагнуть еще дальше и порассуждал о прагматичности и безопасности взаимодействия психоаналитика с обществом. Речь пойдет о их взаимном влиянии в нескольких областях, где они неизбежно сталкиваются (медицина, религия, государство). И, конечно, в книге много клинических примеров и зарисовок. Профессиональный сленг минимизирован и объясняется простыми словами по ходу текста — так что читать удобно и не надо отвлекаться на Google, в поиске термина. Текст доступен для понимания широкому кругу читателей, но ориентирован в первую очередь на профессионалов — психоаналитиков и психотерапевтов других направлений, а также психиатров, психологов, социальных работников и педагогов.

Как заказать книгу

Напишите нам на почту: projectskaf.spb@gmail.com или сообщение в сообществе во «ВКонтакте» vk.com/projectskaf, указав: 1. ФИО заказчика, 2. Адрес доставки, 3. Контактный номер телефона, 4. Способ доставки, 5. Количество экземпляров книги.

Оплата производится переводом на карту Сбербанка: 5469 5500 6168 9904 (с сообщением: «На грани современного анализа»). Стоимость книги — 1400 рублей.

¹ Spotnitz H. Large Group Analysis: Regression, Progression, Creativity» Modern Psychoanalysis. — Vol. X, 2, 1985. — p. 119–136.

АВТОРЫ

Маркус Фай
(Markus Föh)

Доктор философии (Dr. phil.), клинический психолог и социолог, член IPA, тренинг-аналитик Швейцарской психоаналитической ассоциации, почетный президент ECPP (Vienna, Austria), профессор факультета психотерапевтических наук Sigmund-Freud-Private-University Vienna (SFU)

Интервью

[с. 22](#)

Барбара Фитцджеральд
(Barbara Fitzgerald)

Паст-президент ECPP (Vienna, Austria), аккредитованный член Ассоциации Семейной Терапии Ирландии; почетный член Ирландской Ассоциации Гуманистической и Интегративной Психотерапии; член Правления, обучающий тренер и супервизор Ирландской Психоаналитической Ассоциации, член Правления EAP (Дублин, Ирландия)

Интервью

[с. 15](#)

Янина Мику
(Gianina Micu)

MD, PhD, частнопрактикующий психоаналитик (с 2003 г; Венгрия, Будапешт), член Румынского психоаналитического сообщества (Full Member of Romanian Society of Psychoanalysis, RSP), вице-президент, руководитель Научного комитета (RSP), член IPA (Aging Committee), директор и Главный редактор Румынского психоаналитического журнала (Romanian Journal of Psychoanalysis, RJP), ведущий семинаров «Начало психоанализа» (2010-2020).

Институция — неотъемлемая «третья сторона», определяющая парадигму функционирования профессионального сообщества

[с. 107](#)

Эдриан Роудс
(Adrian Rhodes)

Психоаналитический психотерапевт, священник Манчестерского собора, президент Европейской конфедерации психоаналитических психотерапевтов (ECPP, Vienna, Austria), паст-президент Европейской Психотерапевтической Ассоциации (EAP), генеральный секретарь и Вице-Президент Британского Совета по Психотерапии (Манчестер, Великобритания)

Интервью

[с. 20](#)

Вильгельм Скогстад
(Wilhelm Skogstad)

Психиатр, психоаналитик, тренинг-аналитик и супервизор Британского психоаналитического сообщества (British Psychoanalytical Society, BPS). В течение 20 лет работал консультирующим психиатром в больнице Касселя (Cassel Hospital), зав. отделением для взрослых, клиническим руководителем.

Наблюдающий участник психотерапевтической клинике

[с. 122](#)

Марион Верт
(Marion Werth)

Психолог, психоаналитик (German Society for Individual Psychology), тренинг-аналитик и супервизор Института Альфреда Адлера (Alfred-Adler-Institute Aachen-Cologne e.V.), консультант по организационному развитию и тренер по менеджменту

Идентичность и чувство принадлежности в психоаналитических институтах в свете диадических отношений

[с. 98](#)

Васильева Екатерина Игоревна

Психолог-психоаналитик, член ЕАРПП (Россия) и ECPP (Vienna, Austria), член правления и председатель РО-Хабаровский край (ЕАРПП)

Три доклада и один терапевтический процесс

[с. 48](#)

Владимирова Елена Юрьевна

Клинический психолог, психоаналитик, член ЕАРПП (Россия) и ECPP (Vienna, Austria)

Киноклуб — уже не проект, мы этим живём...

[с. 169](#)

Гридаева Галина Витальевна

Психотерапевт, психоаналитик, сертифицированный специалист и тренинг-аналитик ЕАРПП (Россия) и ECPP (Vienna, Austria), член Правления (ЕАРПП), зам. председателя РО-Самара (ЕАРПП), руководитель Центра Современного Психоанализа (г. Самара), зам. председателя Самарского Психоаналитического Общества

Обзорная экскурсия по ЕАРПП

[с. 25](#)

Голова взаимы. После доклада Яна Федорова

[с. 94](#)

Супергерои в поисках депрессивной позиции

[с. 190](#)

Гунар Татьяна Юрьевна

Клинический психолог, психоаналитик, сертифицированный специалист и тренинг-аналитик ЕАРПП (Россия) и ECPP (Vienna, Austria), член правления и руководитель комитета по членству (ЕАРПП), преподаватель Московской Школы Группового Психоанализа (МШГА) и Открытого Медико-Психологического Университета (ОМПУ), автор программ дополнительного образования (ЕАРПП)

При живом отце — безотцовщина.

Как это бывает

[с. 77](#)

Князева Алена Викторовна

Психолог, психоаналитик, сертифицированный специалист ЕАРПП (Россия, РОЕкатеринбург) и ECPP (Vienna, Austria), преподаватель программы «Психоанализ» в ИППК УрФУ, соорганизатор дискуссионно-образовательного клуба психоаналитиков «Свободная ассоциация»

О проекте «Свободной Ассоциации»

«Фильм-Анализ»

[с. 156](#)

Князькова Олеся Николаевна

Психоаналитически ориентированный психолог, кандидат педагогических наук, член ЕАРПП (Россия) и ECPP (Vienna, Austria), член правления РО-Самара (ЕАРПП)

Киноклуб: психоанализ культуры

в пространстве кадра

[с. 150](#)

АВТОРЫ

**Ларина Екатерина-К.
Николаевна**

Психолог, психоаналитик, сертифицированный специалист и тренинг-аналитик ЕАРПП (Россия) и ЕСРР (Vienna, Austria), член Правления РО-Екатеринбург (ЕАРПП)

Социализация и индивидуация глазами французского психоаналитика

с. 50

**Лемешко Константин
Александрович**

Врач-психиатр, психоаналитик, старший преподаватель кафедры Основ клинического психоанализа Московский институт психоанализа (МИП, Москва), старший преподаватель Российский Государственный Гуманитарный Университет (РГГУ, Москва)

Обзор книги Каролы Ленэке «Сексуальные преступления и симбиотические отношения: научное психоаналитическое исследование»

с. 200

**Лёвина Вера
Андреевна**

Психолог, психоаналитик, сертифицированный специалист ЕАРПП (Россия) и ЕСРР (Vienna, Austria), преподаватель Уральского Федерального Университета

О проекте «Свободной Ассоциации» «Фильм-Анализ»

с. 156

Рецензия на фильм А. В. Хансена «Я убиваю великанов»

с. 183

**Мазалова Наталья
Александровна**

Психолог, психоаналитик, член ЕАРПП (Россия, РО-Новосибирск) и ЕСРР (Vienna, Austria)

Травма Я и индивидуация: лебединая верность себе

с. 54

**Маслов Михаил
Николаевич**

Магистр психологии, сертифицированный специалист и тренинг-аналитик ЕАРПП (Россия) и ЕСРР (Vienna, Austria), член Правления и Председатель РО-Ростов-на-Дону (ЕАРПП), аккредитованный супервизор ОППЛ

Синопсис к докладу Рональда Доктора «Индивидуация и социализация: путешествие героя»

с. 62

**Метельская Юлия
Сергеевна**

Психолог, психоаналитик, сертифицированный специалист и тренинг-аналитик ЕАРПП (Россия, РО-Ярославль) и ЕСРР (Vienna, Austria), член Правления ЕАРПП, председатель РО-Ярославль (ЕАРПП)

Анализ фильма «Эскорт». Секс не тайна, тайна — отношения

с. 184

**Преображенская Екатерина
Ивановна**

Психолог, психоаналитик, член ЕАРПП (Россия, РО-Екатеринбург) и ЕСРР (Vienna, Austria), секретарь Правления РОЕкатеринбург (ЕАРПП)

Идентичность спасателя как форма ранней социализации ребенка

с. 66

**Савичева Елена
Петровна**

PhD, психоаналитический психотерапевт, тренинг-аналитик и супервизор ЕСРР (Vienna, Austria) и ЕАРПП (Россия). Групповой супервизор IGA. Преподаватель Московских вузов доп. образования. Автор программ доп. образования ЕАРПП. Председатель РО Москва (ЕАРПП)

Клинические Субботы — мероприятия РО-Москва и не только мероприятия...

с. 39

Пандемия: мыслить под обстрелом, принимать онлайн

с. 128

**Федоров Ян
Олегович**

Врач-психиатр, психоаналитик, кандидат медицинских наук, тренинг-аналитик и супервизор ЕАРПП (Россия) и ЕСРР (Vienna, Austria), вице-президент и член Правления (ЕАРПП), заведующий Дневным стационаром №4 СПб ГБУЗ «Больница им. П. П. Кащенко», супервизор Российской Психотерапевтической Ассоциации (РПА)

Психоаналитик в поисках себя, команды, сообщества

с. 85

**Фогт Анна
Александровна**

Врач-психиатр, психотерапевт психоаналитической направленности, член ЕАРПП (Россия, РО-Санкт-Петербург) и ЕСРР (Vienna, Austria), куратор кино клуба Свободной Психотерапевтической Образовательной Лаборатории (СПОЛ), руководитель психологического центра SmartPsy

Свободный кино клуб

с. 159

**Холобесова Анастасия
Вячеславовна**

Психоаналитик, педагог-психолог первой квалификационной категории, член ЕАРПП (Россия, РО-Москва) и ЕСРР (Vienna, Austria)

Пандемия. Попытка осмысления

с. 134

**Черникова Анастасия
Юрьевна**

Клинический психолог, психоаналитик, сертифицированный специалист ЕАРПП (Россия) и ЕСРР (Vienna, Austria), преподаватель Уральского Федерального Университета)

О проекте «Свободной Ассоциации» «Фильм-Анализ»

с. 156

Рецензия на анимационный фильм Хаяо Миядзаки «Унесенные призраками»

с. 180

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ ЕАРПП

ПРОСТРАНСТВО

психоанализа и психотерапии